

ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
основано в июле 1961 года

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

18 апреля 2017 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление “О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве”, проект которого обсуждался на заседании Пленума, состоявшемся 23 марта 2017 г. под председательством **В.М. Лебедева** — Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

С докладами по этому вопросу выступили судьи Верховного Суда Российской Федерации **А.Г. Першутов** и **Е.С. Гетман**.

А.Г. Першутов отметил, что необходимость принятия данного постановления вызвана, прежде всего, изменениями процессуального законодательства. Так, Федеральным законом от 2 марта 2016 г. № 45-ФЗ в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации была введена глава 21¹ “Упрощенное производство”, и у судов общей юрисдикции возникла необходимость в получении соответствующих разъяснений по применению этого нового для них порядка рассмотрения дел.

Кроме того, Федеральным законом от 2 марта 2016 г. № 47-ФЗ были внесены изменения и в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, касающиеся упрощенного производства. Несмотря на то, что этот порядок производства арбитражными судами применяется достаточно давно, изменения законодательства вызвали некоторые затруднения в их применении и у судей арбитражных судов.

Проект постановления Пленума представляет собой совместный труд двух судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации — Судебной коллегии по гражданским делам и Судебной коллегии по экономическим спорам, а также Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики. Основу его составили ответы на вопросы, возникающие в практике работы как судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов. Главной целью подготовки данного постановления стало обеспечение единообразия судебной практики в разрешении вопросов, возникающих при рассмотрении дел в порядке упрощенного производства. В процессе подготовки проекта была учтена практика судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Проект постановления направлялся в Министерство юстиции Российской Федерации и в ведущие научные и учебные заведения страны, а также в Генераль-

ную прокуратуру Российской Федерации и Российский союз промышленников и предпринимателей. От них были получены замечания и предложения, большинство из которых учтено разработчиками.

Проект был рассмотрен на заседании Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, где наиболее активно обсуждались разъяснения, изложенные в нескольких вариантах, некоторые дискуссионные проблемы удалось разрешить.

Концепция представленного проекта постановления Пленума основана, прежде всего, на том, что институт упрощенного производства направлен на оптимизацию судопроизводства, на снижение трудозатрат при рассмотрении конкретных дел и судебной нагрузки в целом, с целью обеспечения более гарантированного доступа к правосудию граждан и субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности.

Е.С. Гетман в своем докладе остановилась на тех положениях проекта постановления Пленума, которые содержат разъяснения, адресованные не только судам, но и участникам процесса, отметив, в первую очередь, что в системе судов общей юрисдикции в порядке упрощенного производства определенные категории дел могут рассматривать не только районные суды, но и мировые судьи. Проект постановления определяет компетенцию мировых судей по рассмотрению дел в порядке упрощенного производства по исковым заявлениям о взыскании денежных средств, об истребовании имущества и о признании права собственности. Условием их рассмотрения является цена заявленного иска, которая не должна превышать 50 тыс. рублей.

В заключение **Е.С. Гетман** выразила уверенность в том, что рассматриваемый проект постановления позволит сформировать единообразную практику рассмотрения дел в порядке упрощенного производства и окажет действенную помощь в применении соответствующих норм гражданского и арбитражного процессуального законодательства.

В прениях по докладам выступили заместитель председателя Калининградского областного суда **В.Ю. Мухарычин**, судья Арбитражного суда Калужской области **М.А. Носова**, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова **Е.В. Кудрявцева**.

В работе Пленума также приняли участие полномочный представитель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации **Е.Б. Мизулина**, полномочный представитель Президента Российской Федерации в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации **А.А. Муравьев**, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации **Л.Г. Коржинек**, заместитель Министра юстиции Российской Федерации **М.Л. Гальперин**.

27 апреля 2017 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление “О судебной практике по делам о контрабанде”, проект которого обсуждался на заседании Пленума, состоявшемся 18 апреля 2017 г. под председательством **В.М. Лебедева** — Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

С докладом по этому вопросу выступил судья Верховного Суда Российской Федерации **О.К. Зателепин**, который вначале остановился на причинах необходимости разработки данного постановления.

В Уголовном кодексе Российской Федерации в редакции 1996 года имела одна ст. 188, предусматривающая ответственность за контрабанду. В 2011 году эта статья была признана утратившей силу, а Уголовный кодекс дополнен двумя статьями — ст. 226¹ (контрабанда сильнодействующих, ядовитых веществ, огнестрельного оружия и других предметов) и ст. 229¹ (контрабанда наркотических средств, психотропных веществ и других предметов). В 2013 году в Уголовный кодекс была включена ст. 200¹ (контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов), а в 2014 году появилась ст. 200² (контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий).

Таким образом, на сегодняшний день ответственность за контрабанду предусмотрена в четырех статьях, расположенных в трех главах Уголовного кодекса, т.е. контрабанда теперь имеет разные непосредственные объекты преступлений. Предметами контрабанды в основном являются не товары, а предметы, запрещенные или ограниченные в обороте либо в отношении которых установлены специальные правила перемещения.

В 2016 году за совершение преступлений, предусмотренных названными статьями, осуждено 692 лица. За последние годы наблюдается снижение количества осужденных за контрабанду. Так, в 2014 году было осуждено 1043 лица, а в 2015 году — 989.

Для рассмотрения уголовных дел о контрабанде, учитывая бланкетный характер соответствующих уголовно-правовых норм, имеет значение правовое регулирование таможенных отношений. В этой области за последние 10 лет произошли кардинальные изменения, связанные прежде всего с углублением интеграции в экономической области в рамках СНГ. В частности, это образование Евразийского экономического сообщества, принятие в 2009 году Таможенного кодекса Таможенного союза, заключение в 2014 году До-

говора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), который вступил в силу с 1 января 2015 г.

В ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Территории государств — членов Союза образуют единую таможенную территорию. В этом году подписан Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, который направлен в государства — члены Союза для ратификации. Предполагаемая дата вступления в силу — 1 июля 2017 г.

В связи с этим можно утверждать, что в настоящее время осуществлен переход к трехуровневой системе правового регулирования таможенных отношений: национальное, наднациональное (это право Союза) и международное.

В 2011 году после признания утратившим силу постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 г. “О судебной практике по делам о контрабанде”, которое к тому времени уже не соответствовало ни уголовному законодательству, ни правовому регулированию таможенных отношений, было принято решение организовать мониторинг судебной практики по делам о контрабанде в целях выявления вопросов, требующих разъяснения Пленума.

Эта работа продолжалась более пяти лет.

Проект постановления рассматривался на заседаниях рабочей группы с участием представителей Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства культуры Российской Федерации, Федеральной таможенной службы, Федеральной службы безопасности, Следственного комитета Российской Федерации, Евразийской экономической комиссии, Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, а также ученых ряда ведущих научных учреждений. Проект направлялся в суды, обсуждался на заседании Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации.

В прениях по докладу выступили руководитель Федеральной таможенной службы **В.И. Булавин**, заместитель председателя Омского областного суда **М.Г. Храменок**, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации **Л.Г. Коржинек**, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук **С.В. Складов**.

В работе Пленума также приняли участие полномочный представитель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации **Н.Г. Брыкин**, полномочный представитель Президента Российской Федерации в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации **А.А. Муравьев**, полномочный представитель Правительства Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации **М.Ю. Барщевский**, заместитель Министра юстиции Российской Федерации **А.Д. Алханов**.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 10 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 18 апреля 2017 г.

О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве

В целях обеспечения правильного и единообразного применения судами общей юрисдикции и арбитражными судами положений Граждан-

ского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации

(далее — АПК РФ) об упрощенном производстве Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет дать следующие разъяснения.

Общие положения.
Дела, рассматриваемые в порядке упрощенного производства

1. Упрощенное производство представляет собой специальный порядок рассмотрения дел, предусмотренный главой 21¹ ГПК РФ и главой 29 АПК РФ, согласно которым судами общей юрисдикции рассматриваются дела искового производства, а арбитражными судами рассматриваются дела искового производства и производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. В отличие от приказного производства рассмотрение дел в порядке упрощенного производства не исключает наличие спора о праве.

Дела, перечисленные в части первой статьи 232² ГПК РФ и частях 1 и 2 статьи 227 АПК РФ, а при согласии сторон — и иные дела рассматриваются мировыми судьями, иными судами общей юрисдикции и арбитражными судами в порядке упрощенного производства.

2. С иском заявлением (заявлением) по требованиям, рассматриваемым в порядке упрощенного производства, вправе обратиться гражданин — физические лица и индивидуальные предприниматели, организации, органы государственной власти, органы местного самоуправления, иные органы. С иском заявлением (заявлением) по требованиям, рассматриваемым в указанном порядке, в суд общей юрисдикции, арбитражный суд вправе обратиться прокурор в пределах своих полномочий.

3. С учетом положений пункта 5 части первой статьи 23 ГПК РФ мировыми судьями в порядке упрощенного производства рассматриваются дела по исковым заявлениям о взыскании денежных средств или об истребовании имущества, дела по исковым заявлениям о признании права собственности, если цена иска не превышает пятидесяти тысяч рублей, за исключением дел о наследовании имущества и дел, возникающих из отношений по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности (часть первая статьи 232² ГПК РФ).

Иные дела, предусмотренные статьей 232² ГПК РФ, рассматриваются районными судами в порядке упрощенного производства.

4. В соответствии с пунктом 1 части первой статьи 232² ГПК РФ, пунктом 1 части 1 статьи 227 АПК РФ суды общей юрисдикции и арбитражные суды рассматривают дела по исковым заявлениям о взыскании денежных средств в порядке упрощенного производства, если цена иска, рассматриваемого судом общей юрисдикции, не превышает ста тысяч рублей, а цена

иска, рассматриваемого арбитражным судом, — пятисот тысяч рублей (когда ответчиком является юридическое лицо) и двухсот пятидесяти тысяч рублей (когда ответчиком является индивидуальный предприниматель). При этом заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства только в случаях:

если указанное требование не подлежит рассмотрению в порядке приказного производства;

если по указанным требованиям может быть выдан судебный приказ, но в принятии заявления о вынесении (выдаче) судебного приказа по данным требованиям мировым судьей, арбитражным судом было отказано или судебный приказ был отменен (часть третья статьи 125, статьи 128 и 129 ГПК РФ, часть 3 статьи 229⁴, часть 4 статьи 229⁵ АПК РФ).

5. Согласно пункту 1 части первой статьи 232² ГПК РФ, пункту 1 части 1 статьи 227 АПК РФ под денежными средствами, которые подлежат взысканию в порядке упрощенного производства, понимаются суммы основного долга, а также начисленные на основании федерального закона или договора суммы процентов и неустоек (штрафа, пени), общая сумма которых не должна превышать пределов, установленных указанными нормами.

Цена иска, рассматриваемого судами общей юрисдикции, арбитражными судами и состоящего из нескольких самостоятельных требований, определяется суммой всех требований.

6. Требования, вытекающие из гражданских правоотношений, одно из которых носит имущественный характер и относится к требованиям, указанным в части первой статьи 232² ГПК РФ, частях 1, 2 статьи 227 АПК РФ, а другое — неимущественный характер, рассматриваются в порядке упрощенного производства в случае, если суд не выделит требование, которое носит неимущественный характер, в отдельное производство (часть шестая статьи 232² ГПК РФ, часть 7 статьи 227 АПК РФ). Так, рассматриваются в порядке упрощенного производства дела, в которых, наряду с подлежащими рассмотрению в таком порядке требованиями потребителя о взыскании денежных средств, заявлено требование о компенсации морального вреда.

7. По смыслу пункта 1 части первой статьи 232² ГПК РФ, в порядке упрощенного производства судами общей юрисдикции рассматриваются дела об истребовании как движимого, так и недвижимого имущества. При этом стоимость недвижимого имущества определяется исходя из его кадастровой стоимости, а стоимость движимого имущества и стоимость недвижимого имущества, сведения о кадастровой стоимости которого отсутствуют, — исходя из рыночной стоимости.

8. В соответствии с пунктом 2 части первой статьи 232² ГПК РФ в порядке упрощенного производства рассматриваются дела по исковым заявлениям о признании права собственности, если цена иска не превышает ста тысяч рублей. К

таким делам относятся, например, дела о признании права собственности на недвижимое имущество.

9. В силу пункта 3 части первой статьи 232² ГПК РФ, пункта 1 части 2 статьи 227 АПК РФ суды общей юрисдикции и арбитражные суды, независимо от суммы заявленных требований, рассматривают дела по искам, основанным на представленных истцом документах, устанавливающих денежные обязательства ответчика, которые ответчиком признаются, но не исполняются, и (или) на документах, подтверждающих задолженность по договору, кроме дел, рассматриваемых в порядке приказного производства.

К числу документов, устанавливающих денежные обязательства ответчика, относятся, например, договор займа, кредитный договор, договор энергоснабжения, договор на оказание услуг связи, договор аренды, договор на коммунальное обслуживание.

К документам, подтверждающим задолженность по договору, относятся документы, которые содержат письменное подтверждение ответчиком наличия у него задолженности перед истцом (например, расписка, подписанная ответчиком, ответ на претензию, подписанный сторонами акт сверки расчетов).

По смыслу пункта 1 части 2 статьи 227 АПК РФ, к документам, указанным в данном пункте, также может относиться представленная налогоплательщиком в налоговый орган налоговая декларация в случае, если исчисленная сумма налога, сведения о которой указаны в этой декларации, не уплачена в установленный срок.

Дело подлежит рассмотрению в порядке упрощенного производства, если представленные документы подтверждают только часть задолженности, а часть требований, которая не подтверждена такими документами, не превышает пределов, установленных пунктом 1 части первой статьи 232² ГПК РФ, пунктом 1 части 1 статьи 227 АПК РФ.

Судам следует иметь в виду, что в случае необходимости выяснения дополнительных обстоятельств или исследования дополнительных доказательств суд вправе вынести определение о переходе к рассмотрению дела по общим правилам искового производства или производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений (часть четвертая статьи 232² ГПК РФ, часть 5 статьи 227 АПК РФ).

10. Требования, предусмотренные пунктом 3 части первой статьи 232² ГПК РФ и пунктом 1 части 2 статьи 227 АПК РФ, подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства в одном из следующих случаев:

если цена иска превышает установленные частью первой статьи 121 ГПК РФ и статьей 229² АПК РФ пределы;

если цена иска не превышает таких пределов, но в принятии заявления о вынесении (выдаче) судебного приказа по данным требованиям мировым судьей, арбитражным судом было отказано или судебный приказ был отменен (часть тре-

тья статьи 125, статьи 128 и 129 ГПК РФ, часть 3 статьи 229⁴, часть 4 статьи 229⁵ АПК РФ);

если цена иска не превышает указанных пределов, но требование не подлежит рассмотрению в порядке приказного производства (например, требование о взыскании неначисленной работнику заработной платы).

Размер денежной суммы, взыскиваемой на основании пункта 3 части первой статьи 232² ГПК РФ и пункта 1 части 2 статьи 227 АПК РФ, может быть пересчитан на дату вынесения решения суда, а также на дату фактического исполнения денежного обязательства.

11. Согласно пункту 2 части 1 статьи 227 АПК РФ в порядке упрощенного производства арбитражными судами подлежат рассмотрению дела об оспаривании ненормативных правовых актов, решений органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц, если в соответствующих ненормативном правовом акте, решении содержится требование об уплате денежных средств или предусмотрено взыскание денежных средств либо обращение заявителя при условии, что указанные акты, решения оспариваются заявителем в части требования об уплате денежных средств или взыскания денежных средств либо обращения заявителя на иное имущество заявителя и при этом оспариваемая заявителем сумма не превышает ста тысяч рублей.

Если заявителем оспариваются действия (бездействие) органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц (часть 1 статьи 198 АПК РФ), не связанные с изданием актов, решений, содержащих требование об уплате денежных средств или предусматривающих взыскание денежных средств либо обращение заявителя на иное имущество заявителя, такие дела не подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства.

При этом дела об оспаривании решений и действий (бездействия) должностного лица службы судебных приставов с учетом положений абзаца второго части 1 статьи 200 АПК РФ также не подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства.

12. Если с учетом положений части 1 статьи 130 АПК РФ в заявлении соединены требования об оспаривании различных ненормативных правовых актов (решений) органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц либо требование об оспаривании ненормативного правового акта (решения) и требование об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности и связанность заявленных требований обусловлена установлением одних и тех же фактов в оспариваемых ненормативных правовых актах (решениях), в том числе если один из оспариваемых ненормативных правовых актов (решений) принят на основе другого ненормативного правового акта (решения), что позволяет рассматривать такие требования в рамках одного судебного дела, при этом одно из требований относится к делам, указанным в пунктах 2 или 4 час-

ти 1 статьи 227 АПК РФ, а второе к ним не относится, рассмотрение дела арбитражными судами осуществляется по общим правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений.

13. По смыслу положений пунктов 3 и 4 части 1 статьи 227 АПК РФ, части 5 статьи 28.1, статьи 29.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), в порядке упрощенного производства подлежат рассмотрению также дела об оспаривании постановлений административных органов об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении или о прекращении производства по делу об административном правонарушении, если за совершение административного правонарушения законом установлено административное наказание в виде административного штрафа, максимальный размер которого не превышает ста тысяч рублей.

14. При применении пункта 5 части 1 статьи 227 АПК РФ необходимо учитывать, что в порядке упрощенного производства арбитражными судами подлежат рассмотрению дела о взыскании обязательных платежей и санкций, если указанный в заявлении общий размер подлежащей взысканию денежной суммы не превышает ста тысяч рублей, в случае, если в принятии заявления о выдаче судебного приказа по данным требованиям арбитражным судом было отказано или судебный приказ был отменен (часть 3 статьи 229⁴, часть 4 статьи 229⁵ АПК РФ).

15. В порядке упрощенного производства судами общей юрисдикции и арбитражными судами могут быть рассмотрены дела, не включенные в перечень, содержащийся в части первой статьи 232² ГПК РФ, частях 1 и 2 статьи 227 АПК РФ, если стороны согласовали рассмотрение такого дела по правилам упрощенного производства и если отсутствуют обстоятельства, указанные в частях третьей и четвертой статьи 232² ГПК РФ, частях 4 и 5 статьи 227 АПК РФ.

Согласование рассмотрения дела в порядке упрощенного производства осуществляется в ходе подготовки дела к судебному разбирательству посредством заявления стороной ходатайства об этом и представления согласия другой стороны либо представления в суд согласия сторон на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства, предложенное по инициативе суда (пункт 5¹ части первой статьи 150, статья 152, часть вторая статьи 232² ГПК РФ, часть 3 статьи 135, часть 3 статьи 227 АПК РФ).

Согласие сторон на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства должно быть очевидным, например следовать из письменного либо зафиксированного в протоколе заявления сторон.

Отсутствие возражений сторон в отношении предложения суда о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства само по себе не является согласием на рассмотрение дела в таком порядке.

16. Не подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства дела, связанные с госу-

дарственной тайной; дела по спорам, затрагивающим права детей; дела о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью; дела особого производства (часть третья статьи 232² ГПК РФ); дела по корпоративным спорам; дела о защите прав и законных интересов группы лиц (часть 4 статьи 227 АПК РФ), даже если стороны согласовали рассмотрение такого дела по правилам упрощенного производства.

Исходя из особенностей, установленных федеральными законами, регулирующими вопросы несостоятельности (банкротства) (часть 1 статьи 223 АПК РФ), не подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства также дела о банкротстве.

Кроме того, не подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства дела, отнесенные к подсудности Суда по интеллектуальным правам в качестве суда первой инстанции.

Особенности рассмотрения дел в порядке упрощенного производства

17. Дела в порядке упрощенного производства рассматриваются по правилам искового производства с особенностями, установленными главой 21¹ ГПК РФ, главой 29 АПК РФ, в частности, судебные заседания по указанным делам не назначаются, в связи с чем лица, участвующие в деле, не извещаются о времени и месте судебного заседания, протоколирование в письменной форме и с использованием средств аудиозаписи не осуществляется, правила об отложении разбирательства дела (судебного разбирательства), о перерыве в судебном заседании, об объявлении судебного решения не применяются (статья 232¹ ГПК РФ, статья 226 АПК РФ).

18. При принятии искового заявления (заявления) к производству суд решает вопрос о том, относится ли дело к категориям дел, указанным в части первой статьи 232² ГПК РФ, частях 1 и 2 статьи 227 АПК РФ.

Если по формальным признакам дело относится к категориям дел, названным в части первой статьи 232² ГПК РФ и частях 1 и 2 статьи 227 АПК РФ, то оно должно быть рассмотрено в порядке упрощенного производства, о чем указывается в определении о принятии искового заявления (заявления) к производству (часть вторая статьи 232³ ГПК РФ, часть 2 статьи 228 АПК РФ). Согласие сторон на рассмотрение данного дела в таком порядке не требуется.

Указание в исковом заявлении третьих лиц само по себе не является препятствием для его рассмотрения в порядке упрощенного производства (часть четвертая статьи 232² ГПК РФ, часть 5 статьи 227 АПК РФ).

19. Если дело не относится к категориям дел, подлежащих рассмотрению в порядке упрощенного производства, суд, приняв исковое заявление (заявление) к производству по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, начинает подготовку дела к судебному разбира-

тельству (статьи 133 и 147 ГПК РФ, статьи 127 и 134 АПК РФ).

В определении о принятии искового заявления (заявления) к производству, о подготовке дела к судебному разбирательству суд может предложить сторонам рассмотреть данное дело в порядке упрощенного производства (часть вторая статьи 232² ГПК РФ, часть 3 статьи 227 АПК РФ).

20. При обращении с исковым заявлением (заявлением) по требованию, подлежащему рассмотрению или рассмотренному в порядке приказного производства, истец или заявитель должен указать в исковом заявлении (заявлении) об отказе в принятии заявления о вынесении (выдаче) судебного приказа или об отмене судебного приказа и приложить копии соответствующих определений.

Если копия соответствующего определения отсутствует, однако заявитель обращался с заявлением о выдаче судебного приказа, такое исковое заявление (заявление) подлежит оставлению без движения (статья 136 ГПК РФ, статья 128 АПК РФ).

Если указанные требования не рассматривались в порядке приказного производства, то исковое заявление (заявление) подлежит возвращению (пункт 1¹ части первой статьи 135 ГПК РФ, пункт 2¹ части 1 статьи 129 АПК РФ).

21. Дела в порядке упрощенного производства рассматриваются судом общей юрисдикции, арбитражным судом в срок, не превышающий двух месяцев со дня поступления искового заявления (заявления) в суд (часть первая статьи 154 ГПК РФ, часть 2 статьи 226 АПК РФ).

22. В определении о принятии искового заявления (заявления) к производству суд указывает на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства и устанавливает следующие сроки представления участвующими в деле лицами в суд и друг другу доказательств и документов (части вторая и третья статьи 232³ ГПК РФ, части 2 и 3 статьи 228 АПК РФ):

1) пятнадцать дней или более — как для представления ответчиком отзыва (возражений) на исковое заявление (заявление), так и для представления любым участвующим в деле лицом доказательств, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений;

2) тридцать дней или более — для представления только дополнительных документов, содержащих объяснения по существу заявленных требований и возражений в обоснование своей позиции, но не содержащих ссылки на доказательства, которые не были раскрыты в установленный судом срок.

Сроки для совершения названных действий могут быть определены судом общей юрисдикции, арбитражным судом посредством указания точной календарной даты либо периода, исчисляемого со дня вынесения определения о принятии искового заявления (заявления) к производству или определения о переходе к рассмотрению дела в порядке упрощенного производства.

При определении продолжительности этого срока следует учитывать время на доставку почтовой корреспонденции и общий срок рассмотрения дела в порядке упрощенного производства. Период между моментами окончания первого и второго сроков должен составлять не менее пятнадцати дней.

При исчислении сроков представления лицами, участвующими в деле, в суд и друг другу доказательств и документов следует иметь в виду, что такие сроки в судах общей юрисдикции исчисляются в календарных днях (статьи 107 и 108, части вторая и третья статьи 232³ ГПК РФ), а в арбитражных судах — в рабочих (часть 3 статьи 113, части 2 и 3 статьи 228 АПК РФ).

23. При применении положений части 1 статьи 228 АПК РФ арбитражным судам необходимо исходить из того, что в целях реализации права лиц, участвующих в деле, на ознакомление с материалами дела в электронном виде на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” (далее — официальный сайт арбитражного суда) в режиме ограниченного доступа (часть 2 статьи 228 АПК РФ) в срок, не превышающий пяти дней со дня вынесения определения о принятии искового заявления (заявления) к производству, размещается как само исковое заявление (заявление), так и все прилагаемые к такому заявлению документы.

24. Лица, участвующие в деле, рассматриваемом в порядке упрощенного производства, считаются получившими копии определения о принятии искового заявления (заявления) к производству и рассмотрению дела в порядке упрощенного производства, если ко дню принятия решения суд располагает доказательствами вручения им соответствующих копий, направленных заказным письмом с уведомлением о вручении (часть первая статьи 113 ГПК РФ, часть 1 статьи 122 АПК РФ), а также в случаях, указанных в частях второй — четвертой статьи 116 ГПК РФ, в частях 2—5 статьи 123 АПК РФ, или иными доказательствами получения лицами, участвующими в деле, информации о начавшемся судебном процессе.

Гражданин, индивидуальный предприниматель и юридическое лицо несут риск последствий неполучения копии указанного определения по обстоятельствам, зависящим от них.

Если ко дню принятия решения по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, соответствующая информация в суд не поступила, либо поступила, но с очевидностью свидетельствует о том, что лицо не имело возможности ознакомиться с материалами дела и представить возражения и доказательства в обоснование своей позиции в порядке, предусмотренном частью четвертой статьи 232³ ГПК РФ, частью 3 статьи 228 АПК РФ, суд выносит определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, в связи с необходимостью выяснения дополни-

тельных обстоятельств или исследования дополнительных доказательств (часть четвертая статьи 232³ ГПК РФ, часть 5 статьи 227 АПК РФ).

25. При применении части четвертой статьи 232³ ГПК РФ, части 4 статьи 228 АПК РФ необходимо исходить из того, что каждое участвующее в деле лицо, представляющее доказательства и документы, должно предпринять все зависящие от него меры к тому, чтобы до истечения срока, установленного в определении, в суд поступили представляемые им отзыв на исковое заявление, отзыв на заявление, доказательства и иные документы (в том числе в электронном виде) либо информация о направлении таких документов (например, телеграмма, телефонограмма и т.п.). Направление документов в суд и лицам, участвующим в деле, по почте без учета времени доставки корреспонденции не может быть признано обоснованием невозможности своевременного представления документа в суд, поскольку соответствующие действия относятся к обстоятельствам, зависящим от участвующего в деле лица.

Исходя из особенностей рассмотрения дел в порядке упрощенного производства, принципов состязательности, равноправия и добросовестности сторон, при представлении в суд общей юрисдикции указанных доказательств, документов и возражений лица, участвующие в деле, обязаны направить их друг другу, а также представить в суд документы, подтверждающие направление таких доказательств, документов и возражений другим участвующим в деле лицам (часть четвертая статьи 1, статья 12, часть первая статьи 35, части вторая и третья статьи 232³ ГПК РФ).

Если в суд общей юрисдикции наряду с доказательствами, документами и возражениями не представлены документы, подтверждающие их направление другим участвующим в деле лицам, то такие доказательства, документы и возражения судом общей юрисдикции не принимаются и подлежат возвращению, о чем выносятся определение.

26. При рассмотрении дела в порядке упрощенного производства письменные доказательства представляются с учетом положений статей 71, 72 ГПК РФ, статьи 75 АПК РФ.

Суд в пределах двухмесячного срока рассмотрения дела вправе при необходимости устанавливать дополнительные сроки для представления подлинных документов по требованию суда, истребования доказательств по правилам частей второй — четвертой статьи 57 ГПК РФ, частей 5 и 6 статьи 66 АПК РФ.

27. Если доказательства и документы поступили в суд по истечении установленного судом срока, такие доказательства и документы не принимаются и не рассматриваются судом и возвращаются лицам, которыми они были поданы, за исключением случаев, когда сроки представления таких доказательств и иных документов пропущены по уважительным причинам (часть четвертая статьи 232³ ГПК РФ), или если эти лица обосновали невозможность представления указанных документов в установленный судом срок

по причинам, не зависящим от них (часть 4 статьи 228 АПК РФ).

О возвращении таких документов суд общей юрисдикции, арбитражный суд выносят определение (часть четвертая статьи 1 ГПК РФ, часть 4 статьи 228 АПК РФ).

28. Если невозможность представления в суд доказательств (документов), которые, по мнению суда, имеют значение для правильного разрешения спора, признана судом обоснованной по причинам, не зависящим от лица, участвующего в деле (например, необходимость в представлении доказательства возникла в результате ознакомления с доказательством, представленным другим участвующим в деле лицом на исходе срока представления доказательств), такое доказательство (документ) учитывается судом, когда оно поступило в суд не позднее даты принятия решения по делу и при наличии возможности лиц, участвующих в деле, ознакомиться с таким доказательством (документом), а также высказать позицию в отношении его.

При этом суд в пределах двухмесячного срока рассмотрения дела устанавливает разумный срок для ознакомления лиц, участвующих в деле, с представленными доказательствами (документами).

В случае отсутствия у суда возможности установить срок, необходимый для ознакомления лиц, участвующих в деле, с представленными доказательствами (документами), суд вправе вынести определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, в связи с необходимостью выяснения дополнительных обстоятельств или исследования дополнительных доказательств (часть четвертая статьи 232³ ГПК РФ, часть 5 статьи 227 АПК РФ).

29. Заявления и ходатайства рассматриваются судом общей юрисдикции, арбитражным судом в порядке, предусмотренном статьей 166 ГПК РФ, статьей 159 АПК РФ без проведения судебного заседания и с учетом других особенностей рассмотрения дела в порядке упрощенного производства.

Суд общей юрисдикции, арбитражный суд рассматривают заявление и ходатайство в разумный срок, обеспечивающий лицам, участвующим в деле, возможность заявить свои возражения, и по результатам их рассмотрения выносят определение.

Исходя из особенностей рассмотрения дел в порядке упрощенного производства, принципов состязательности, равноправия и добросовестности сторон, при направлении в суд общей юрисдикции заявлений и ходатайств лица, участвующие в деле, обязаны направить их друг другу, а также представить в суд документы, подтверждающие направление указанных заявлений и ходатайств другим участвующим в деле лицам (часть четвертая статьи 1, статья 12, часть первая статьи 35, части вторая и третья статьи 232³ ГПК РФ).

Заявления и ходатайства, поданные в арбитражный суд, размещаются на официальном сайте арбитражного суда в режиме ограниченного доступа в срок, не превышающий трех дней со дня их поступления в арбитражный суд, применительно к положениям абзаца второго части 4 статьи 228 АПК РФ. Лица, участвующие в деле, вправе высказать по ним свое мнение в письменной форме, направив соответствующий документ в арбитражный суд, в том числе в электронном виде посредством системы “Мой Арбитр”.

Определение арбитражного суда, вынесенное по результатам рассмотрения заявления или ходатайства, размещается на его официальном сайте не позднее следующего дня после дня вынесения этого определения применительно к части 2 статьи 228 АПК РФ. В силу части четвертой статьи 1 ГПК РФ определение суда общей юрисдикции также подлежит размещению на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” в указанный срок.

30. При рассмотрении дела в порядке упрощенного производства стороны вправе заключить мировое соглашение.

Сторона или стороны могут направить в суд в том числе в электронном виде подписанный ими проект мирового соглашения до истечения срока рассмотрения дела в порядке упрощенного производства. В этом случае суд не переходит к рассмотрению дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, а назначает судебное заседание для рассмотрения вопроса об утверждении мирового соглашения с вызовом участвующих в деле лиц, а также с осуществлением протоколирования в письменной форме и с использованием средств аудиозаписи (часть вторая статьи 39, статья 173 ГПК РФ, часть 2 статьи 141 АПК РФ).

Если мировое соглашение не будет утверждено в этом судебном заседании, суд выносит определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, на основании пункта 2 части четвертой статьи 232² ГПК РФ, пункта 3 части 5 статьи 227 АПК РФ.

Переход к рассмотрению дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений

31. Переход к рассмотрению дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, осуществляется судом по своей инициативе или по ходатайству лица, участвующего в деле, при наличии оснований, предусмотренных частью четвертой статьи 232² ГПК РФ, частью 5 статьи 227 АПК РФ.

В определении о рассмотрении дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, должно содержаться обоснование вывода суда о невозможности рассмотрения дела в порядке упрощенного производства.

32. Если в ходе рассмотрения дела в порядке упрощенного производства истец заявит ходатайство об увеличении размера исковых требований, в результате чего цена иска превысит пределы, установленные пунктом 1 части первой статьи 232² ГПК РФ, пунктом 1 части 1 статьи 227 АПК РФ, суд переходит к рассмотрению дела по общим правилам искового производства.

Если же в результате увеличения размера исковых требований цена иска не превысит установленные пределы, вопрос о необходимости перехода к рассмотрению дела по общим правилам искового производства решается судом с учетом фактической возможности обеспечения права ответчика представить возражения и доказательства в обоснование своей позиции в порядке, предусмотренном частью второй статьи 232³ ГПК РФ и частью 3 статьи 228 АПК РФ.

33. Обстоятельства, препятствующие рассмотрению дела в порядке упрощенного производства, указанные в части четвертой статьи 232² ГПК РФ, части 5 статьи 227 АПК РФ (например, необходимость выяснения дополнительных обстоятельств или исследования дополнительных доказательств), могут быть выявлены как при принятии искового заявления (заявления) к производству, так и в ходе рассмотрения этого дела.

В случае выявления таких обстоятельств суд выносит определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, и указывает в нем действия, которые надлежит совершить лицам, участвующим в деле, и сроки совершения этих действий (часть пятая статьи 232² ГПК РФ, часть 6 статьи 227 АПК РФ). Такое определение не подлежит обжалованию.

Указанное определение может быть вынесено в том числе по результатам рассмотрения судом ходатайства участвующего в деле лица, указавшего на наличие одного из обстоятельств, предусмотренных пунктами 1 и 2 части четвертой статьи 232² ГПК РФ, пунктами 1—3 части 5 статьи 227 АПК РФ. Данное ходатайство может быть подано до окончания рассмотрения дела по существу.

34. Если в ходе рассмотрения дела в порядке упрощенного производства удовлетворено ходатайство о вступлении в дело третьего лица как заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, так и не заявляющего таковых, суд выносит определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений (часть четвертая статьи 232² ГПК РФ, часть 5 статьи 227 АПК РФ).

Удовлетворение ходатайства стороны о привлечении третьего лица к участию в деле или при-

влечение его по инициативе суда (часть первая статьи 43 ГПК РФ, части 1 и 3 статьи 51 АПК РФ) само по себе не является основанием для перехода к рассмотрению дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений.

При рассмотрении дела в порядке упрощенного производства третьи лица пользуются процессуальными правами и несут процессуальные обязанности стороны (часть первая статьи 42, часть первая статьи 43 ГПК РФ, часть 2 статьи 50, часть 2 статьи 51 АПК РФ). В связи с этим третьему лицу, участвующему в рассмотрении дела в порядке упрощенного производства, направляется определение о привлечении его к участию в деле.

Одновременно с таким определением, применительно к части 2 статьи 228 АПК РФ, указанному лицу направляются данные, необходимые для его идентификации, в целях доступа к материалам дела в электронном виде.

Судебные акты по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства

35. Решение по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, принимается судом общей юрисдикции, арбитражным судом не ранее истечения сроков, установленных для представления доказательств и иных документов, но до истечения двухмесячного срока рассмотрения дела (часть пятая статьи 232³ ГПК РФ, часть 5 статьи 228 АПК РФ).

Дата вынесения и подписания судом резолютивной части решения считается датой принятия решения (часть первая статьи 232⁴ ГПК РФ, часть 1 статьи 229 АПК РФ).

36. В решении, принятом путем вынесения (подписания) резолютивной части, по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, должны содержаться в том числе основание возникновения обязательства (например, договор с указанием реквизитов), состав взыскиваемой задолженности (суммы основного долга, процентов и неустоек), период, за который произведено взыскание (статья 198 ГПК РФ, статья 170 АПК РФ).

37. По делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений и рассматриваемым арбитражными судами в порядке упрощенного производства, решение принимается путем подписания его резолютивной части.

Составление по таким делам мотивированного решения, обжалование решения осуществляются по правилам статьи 229 АПК РФ.

Решение, принятое путем подписания резолютивной части, и мотивированное решение по таким делам принимаются арбитражным судом с учетом особенностей, которые предусматривают требования к резолютивной части решений по этим делам (части 4, 6 статьи 201, часть 3 статьи 206, часть 4 статьи 211, часть 2 статьи 216 АПК РФ), порядок исполнения указанных решений (части 8 и 9 статьи 201, часть 4² статьи 206, часть 5² статьи 211 АПК РФ), направления копий таких решений (часть 5 статьи 206, часть 6 статьи 211 АПК РФ).

При этом следует учитывать, что трехдневный срок направления арбитражным судом копии решения, установленный частью 5 статьи 206 АПК РФ, применяется к делам о привлечении к административной ответственности, рассмотренным арбитражным судом в порядке упрощенного производства, по которым назначено наказание в виде предупреждения.

Решения по делам о привлечении к административной ответственности, рассмотренным арбитражным судом в порядке упрощенного производства, по которым назначено наказание в виде административного штрафа, могут быть направлены для исполнения после истечения 60-дневного срока со дня вступления соответствующего судебного акта в законную силу (части 1 и 5 статьи 32.2 КоАП РФ).

38. По рассматриваемым в порядке упрощенного производства делам о привлечении к административной ответственности, об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности принудительное исполнение производится на основании решения, принятого путем подписания резолютивной части, поскольку исполнительный лист на основании судебных актов по данным делам не выдается (часть 4² статьи 206, часть 5² статьи 211 АПК РФ).

39. В силу части второй статьи 232⁴ ГПК РФ суд общей юрисдикции, принявший решение по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, составляет мотивированное решение как по заявлению лиц, участвующих в деле, их представителей, так и в случае подачи апелляционных жалобы, представления.

Поскольку арбитражный суд, исходя из части 2 статьи 229 АПК РФ, составляет мотивированное решение только по заявлению лица, участвующего в деле, рассмотренном в порядке упрощенного производства, то при отсутствии соответствующего заявления лица, участвующего в деле, обжалованию подлежит решение, принятое путем подписания резолютивной части.

Суд общей юрисдикции, арбитражный суд вправе изготовить мотивированное решение по своей инициативе. В этом случае решение вступает в законную силу и срок на его обжалование исчисляется со дня принятия решения путем вынесения (подписания) резолютивной части.

Если срок подачи апелляционной жалобы, представления пропущен, то мотивированное решение по делу изготавливается только в случае восстановления указанного срока.

40. Пропущенный по уважительной причине срок на обращение с заявлением о составлении мотивированного решения (например, при отсутствии у лица, участвующего в деле, сведений о судебном акте, принятом в процедуре упрощенного производства) может быть восстановлен судом по ходатайству лица, участвующего в деле, в порядке, предусмотренном статьей 112 ГПК РФ, статьей 117 АПК РФ. С учетом особенностей упрощенного производства данное ходатайство рассматривается без проведения судебного заседания.

При отсутствии ходатайства о восстановлении пропущенного срока, а также при отказе в его восстановлении суд выносит определение о возвращении заявления о составлении мотивированного решения, которое может быть обжаловано (часть пятая статьи 112, пункт 2 части первой статьи 331 ГПК РФ, часть 6 статьи 117, часть 1 статьи 188 АПК РФ).

41. Заявление о составлении мотивированного решения, поданное до вынесения судом резолютивной части решения (например, содержащееся в тексте искового заявления, отзыва на исковое заявление), не влечет обязанности суда составить мотивированное решение (часть третья статьи 232⁴ ГПК РФ, часть 2 статьи 229 АПК РФ).

42. Мотивированное решение может быть изготовлено только судьей, подписавшим резолютивную часть решения (статья 157 ГПК РФ, статья 10, часть 2 статьи 18 АПК РФ).

Поскольку в случае подачи апелляционных жалобы, представления по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, составление судом общей юрисдикции мотивированного решения является обязательным, апелляционная инстанция суда общей юрисдикции в случае обжалования резолютивной части решения по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, и при отсутствии возможности у суда первой инстанции изготовить мотивированное решение (например, в случае прекращения полномочий судьи) отменяет такое решение и направляет дело в суд первой инстанции для рассмотрения по общим правилам искового производства (часть третья статьи 335¹ ГПК РФ).

43. Решение, принятое путем вынесения (подписания) резолютивной части, мотивированное решение (в случае его составления) по делу, рассмотренному судом общей юрисдикции, арбитражным судом в порядке упрощенного производства, размещаются в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" не позднее следующего дня после их принятия или изготовления (часть четвертая статьи 1 ГПК РФ, часть 1 статьи 229 АПК РФ).

44. Определения по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства (например, о прекращении производства по делу, об оставлении заявления без рассмотрения, по вопросу о судебных расходах), выносятся путем подписания судьей резолютивной части. При этом мотивированное определение составляется по правилам статьи 232⁴ ГПК РФ, статьи 229 АПК РФ (часть четвертая статьи 1 ГПК РФ, часть 5 статьи 3 АПК РФ).

45. Заявление по вопросу о судебных расходах, понесенных в связи с рассмотрением дела в порядке упрощенного производства, поданное в период производства по делу, подлежит рассмотрению вместе с основным требованием вне зависимости от размера заявляемых судебных расходов, что отражается в решении, принятом путем вынесения (подписания) резолютивной части.

Если вопрос о судебных расходах не разрешен, но требование о взыскании судебных расходов заявлялось и в суд представлялись обосновывающие его доказательства, то суд вправе при-

нять дополнительное решение в порядке, предусмотренном статьей 201 ГПК РФ, статьей 178 АПК РФ без проведения судебного заседания и без извещения лиц, участвующих в деле.

Лица, участвующие в деле, вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением по вопросу о судебных расходах после принятия решения в порядке, предусмотренном статьей 112 АПК РФ. В силу части четвертой статьи 1 ГПК РФ данное правило подлежит применению также в судах общей юрисдикции. Такое заявление рассматривается с учетом особенностей, предусмотренных статьей 232³ ГПК РФ, статьей 228 АПК РФ.

Дополнительное решение, определение, принятые по результатам рассмотрения данного заявления, обжалуются по правилам, предусмотренным частью восьмой статьи 232⁴ ГПК РФ, частью 4 статьи 229 АПК РФ для обжалования решений судов по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства.

46. Решение суда общей юрисдикции по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, приводится в исполнение после вступления его в законную силу (статья 209, статья 210, часть первая статьи 232¹ ГПК РФ) или после его принятия в случаях обращения судом решения к немедленному исполнению (статьи 211, 212 ГПК РФ).

Решение арбитражного суда по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, подлежит немедленному исполнению (часть 3 статьи 229 АПК РФ). Арбитражный суд выдает исполнительный лист взыскателю по его ходатайству независимо от подачи в суд заявления о составлении мотивированного решения или подачи апелляционной жалобы.

Обжалование судебных актов, принятых в порядке упрощенного производства

47. Апелляционные жалобы, представления на судебные акты по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства, рассматриваются судом апелляционной инстанции по правилам рассмотрения дела судом первой инстанции в упрощенном производстве с особенностями, предусмотренными статьей 335¹ ГПК РФ, статьей 272¹ АПК РФ.

В частности, такая апелляционная жалоба, представление рассматривается судьей единолично без проведения судебного заседания, без извещения лиц, участвующих в деле, о времени и месте проведения судебного заседания, без осуществления протоколирования в письменной форме или с использованием средств аудиозаписи. В то же время правила частей первой и второй статьи 232⁴ ГПК РФ, абзаца первого части 1, части 2 статьи 229 АПК РФ не применяются.

Судебное заседание проводится с ведением протокола в письменной форме и осуществлением протоколирования с использованием средств аудиозаписи в том случае, если с учетом характера и сложности рассматриваемого вопроса, а также доводов апелляционных жалобы, представления и возражений относительно них суд вызывает лиц, участвующих в деле, в судебное заседание (часть

первая статьи 335¹ ГПК РФ, часть 1 статьи 272¹ АПК РФ).

Учитывая, что при рассмотрении дела арбитражным судом первой инстанции в порядке упрощенного производства участвующим в деле лицам обеспечивается возможность ознакомления с материалами дела в режиме ограниченного доступа, арбитражным судам апелляционной инстанции следует при рассмотрении апелляционной жалобы разместить жалобу, отзыв на нее и прилагаемые к ним документы в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” в том же режиме.

48. В силу статей 325 и 335¹ ГПК РФ суд общей юрисдикции, рассмотревший дело в первой инстанции, после получения апелляционных жалобы, представления на решение суда по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, направляет лицам, участвующим в деле, копии жалобы, представления и приложенные к ним документы и устанавливает разумный срок для представления такими лицами возражений в письменной форме относительно апелляционных жалобы, представления в суд первой инстанции.

Исходя из особенностей рассмотрения дел в порядке упрощенного производства, принципов состязательности, равноправия и добросовестности сторон, при представлении в первую инстанцию суда общей юрисдикции указанных возражений лица, участвующие в деле, обязаны направить их друг другу, а также представить в суд документы, подтверждающие направление указанных возражений другим участвующим в деле лицам (часть четвертая статьи 1, статья 12, часть первая статьи 35, части вторая и третья статьи 232³, статья 325 ГПК РФ).

Если в первую инстанцию суда общей юрисдикции наряду с возражениями не представлены документы, подтверждающие их направление другим участвующим в деле лицам, то такие возражения судом не принимаются, о чем выносится определение.

Суд первой инстанции направляет дело с апелляционной жалобой, представлением и поступившими возражениями относительно них в суд апелляционной инстанции по истечении срока обжалования и установленного судом срока на представление в суд возражений (часть третья статьи 325 ГПК РФ), о чем уведомляет участвующих в деле лиц.

Апелляционная инстанция суда общей юрисдикции рассматривает поступившее по апелляционной жалобе, представлению дело в срок, не превышающий двух месяцев со дня его поступления в суд апелляционной инстанции (часть первая статьи 327² ГПК РФ).

Лица, участвующие в деле, могут быть вызваны в судебное заседание суда апелляционной инстанции с учетом характера и сложности рассматриваемого вопроса, а также доводов апелляционных жалобы, представления и возражений относительно них (часть первая статьи 335¹ ГПК РФ).

49. Арбитражный суд апелляционной инстанции после принятия апелляционной жалобы на решение суда по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, устанавливает ра-

зумный срок для представления отзыва на апелляционную жалобу и принимает постановление по итогам рассмотрения данной жалобы только после истечения указанного срока, но не позднее двух месяцев со дня ее поступления вместе с делом в арбитражный суд апелляционной инстанции (статьи 261, 262, 267, 271 АПК РФ).

Лица, участвующие в деле, могут быть вызваны в судебное заседание суда апелляционной инстанции с учетом характера и сложности рассматриваемого вопроса, а также доводов апелляционной жалобы и возражений относительно нее (часть 1 статьи 272¹ АПК РФ).

50. Судом общей юрисдикции при рассмотрении апелляционных жалобы, представления могут быть приняты дополнительные доказательства только в случае, если они поступили в суд первой инстанции при рассмотрении им дела и суд первой инстанции необоснованно отказал в принятии данных доказательств, в том числе по причине того, что сроки их представления пропущены по неважным причинам, либо вопрос об их принятии не был рассмотрен судом (статья 335¹ ГПК РФ).

Арбитражным судом при рассмотрении апелляционной жалобы могут быть приняты дополнительные доказательства только в случае, если суд апелляционной инстанции перешел к рассмотрению дела по правилам, установленным для рассмотрения дела в арбитражном суде первой инстанции, по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 3—5 части 4 статьи 270 АПК РФ (часть 2 статьи 272¹ АПК РФ).

51. Если в процессе рассмотрения апелляционных жалобы, представления судом установлены основания для отмены решения суда первой инстанции, предусмотренные пунктами 1, 3—5 части четвертой статьи 330 ГПК РФ, пунктами 1, 3—5 части 4 статьи 270 АПК РФ, то суд общей юрисдикции отменяет решение и направляет дело в суд первой инстанции для рассмотрения по общим правилам искового производства с учетом особенностей рассмотрения дел в порядке упрощенного производства, закрепленных в главе 21¹ ГПК РФ (часть третья статьи 335¹ ГПК РФ), а арбитражный суд апелляционной инстанции рассматривает дело по правилам искового производства и производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, установленным для рассмотрения дела в арбитражном суде первой инстанции, с учетом закрепленных в главе 29 АПК РФ особенностей рассмотрения дел в порядке упрощенного производства (часть 6¹ статьи 268 АПК РФ).

Если в процессе рассмотрения апелляционных жалобы, представления судом общей юрисдикции, арбитражным судом признаны обоснованными приведенные в апелляционной жалобе, представлении доводы о том, что дело, рассмотренное в порядке упрощенного производства, подлежало рассмотрению по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, то суд общей юрисдикции отменяет решение и на-

правляет дело в суд первой инстанции для рассмотрения по общим правилам искового производства (часть третья статьи 335¹ ГПК РФ), а арбитражный суд апелляционной инстанции рассматривает дело по общим правилам искового производства и производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, установленным для рассмотрения дела в арбитражном суде первой инстанции (часть 6¹ статьи 268 АПК РФ).

52. Если при рассмотрении апелляционной жалобы на решение по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, арбитражный суд осуществил переход к рассмотрению дела по правилам, установленным для рассмотрения дела в суде первой инстанции (часть 6¹ статьи 268 АПК РФ), производство по делу осуществляется по правилам раздела II АПК РФ. Такое дело рассматривается судьей единолично на основании части 1 статьи 272¹ АПК РФ.

Арбитражный суд апелляционной инстанции указывает на рассмотрение дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, в соответствующем определении.

Представленные в суд дополнительные доказательства размещаются арбитражным судом апелляционной инстанции в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” в режиме ограниченного доступа.

53. Исходя из смысла упрощенного производства определения суда первой инстанции, которые могут выступать предметом самостоятельного обжалования, подлежат пересмотру по правилам, установленным ГПК РФ, АПК РФ для обжалования решений судов по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства (часть первая статьи 331, часть восьмая статьи 232⁴ ГПК РФ, часть 1 статьи 188, часть 4 статьи 229 АПК РФ). К таким определениям относятся, например, определение об оставлении искового заявления (заявления) без рассмотрения, определение о прекращении производства по делу.

54. Судом общей юрисдикции кассационные жалобы, представления на постановления по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства, рассматриваются в судебном заседании, без вызова лиц, участвующих в деле, и без ведения протокола (статья 386¹ ГПК РФ).

С учетом характера и сложности разрешаемого вопроса, а также доводов кассационных жалобы, представления и возражений относительно них суд на основании части пятой статьи 386¹ ГПК РФ может вызвать лиц, участвующих в деле, в судебное заседание, при проведении которого ведется протокол.

55. Арбитражным судом кассационные жалобы на судебные акты по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства, рассматриваются без проведения судебного заседания, без вызова лиц, участвующих в деле, и без осуществления протоколирования (часть 2 статьи 284, часть 2 статьи 288² АПК РФ).

С учетом характера и сложности разрешаемого вопроса, а также доводов кассационной жалобы и возражений относительно нее арбитражный суд на основании части 2 статьи 288² АПК РФ может вызвать лиц, участвующих в деле, в судебное заседание.

Учитывая, что при рассмотрении дела арбитражным судом первой инстанции в порядке упрощенного производства участвующим в деле лицам обеспечивается возможность ознакомления с материалами дела в режиме ограниченного доступа, арбитражным судам кассационной инстанции следует при рассмотрении кассационной жалобы разместить жалобу, отзыв на нее и прилагаемые к ним документы в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” в том же режиме.

56. С учетом положений части 4 статьи 229 АПК РФ решения по делам о привлечении к административной ответственности, об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности, если размер административного штрафа за административное правонарушение, совершенное индивидуальным предпринимателем, составляет от пяти тысяч до ста тысяч рублей, и если такие решения являлись предметом рассмотрения в арбитражном суде апелляционной инстанции или если арбитражный суд апелляционной инстанции отказал в восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной жалобы, а также постановление арбитражного суда апелляционной инстанции, принятое по данному делу, могут быть обжалованы в арбитражный суд кассационной инстанции только по основаниям, предусмотренным частью 4 статьи 288 АПК РФ.

При этом положения части 4¹ статьи 206, части 5¹ статьи 211 АПК РФ не применяются.

57. Вступившие в законную силу судебные акты арбитражных судов по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства, которые не были предметом рассмотрения в арбитражном суде кассационной инстанции в силу отсутствия оснований, предусмотренных частью 4 статьи 288 АПК РФ, могут быть обжалованы в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в порядке, предусмотренном частью 1 статьи 291¹ АПК РФ.

Заключительные положения

58. В связи с принятием настоящего постановления признать не подлежащим применению постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 октября 2012 года № 62 “О некоторых вопросах рассмотрения арбитражными судами дел в порядке упрощенного производства”.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации*
В.М. ЛЕБЕДЕВ

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации*
В.В. МОМОТОВ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 12 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 27 апреля 2017 г.

О судебной практике по делам о контрабанде

В целях обеспечения единообразного применения судами норм уголовного закона об ответственности за контрабанду (статьи 200¹, 200², 226¹ и 229¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), а также в связи с вопросами, возникшими у судов, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет дать следующие разъяснения:

1. При рассмотрении уголовных дел о контрабанде судам необходимо учитывать, что правовое регулирование таможенных отношений в Российской Федерации осуществляется в соответствии с международными договорами и законодательством Российской Федерации о таможенном деле.

К числу международных договоров, в частности, относится Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее — Договор и Союз соответственно), а также иные международные договоры, заключенные Российской Федерацией с государствами — членами Союза, другими государствами (например, Соглашение о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках Евразийского экономического союза от 23 декабря 2014 года).

Обратить внимание судов на то, что в соответствии с пунктом 1 статьи 101 Договора до вступления в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза таможенное регулирование в Союзе осуществляется в соответствии с Договором о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 года (далее — ТК ТС) и иными международными договорами государств-членов, регулирующими таможенные правоотношения, заключенными в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза (например, Соглашение о порядке перемещения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров по таможенной территории Таможенного союза от 24 октября 2013 года).

С учетом положений пункта 2 статьи 101 Договора под используемыми в статьях 200¹, 200², 226¹ и 229¹ УК РФ терминами “таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС” (“таможенная граница Таможенного союза”), “Государственная граница Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС” следует понимать соответственно “таможенная граница Евразийского экономического союза” (далее — таможенная граница), “Государственная граница Российской Федерации с государствами — членами Евразийского экономического союза” (далее — государственная граница).

2. Судам следует принимать во внимание, что порядок перемещения через таможенную границу

или государственную границу товаров и иных предметов, а также связанные с таким перемещением запреты и (или) ограничения наряду с законодательством Российской Федерации (о таможенном деле, о Государственной границе Российской Федерации, о валютном регулировании и валютном контроле, об экспортном контроле и другим) устанавливаются правом Союза (статьи 6 и 32 Договора).

К праву Союза в том числе относятся решения и распоряжения постоянно действующего регулирующего органа Союза — Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках ее полномочий (например, решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 года № 30 “О мерах нетарифного регулирования”).

При рассмотрении дел о контрабанде культурных ценностей судам надлежит учитывать, что перечень культурных ценностей, в отношении которых установлен разрешительный порядок вывоза с таможенной территории Союза, правила их вывоза из Российской Федерации в другие государства, не являющиеся государствами — членами Союза, определяются решениями Коллегии Евразийской экономической комиссии.

3. При решении вопроса о наличии в действиях лица признаков составов преступлений, предусмотренных статьями 200¹, 200², 226¹ и 229¹ УК РФ, судам необходимо устанавливать принадлежность незаконно перемещенных товаров или иных предметов к перечисленным в этих статьях предметам контрабанды.

Если при установлении принадлежности незаконно перемещенных товаров или иных предметов к предметам контрабанды требуются специальные познания, то суды должны располагать соответствующими заключениями экспертов или специалистов.

4. При определении размера стоимости незаконно перемещенных через таможенную границу либо государственную границу предметов контрабанды судам следует исходить из государственных регулируемых цен, если таковые установлены; в остальных случаях размер указанной стоимости определяется на основании рыночной стоимости товаров, за исключением перемещенных физическим лицом через таможенную границу товаров для личного пользования, в отношении которых используется таможенная стоимость, определяемая в соответствии с главой 49 ТК ТС. При этом необходимо принимать во внимание правовые нормы, позволяющие не учитывать ту часть стоимости незаконно перемещенных товаров, которая разрешена к перемещению без декларирования и (или) была задекларирована (например, примечание 3 к статье 200¹, примечание 2 к статье 200² УК РФ).

При отсутствии сведений о цене товара его стоимость определяется на основании заключения эксперта или специалиста.

5. Перемещение через таможенную границу или государственную границу товаров и иных предметов заключается в совершении действий по ввозу соответственно на таможенную территорию Союза или территорию Российской Федерации или вывозу с этих территорий товаров или иных предметов любым способом.

Под незаконным перемещением товаров или иных предметов через таможенную границу следует понимать перемещение товаров или иных предметов вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с недостоверным декларированием или недекларированием товаров, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах или иных предметах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам или иным предметам средств идентификации.

При установлении факта незаконного перемещения товаров или иных предметов через государственную границу судам необходимо учитывать, что правовое регулирование ввоза или вывоза товаров и иных предметов с территории одного государства — члена Союза на территорию другого государства — члена Союза имеет свои особенности.

В частности, несмотря на то, что в Союзе обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, пункт 3 статьи 29 Договора допускает возможность ограничения оборота отдельных категорий товаров по основаниям, указанным в пункте 1 данной статьи Договора. При этом порядок перемещения или обращения таких товаров на таможенной территории Союза определяется в соответствии с Договором, а также международными договорами в рамках этого Союза.

Кроме того, на территории Российской Федерации, исходя из положений пункта 2 статьи 129 Гражданского кодекса Российской Федерации, законом или в установленном законом порядке могут вводиться меры правового регулирования, ограничивающие свободный оборот отдельных веществ или предметов, в частности, представляющих угрозу общественной безопасности.

6. Незаконное перемещение товаров или иных предметов через таможенную границу при контрабанде может совершаться посредством сокрытия от таможенного контроля товаров или иных предметов, то есть путем совершения любых действий, направленных на то, чтобы затруднить обнаружение таких товаров (предметов) либо утаить их подлинные свойства или количество, в том числе придание одним товарам (предметам) вида других, использование тайников, специально изготовленных или приспособленных для контрабанды в предметах багажа, одежды или оборудованных на транспортных средствах, используемых для перемещения товаров или иных предметов через таможенную границу.

7. Недекларирование как возможный способ совершения контрабанды заключается в невыполнении лицом требований права Союза и законодательства Российской Федерации о таможенном деле по декларированию товаров, то есть та-

моженному органу не заявляется весь товар либо его часть (не заявляется часть однородного товара, либо при декларировании товарной партии, состоящей из нескольких товаров, в таможенной декларации сообщаются сведения только об одном товаре, либо таможенному органу представляется товар, отличный от того, сведения о котором были заявлены в таможенной декларации).

Если декларантом либо таможенным представителем в таможенной декларации заявлены не соответствующие действительности (недостоверные) сведения о качественных характеристиках товара, необходимые для таможенных целей (например, сведения о наименовании, описании, классификационном коде по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Союза, о стране происхождения, о таможенной стоимости), то указанные действия следует рассматривать как недостоверное декларирование товаров.

При этом следует учитывать, что сведениями, необходимыми для таможенных целей, являются сведения, представляемые таможенным органам для принятия решения о выпуске товаров, помещения их под избранную таможенную процедуру, исчисления и взимания таможенных платежей, либо сведения, влияющие на применение к товарам запретов или ограничений.

8. Судам следует иметь в виду, что при контрабанде, совершенной путем использования документов, содержащих недостоверные сведения о товарах или иных предметах, таможенному органу в качестве оснований или условий для перемещения (помещения под таможенную процедуру) товаров или иных предметов, указанных в статьях 200¹, 200², 226¹, 229¹ УК РФ, могут представляться документы, содержащие недостоверные сведения, в частности, о наименовании, описании, классификационном коде по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, о стране происхождения, отправления, о таможенной стоимости, об описании упаковки (количество, вид, маркировка и порядковые номера).

Использование поддельных либо относящихся к другим товарам средств идентификации при контрабанде является использованием поддельных таможенных пломб, печатей, иных средств идентификации или подлинных средств идентификации, относящихся к другим товарам.

Незаконное перемещение товаров или иных предметов, совершенное с использованием изготовленного другим лицом поддельных официального документа, печати, полностью охватывается составом контрабанды и не требует дополнительной квалификации по статье 327 УК РФ.

Если лицо использует поддельный им же официальный документ или печать, содеянное квалифицируется как совокупность преступлений, предусмотренных статьей 327 УК РФ и статьями 200¹, 200², 226¹ и 229¹ УК РФ.

9. Контрабанда, совершенная при ввозе на таможенную территорию Союза или вывозе с этой территории товаров или иных предметов вне установленных мест (пунктов пропуска через таможенную границу) или в неустановленное время

работы таможенных органов в этих местах, является оконченным преступлением с момента фактического пересечения товарами или иными предметами таможенной границы.

В тех случаях когда при контрабанде применяются иные способы незаконного перемещения товаров или иных предметов, например, недостоверное декларирование или использование документов, содержащих недостоверные сведения о товарах или иных предметах, контрабанда признается оконченной с момента представления таможенному органу таможенной декларации либо иного документа, допускающего ввоз на таможенную территорию Союза или вывоз с этой территории товаров или иных предметов, в целях их незаконного перемещения через таможенную границу.

10. По уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 226¹ и 229¹ УК РФ, в тех случаях, когда незаконное перемещение предмета контрабанды осуществлено не только через таможенную границу, но и через государственную границу, содеянное следует рассматривать как одно преступление при наличии единого умысла лица на совершение перечисленных действий. Если у лица, совершившего контрабанду предметов, указанных в статьях 226¹ и 229¹ УК РФ, через таможенную границу, в дальнейшем возник умысел на перемещение этих же предметов через государственную границу, содеянное образует совокупность преступлений.

11. Обратить внимание судов, что в соответствии с примечанием 4 к статье 200¹ УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности, если им добровольно были сданы денежные средства и (или) денежные инструменты и если в его действиях не содержится иного состава преступления. По смыслу закона, добровольная сдача означает выдачу наличных денежных средств и (или) денежных инструментов представителям правоохранительных органов по своей воле, несмотря на реальную возможность распорядиться ими.

Если лицо наряду с контрабандой наличных денежных средств и (или) денежных инструментов обвиняется в совершении иных преступлений, оно освобождается от ответственности по статье 200¹ УК РФ независимо от привлечения его к ответственности за совершение иных преступлений.

12. Если лицо наряду с незаконным перемещением через таможенную границу либо через государственную границу предметов, перечисленных в статьях 226¹ и 229¹ УК РФ, совершает умышленное противоправное деяние, связанное с незаконным оборотом этих предметов, в том числе их перевозку, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 226¹ и (или) 229¹ УК РФ и соответствующими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации (в частности, статьями 218, 220, 222, 222¹, 228, 228¹, 228², 228³, 228⁴, 234, 355 УК РФ).

13. В случае признания контрабанды совершенной организованной группой действия всех ее членов, принимавших участие в подготовке или в совершении этого преступления, независимо от их фактической роли следует квалифицировать по части третьей статьи 200², части третьей ста-

ты 226¹, пункту “а” части четвертой статьи 229¹ УК РФ без ссылки на статью 33 УК РФ (например, одни участники организованной группы приобрели товар или иные предметы, другие — незаконно их перемещали через таможенную границу, третьи — руководили указанными действиями).

14. Если лицо, владеющее товарами или иными предметами, осуществило их незаконное перемещение через таможенную границу либо государственную границу, использовав в этих целях другое лицо, которое при этом не осознавало незаконности такого перемещения, оно подлежит ответственности по статье 200¹, 200², 226¹ и (или) 229¹ УК РФ как исполнитель данных преступлений. В этих случаях действия лица, не осознававшего факта совершения им контрабанды, не являются уголовно наказуемыми.

15. Получатель международного почтового отправления, содержащего предметы контрабанды, если он, в частности, приискал, осуществил заказ, оплатил, предоставил свои персональные данные, адрес, предусмотрел способы получения и (или) сокрытия заказанного товара, подлежит ответственности как исполнитель контрабанды.

16. При решении вопроса о территориальной подсудности уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьями 200¹, 200², 226¹ и 229¹ УК РФ, судам следует исходить из положений статьи 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) и при этом учитывать пункт 1 статьи 5 Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств — членов Таможенного союза, согласно положениям которого уголовное дело возбуждается и расследуется по месту совершения преступления, а в случае невозможности определения места совершения преступления — по месту обнаружения преступления.

В частности, если предмет контрабанды перемещается на таможенную территорию под видом товара посредством регистрируемого международного почтового отправления (заказным письмом, бандеролью, мелким пакетом), местом совершения такого преступления является место, по которому с таким товаром совершаются операции, связанные с его выпуском (место международного почтового обмена).

Если указанный предмет контрабанды перемещается на таможенную территорию простым (нерегистрируемым) международным почтовым отправлением и установить точное место перемещения через таможенную границу либо государственную границу такого почтового отправления невозможно, то местом совершения преступления следует считать: почтовый адрес получателя — в случае, когда почтовое отправление получено адресатом; адрес почтовой организации — в случае, когда почтовое отправление вручено получателю в почтовой организации или изъято в ней сотрудниками правоохранительных органов.

17. Обратить внимание судов на необходимость применения положений главы 15¹ УК РФ о конфискации предметов незаконного перемещения через таможенную границу либо государст-

венную границу, ответственность за которое установлена статьями 200¹, 200², 226¹ и (или) 229¹ УК РФ, и любых доходов от этого имущества, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу.

Если владельцем предметов контрабанды является лицо, признанное виновным в их незаконном перемещении, то такие предметы контрабанды подлежат конфискации.

18. В соответствии с частью третьей статьи 81 УПК РФ при вынесении приговора, а также определения или постановления о прекращении уголовного дела суд должен разрешить вопрос о признанных вещественными доказательствами предметах контрабанды и транспортных средствах, использовавшихся для незаконного перемещения товаров или иных предметов через таможенную границу либо государственную границу.

Если принадлежащее виновному транспортное средство было оборудовано специальными хранилищами для сокрытия товаров или иных предметов при перемещении их через таможенную границу или государственную границу (тайниками, изготовленными в целях сокрытия товаров, а также оборудованными и приспособленными на транспортных средствах в этих же целях конструктивными емкостями и предметами, предварительно подвергшимися разборке и монтажу), то оно рассматривается в качестве орудия преступления и подлежит конфискации в соответствии с пунктом 1 части третьей статьи 81 УПК РФ.

При прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям лицу должны быть разъяснены юридические последствия такого

прекращения, в том числе о возможности конфискации принадлежащего ему имущества, признанного вещественным доказательством.

В случае неустановления законных владельцев предметы контрабанды должны быть обращены по решению суда в собственность государства в установленном законом порядке.

Споры о принадлежности предметов контрабанды, признанных вещественными доказательствами, разрешаются в порядке гражданского судопроизводства.

Предметы контрабанды, запрещенные к обращению (наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, оружие и т.п.), согласно пункту 2 части третьей статьи 81 УПК РФ подлежат передаче в соответствующие учреждения или уничтожаются.

19. Признать не действующим на территории Российской Федерации постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 февраля 1978 года № 2 “О судебной практике по делам о контрабанде”.

Признать утратившим силу постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2010 года № 23 “О внесении изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 года № 6 “О судебной практике по делам о контрабанде”.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации*

В.М. ЛЕБЕДЕВ

Секретарь Пленума,

*судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Юридически значимым обстоятельством, подлежащим установлению при рассмотрении требования о признании той или иной сделки мнимой, является определение того, имелось ли у каждой стороны сделки намерение реально совершить и исполнить соответствующую сделку. В подтверждение доводов о мнимости сделки лицами, участвующими в деле, могут быть представлены не только письменные доказательства, но и свидетельские показания

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 19 апреля 2016 г. № 83-КГ16-4*

(Извлечение)

К. обратилась в суд с иском к З., Ш. о признании недействительным договора купли-продажи автомобиля, указав в обоснование заявленных требований следующее. Решением районного суда от

15 декабря 2014 г., оставленным без изменения апелляционным определением, с З. в пользу К. взыскана задолженность по договору займа и проценты за пользование денежными средствами. При рассмотрении указанного дела истец заявляла ходатайство о наложении ареста на принадлежащий З. автомобиль. В удовлетворении ходатайства судом было отказано, поскольку автомобиль был отчужден владельцем ее дочери Ш. по договору купли-продажи от 6 декабря 2014 г.

В ходе рассмотрения дела по иску К. к З. и Ш. о признании недействительной названной выше сделки вследствие ее мнимости по ходатайству истца определением районного суда был наложен запрет на отчуждение спорного автомобиля, собственником которого по регистрационным документам являлась Ш.

В нарушение указанного запрета Ш. продала автомобиль Н.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 19 апреля 2016 г. отменила апелляционное определение с направлением дела на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции в связи со следующим.

Согласно п. 1 ст. 170 ГК РФ мнимой является сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия.

По смыслу приведенной нормы права стороны мнимой сделки при ее заключении не имеют намерения устанавливать, изменять либо прекращать права и обязанности ввиду ее заключения, т.е. стороны не имеют намерений ее исполнять либо требовать ее исполнения.

При этом следует учитывать, что стороны такой сделки могут придать ей требуемую законом форму и произвести для вида соответствующие регистрационные действия, что само по себе не препятствует квалификации такой сделки как ничтожной на основании п. 1 ст. 170 ГК РФ.

Таким образом, юридически значимым обстоятельством, подлежащим установлению при рассмотрении требования о признании той или иной сделки мнимой, является установление того, имелось ли у каждой стороны сделки намерение реально совершить и исполнить соответствующую сделку.

В подтверждение доводов о мнимости сделки лицами, участвующими в деле, могут быть представлены не только письменные доказательства, но и свидетельские показания.

Разрешая требования истца и отказывая в их удовлетворении, суды исходили из того, что названные выше договоры купли-продажи не могли быть признаны мнимыми сделками, поскольку заключены в письменной форме, в них определены все существенные условия, автомобиль зарегистрирован за покупателями — сначала за Ш., а затем за Н., на имя которых соответственно заключены договоры ОСАГО.

При этом судом было указано, что наличие родственных и дружеских отношений между продавцом и покупателем доказательственного значения не имело.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что такие выводы судебных инстанций сделаны с существенными нарушениями норм материального и процессуального права.

В силу ст. 195 ГПК РФ решение суда должно быть законным и обоснованным.

В соответствии с ч. 4 ст. 198 данного Кодекса в мотивировочной части решения суда должны быть указаны обстоятельства дела, установленные судом; доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах; доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства; законы, которыми руководствовался суд.

Частями 3 и 4 ст. 67 этого же Кодекса предусмотрено, что суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности. Результаты оценки доказательств суд обязан отразить в

решении, в котором приводятся мотивы, по которым одни доказательства приняты в качестве средств обоснования выводов суда, другие доказательства отвергнуты судом, а также основания, по которым одним доказательствам отдано предпочтение перед другими.

Согласно пп. 2 и 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 “О судебном решении” решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права.

Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании, а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов.

В нарушение приведенных положений норм процессуального права и не учитывая разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, суд исходил только лишь из формального соблюдения сторонами требований к оформлению сделки и регистрации спорного автомобиля в органах ГИБДД за покупателем, а также из оформления на имя покупателя договора ОСАГО, необходимого для использования данного автомобиля.

Доводам о том, что автомобиль фактически использовался первоначальным собственником, о явном несоответствии указанной в договорах цены фактической стоимости автомобиля, о небольшом промежутке времени между двумя сделками, о том, что сделки по времени совпадали с предъявлением требований о применении мер обеспечения в отношении автомобиля, судебными инстанциями оценка дана не была.

В п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” разъяснено, что по смыслу ч. 1 ст. 196 ГПК РФ суд определяет, какие нормы права следует применить к установленным обстоятельствам. В связи с этим ссылка истца в исковом заявлении на не подлежащие применению в данном деле нормы права сама по себе не является основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования.

Из данного разъяснения следует, что неуказание истцом тех или иных норм материального права, подлежащих применению к приведенным в обоснование иска фактическим обстоятельствам дела, не является препятствием для суда в их применении либо основанием для отказа в их применении.

Предъявляя требования о признании сделок недействительными, истец ссылалась на злоупотребление правом со стороны ответчиков, а также на то, что они действовали в обход закона с целью избежания исполнения решения суда и недопущения обращения взыскания на автомобиль.

Согласно п. 3 ст. 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно.

В соответствии с пп. 1 и 2 ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

В случае несоблюдения приведенных выше требований суд, арбитражный суд или третейский суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом.

По смыслу приведенных выше законоположений добросовестность при осуществлении гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей предполагает поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующее ей.

При этом установление судом факта злоупотребления правом одной из сторон влечет принятие мер, обеспечивающих защиту интересов добросовестной стороны от недобросовестного поведения другой стороны.

В силу п. 2 ст. 168 ГК РФ сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

Пунктом 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” разъяснено, что если совершение сделки нарушает запрет, установленный п. 1 ст. 10 ГК РФ, в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной (пп. 1 или 2 ст. 168 ГК РФ).

Названные выше положения закона и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не были учтены судом при рассмотрении данного дела.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1. Кредитор, требования которого включены в реестр требований кредиторов как обеспеченные залогом, вправе отказаться от обеспечения части требований

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 1 августа 2016 г. № 308-ЭС15-6280(3)*

(Извлечение)

В рамках дела о банкротстве общества банк обратился в арбитражный суд с заявлением о

внесении изменений в реестр требований кредиторов должника (далее — реестр). Банк отказался от осуществления прав залогодержателя имущества по договорам залога в части требований и просил отразить данные требования в реестре как не обеспеченные залогом, а другую часть требований оставить обеспеченными залогом.

Суд первой инстанции удовлетворил заявление банка, придя к выводу о том, что, распоряжаясь своими правами по собственному усмотрению, банк вправе выбрать статус залогового или незалогового кредитора. Указанное право банк может реализовать в том числе и путем частичного отказа от залоговых прав уже после включения в реестр в качестве залогового кредитора.

При этом суд руководствовался п. 6 ст. 16, п. 4 ст. 134, ст. 138 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)”, ст. 9 ГК РФ и принял во внимание пп. 2, 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 58 “О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя”.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, определение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявления банка отказано. Суды исходили из того, что банк уже реализовал свое право на включение его требований в реестр и выбрал статус залогового кредитора. Суды пришли к выводу, что п. 6 ст. 450¹ ГК РФ не может быть применен без учета требований Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”. Суды также указали, что отказ банка от части прав должен сопровождаться отказом от определенного объекта залога или его части, чего не произошло. Кроме того, действия банка нарушают права других кредиторов. Суды руководствовались ст.ст. 2, 4, 16, 18¹, 32, 134, 138 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”, ст.ст. 9, 343, 345, 352, 450¹ ГК РФ с учетом пп. 8, 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. № 29 “О некоторых вопросах практики применения Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — постановление № 29).

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 1 августа 2016 г. отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе определение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Гражданское законодательство основывается на необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. Юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе (пп. 1, 2 ст. 1 ГК РФ).

Юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права (п. 1 ст. 9 ГК РФ). Свобода осуществления своих прав подразумевает свободный выбор лицом наиболее эффективного, по его мнению, способа защиты нарушенного права из тех, что предусмотрены законом.

Законный интерес кредитора в обязательственном правоотношении заключается в получении надлежащего встречного исполнения от должника (ст. 408 ГК РФ). Наличие дополнительного имущества, за счет которого может быть получено встречное исполнение, повышает гарантии исполнения обязательства должником и расширяет права кредитора. Так, в частности, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обязательства, обеспеченного залогом, кредитор вправе получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами залогодателя (п. 1 ст. 344 ГК РФ). При этом закон не обязывает кредитора действовать именно таким способом, а предоставляет ему возможность действовать по своему усмотрению.

Закон не запрещает залогодержателю отказываться от части своих прав, вытекающих из залога (в том числе и частично, освободив от возможных правоприязаний часть стоимости заложенного имущества). В то же время в силу п. 6 ст. 450¹ ГК РФ, п. 4 ч. 1 ст. 150, ч. 3 ст. 151 АПК РФ если кредитор отказался от правоприязания на преимущественное удовлетворение части своего требования за счет выручки от реализации заложенного имущества, то в последующем осуществление этого права не допускается.

Ограничение гражданских прав возможно только на основании федерального закона (п. 2 ст. 1 ГК РФ).

Исходя из п. 2 ст. 131, п. 4 ст. 134, ст. 138 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” кредитор, требования которого обеспечены залогом, имеет в банкротстве особый (привилегированный) статус, что следует из порядка распределения конкурсной массы. Вместе с тем указанный Федеральный закон, следуя основным началам гражданского законодательства, не запрещает залоговому кредитору отказаться полностью или частично от своих залоговых прав, по существу, снизив тем самым по своей воле гарантии удовлетворения своих требований не в ущерб другим кредиторам.

Названный Закон допускает также включение в реестр части требований кредитора как обеспеченных залогом и другой части требований того же кредитора — на общих основаниях. При этом такой кредитор не становится обладателем двойного статуса в отношении одного и того же требования.

Включение требований кредитора в реестр не лишает его впоследствии возможности подать заявление о частичном или полном исключении его требований из реестра. Как указано в п. 8 постановления № 29, реализация требования к должнику представляет собой одну из форм осу-

ществления гражданского права и кредитор вправе отказаться от его реализации. В то же время определение арбитражного суда об исключении требований такого кредитора из реестра лишает его права требовать включения в реестр вновь.

Доводы должника и кредиторов о том, что отказ банка от залоговых прав нарушает их права и интересы, несостоятельны. Разумный интерес кредиторов, в том числе и банка, состоит в максимальном удовлетворении своих требований за счет имущества должника. Отказ банка от части залоговых прав увеличивает потенциальную возможность удовлетворения требований иных кредиторов за счет части выручки, полученной от реализации предмета залога при благоприятном результате торгов.

Участие кредитора в голосовании на собрании кредиторов по вопросам, отнесенным к его компетенции, затрагивает интересы прочих кредиторов, уменьшая относительную долю их голосов. Однако стремление банка, отказавшегося от части залоговых прав, воспользоваться правом голосования не может оцениваться как противоправное, так как участие в принятии решений, отнесенных к компетенции собрания кредиторов, является неотъемлемым правом кредитора, требование которого не обеспечено залогом. Ввиду отсутствия в действиях банка признаков недобросовестного поведения, недоказанности осуществления гражданских прав в обход закона с противоправной целью, а также в связи с тем, что не усматривается намерение банка причинить вред другим кредиторам, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ не нашла оснований для квалификации действий банка как злоупотребление правом.

2. Кредитор вправе выдвинуть возражение о ничтожности мнимой сделки, совершенной должником с третьим лицом с целью создания фиктивной задолженности перед последним и включения этого требования в реестр требований кредиторов должника. При доказанности обстоятельств, свидетельствующих о мнимости сделки, факт ее формального исполнения не является достаточным для признания этой сделки действительной

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 июля 2016 г. № 305-ЭС16-2411

(Извлечение)

Общество (покупатель) и предприниматель (продавец) заключили договор, в соответствии с которым предприниматель обязался поставить обществу продукцию, согласованную сторонами при оформлении заказа. В соответствии с товарными накладными, скрепленными отпечатками печатей сторон договора и подписанными представителями обеих сторон, предприниматель поставил обществу более 340 тонн мясной продукции на сумму 78 054 792 руб.

Отказ общества от оплаты товара явился основанием для обращения предпринимателя в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании указанной денежной суммы и процентов за пользование чужими денежными средствами.

Решением суда первой инстанции искивые требования удовлетворены.

Впоследствии определением суда первой инстанции по заявлению предпринимателя в отношении общества введена процедура банкротства. В рамках дела о банкротстве в реестр требований кредиторов включены требования предпринимателя и банка.

Банк обратился в суд апелляционной инстанции с жалобой на решение суда первой инстанции, которым удовлетворены требования предпринимателя к обществу о взыскании платы по договору поставки, применительно к правилам ст. 42 АПК РФ, указав на нарушение принятым судебным актом его прав, поскольку банк является кредитором в рамках дела о банкротстве общества. Банк ссылался на то, что договор поставки является мнимой сделкой, совершенной с целью создания фиктивной задолженности общества перед банком.

Рассмотрев дело по правилам, установленным процессуальным законом для суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции постановлением, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, удовлетворил требования предпринимателя к обществу. Возлагая на общество обязанность по оплате товара, суды исходили из достаточности доказательств (договор поставки, товарные накладные), подтверждающих факт получения обществом товара и исполнения предпринимателем своих обязательств по договору.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 25 июля 2016 г. отменила постановление суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В силу п. 1 ст. 170 ГК РФ сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия (мнимая сделка), ничтожна.

Данная норма направлена на защиту от недобросовестности участников гражданского оборота.

Фиктивность мнимой сделки заключается в том, что у ее сторон нет цели достижения заявленных результатов. Волеизъявление сторон мнимой сделки не совпадает с их внутренней волей. Реальной целью мнимой сделки может быть, например, искусственное создание задолженности стороны сделки перед другой стороной для последующего инициирования процедуры банкротства и участия в распределении имущества должника.

Вопреки доводам истца, приводившего основания для мнимости, суды не рассмотрели доводы о мнимости договора поставки, который, по мнению банка, совершен для вида и без намерения создать правовые последствия, свойственные

правоотношениям по поставке. Банк полагал, что реальной целью данной сделки было формальное подтверждение искусственно созданной задолженности в целях инициирования процедуры банкротства и участия в распределении конкурсной массы.

Судами без внимания оставлены обстоятельства, на которые ссылался банк, несмотря на то, что по договору якобы в короткий срок поставлен большой объем мясной продукции, однако общество не занималось деятельностью по реализации мяса (тем более в объемах, указанных в товарных накладных). Сведения, имеющиеся в бухгалтерской отчетности, о движении якобы поставленного мяса судами не исследованы, как не проверена и экономическая возможность общества по покупке, размещению и дальнейшему распоряжению такой партией товара. В то же время банк настаивал на установлении и оценке этих обстоятельств.

Для подтверждения достоверности поставки оценке подлежали доводы и доказательства банка по поводу сведений об основном виде деятельности общества; о задолженности перед предпринимателем, отраженной в бухгалтерских документах; о разумности действий предпринимателя, поставившего обществу в отсутствие с ним устойчивых долговременных хозяйственных связей и вопреки условиям договора без оплаты большие партии товара; о реальной возможности предпринимателя поставлять товар. Эти и другие доводы банка подлежали судебной оценке и отражению в судебных актах.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Раздел V формы справки о размере среднемесячного заработка федерального служащего, являющейся приложением № 2 к Правилам обращения за пенсией за выслугу лет федеральных государственных служащих, ее назначения и выплаты, утвержденным постановлением Минтруда России от 30 июня 2003 г. № 44, в части, предусматривающей указание предельного среднемесячного заработка федерального служащего исходя из 2,3 должностного оклада, признан недействующим с 21 июля 2009 г.

*Решение Верховного Суда РФ
от 18 февраля 2016 г. № АКПИ15-1453,
вступившее в законную силу*

(Извлечение)

Постановлением Минтруда России от 30 июня 2003 г. № 44 утверждены Правила обращения за пенсией за выслугу лет федеральных государственных служащих, ее назначения и выплаты (далее — Правила), приложением № 2 к которым предусмотрена форма справки о размере среднемесячного заработка федерального служащего (далее — форма справки). Раздел V формы справки предусматривает указание предельного среднемесячного заработка.

Н. обратилась в Верховный Суд РФ с административным иском о признании недействующим раздела V формы справки в части содержащихся в нем показателей для расчета предельного среднемесячного заработка — 2,3 должностного оклада, 0,8 денежного вознаграждения — как не соответствующего п. 1 ст. 14 и пп. 1 и 3 ст. 21 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации”. По мнению административного истца, применение данных показателей в целях исчисления предельного среднемесячного заработка является ошибочным, поскольку в соответствии с п. 1 ст. 14 и п. 1 ст. 21 названного Закона общая сумма пенсии за выслугу лет и страховой части трудовой пенсии по старости ограничена среднемесячным заработком федерального гражданского служащего за последние 12 полных месяцев федеральной государственной гражданской службы, исчисляемым в процентном соотношении (от 45 до 75) в зависимости от стажа государственной гражданской службы (от 15 до 25 лет).

В обоснование своего требования административный истец указала, что по достижении ею возраста 55 лет она уволилась с государственной гражданской службы, стаж которой составил 25 лет 1 месяц. Применение оспариваемого показателя привело к нарушению ее прав и законных интересов, которое выразилось в прекращении выплаты ей пенсии за выслугу лет с февраля 2015 г.

Верховный Суд РФ 18 февраля 2016 г. заявление удовлетворил частично, указав следующее.

Согласно п. 7 Правил кадровая служба соответствующего федерального органа при получении заявления федерального служащего, имеющего право на пенсию за выслугу лет, организует оформление справки о размере его среднемесячного заработка, форма которой предусмотрена приложением № 2 к Правилам.

Раздел V формы справки предусматривает показатель предельного среднемесячного заработка (2,3 должностного оклада, 0,8 денежного вознаграждения) и соответствует п. 2 ст. 21 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ в редакции Федерального закона от 8 мая 2004 г. № 34-ФЗ, устанавливающему, что размер среднемесячного заработка, исходя из которого федеральному государственному служащему исчисляется пенсия за выслугу лет, не может превышать 2,3 должностного оклада (0,8 денежного вознаграждения) по замещавшейся должности федеральной государственной службы либо 2,3 должностного оклада (0,8 денежного вознаграждения), сохраненного по прежней замещавшейся должности федеральной государственной службы в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

В силу п. 1 ст. 14 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ пенсия за выслугу лет назначается федеральным государственным гражданским служащим в зависимости от стажа государственной гражданской службы в размере

от 45 до 75% среднемесячного заработка федерального государственного гражданского служащего, определенного в соответствии со ст. 21 данного Закона, за вычетом страховой пенсии по старости (инвалидности), фиксированной выплаты к страховой пенсии и повышений фиксированной выплаты к страховой пенсии, установленных в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ “О страховых пенсиях”. При этом общая сумма пенсии за выслугу лет и страховой пенсии по старости (инвалидности), фиксированной выплаты к страховой пенсии и повышений фиксированной выплаты к страховой пенсии не может превышать 75% среднемесячного заработка федерального государственного гражданского служащего.

Согласно ст. 21 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ размер пенсии за выслугу лет федеральным государственным гражданским служащим исчисляется из их среднемесячного заработка за последние 12 полных месяцев федеральной государственной гражданской службы, предшествующих дню ее прекращения либо дню достижения ими возраста, дающего право на страховую пенсию, предусмотренную Федеральным законом “О страховых пенсиях” (п. 1). Размер среднемесячного заработка, исходя из которого федеральному государственному гражданскому служащему исчисляется пенсия за выслугу лет, не может превышать 2,8 должностного оклада (0,8 денежного вознаграждения), установленного федеральному государственному гражданскому служащему в соответствующем периоде либо сохраненного в соответствующем периоде в соответствии с законодательством Российской Федерации (п. 2).

Из приведенных норм, применяемых во взаимосвязи, следует, что среднемесячный заработок, из которого исчисляется пенсия гражданского служащего, ограничивается суммой, не превышающей 2,8 установленного ему в соответствующем периоде должностного оклада. Соответственно общая сумма пенсии за выслугу лет и страховой пенсии по старости (инвалидности), фиксированной выплаты к страховой пенсии и повышений фиксированной выплаты к страховой пенсии не может превышать 75% предельного размера среднемесячного заработка гражданского служащего, т.е. 2,8 должностного оклада.

В связи с этим суд признал несостоятельным довод административного истца о том, что показатели предельного среднемесячного заработка в разделе V формы справки подлежат установлению в процентном исчислении (от 45 до 75).

Вместе с тем показатель предельного среднемесячного заработка в виде 2,3 должностного оклада, исходя из которого федеральному государственному служащему исчисляется пенсия за выслугу лет, не соответствует действующей в настоящее время редакции п. 2 ст. 21 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ, где он равен 2,8 должностного оклада.

Следовательно, раздел V формы справки в части, предусматривающей указание предельного среднемесячного заработка федерального служащего исходя из 2,3 должностного оклада, подлежит признанию недействующим с момента вступления в силу Федерального закона от 18 июля 2009 г. № 187-ФЗ, которым внесены изменения в п. 2 ст. 21 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ, т.е. с 21 июля 2009 г.

2. Подпункт “б” п. 1 приказа Минфина России от 23 сентября 2015 г. № 148н

“О внесении изменений в приказ Министерства финансов Российской Федерации от 12 ноября 2013 г. № 107н” в части предоставления гражданином сведений об ИНН при оплате сумм в бюджетную систему Российской Федерации признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 18 июля 2016 г. № АКПИ16-421, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 18 октября 2016 г. № АПЛ16-409

3. Абзац 3 п. 32, второе предложение абз. 2 п. 37

Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 1 июня 2016 г. № АКПИ16-234, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 1 сентября 2016 г. № АПЛ16-317

4. Подпункт “в” п. 11 Положения о воинском учете, утвержденного постановлением Правительства РФ от 27 ноября 2006 г. № 719, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 13 июля 2016 г. № АКПИ16-388, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 10 ноября 2016 г. № АПЛ16-452

5. Пункты 51, 52 Методических указаний по регулированию тарифов на услуги по транспортировке газа по газораспределительным сетям, утвержденных приказом ФСТ России от 15 декабря 2009 г. № 411-э/7, в части применения их при расчетах за услуги транспортировки газа для нескольких конечных потребителей признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 16 мая 2016 г. № АКПИ16-226, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 1 сентября 2016 г. № АПЛ16-309

6. Пункты 2 и 3 приказа ФТС России от 18 июня 2013 г. № 1111 “Об утверждении Порядка формирования и работы комиссий по рассмотрению вопросов предоставления сотрудникам таможенных органов Российской Федерации и в случаях, установленных законодательством Российской Федерации, членам их семей и гражданам Российской Федерации, уволенным со службы в таможенных органах Российской Федерации, единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения” и пп. 5, 7, 10, 15, подп. “д” п. 12 утвержденного им Порядка в той части, в какой они допускают создание Комиссии в таможне, находящейся в подчинении регионального таможенного управления, и наделяют полномочиями, связанными с деятельностью Комиссии, должностных лиц таможни, находящейся в подчинении регионального таможенного управления, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 7 апреля 2016 г. № АКПИ16-13, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 18 августа 2016 г. № АПЛ16-283

7. Подпункт 3 п. 5, подп. 3, 4 п. 9, подп. 2 п. 10, пп. 27, 32, абз. 3 п. 38, абз. 4 п. 67

Административного регламента по исполнению Федеральной службой по аккредитации государственной функции по осуществлению федерального государственного контроля за деятельностью аккредитованных лиц, утвержденного приказом Минэкономразвития России от 27 июля 2015 г. № 499, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 27 апреля 2016 г. № АКПИ16-331, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 4 августа 2016 г. № АПЛ16-260

8. Пункт 5 Инструкции о порядке формирования списков получателей государственных жилищных сертификатов, оформления и выдачи государственных жилищных сертификатов гражданам — участникам подпрограммы “Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством” федеральной целевой программы “Жилище” на 2011—2015 годы в уголовно-исполнительной системе, утвержденной приказом ФСИН России от 16 мая 2012 г. № 267, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 22 апреля 2016 г. № АКПИ16-282, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 26 июля 2016 г. № АПЛ16-257

9. Пункты 9, 10 Правил проведения технического осмотра транспортных средств, утвержденных постановлением Правительства РФ от 5 декабря 2011 г. № 1008, признаны не противоречащими федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 6 июля 2016 г. № АКПИ16-408, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 29 сентября 2016 г. № АПЛ16-393
10. Пункты 1.1, 1.8, 3.5, 6.2 Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде, утвержденной приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36, признаны не противоречащими федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 11 июля 2016 г. № АКПИ16-476, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 29 сентября 2016 г. № АПЛ16-396
11. Приказ Минтранса России от 2 декабря 2015 г. № 348 “О внесении изменений в Порядок оснащения транспортных средств тахографами, утвержденный приказом Министерства транспорта Российской Федерации от 21 августа 2013 г. № 273” признан не противоречащим федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 23 июня 2016 г. № АКПИ16-370, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15 сентября 2016 г. № АПЛ16-383
12. Подпункты “и”, “к” п. 11 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13 августа 2006 г. № 491, признаны не противоречащими федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 22 июня 2016 г. № АКПИ16-375, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 20 сентября 2016 г. № АПЛ16-403
13. Абзац 1 п. 3 порядка проведения обязательного медицинского освидетельствования водителей транспортных средств (кандидатов в водители транспортных средств), утвержденного приказом Минздрава России от 15 июня 2015 г. № 344н, в части, предусматривающей обязательное включение в лицензию на медицинскую деятельность выполнение работ (оказание услуг) по “оториноларингологии”, “офтальмологии”, “неврологии”, “функциональной диагностике”, “терапии” или “общей врачебной практике (семейной медицине)”, признан не противоречащим федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 23 июня 2016 г. № АКПИ16-359, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 4 октября 2016 г. № АПЛ16-397
14. Пункт 8.5 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных постановлением Совета Министров — Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090, признан не противоречащим федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 29 июня 2016 г. № АКПИ16-329, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 6 сентября 2016 г. № АПЛ16-377
15. Пункты 14, 16, 17, 18 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354, признаны не противоречащими федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 22 июня 2016 г. № АКПИ16-357, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15 сентября 2016 г. № АПЛ16-361
16. Пункт 3 Методики формирования количества и размера предметов аукциона (лотов) при организации проведения аукционов по продаже права на заключение договора о закреплении долей квот добычи (вылова) водных биологических ресурсов и (или) договора пользования водными биологическими ресурсами в случаях, указанных в подп. “и” — “л” п. 2 Правил проведения аукционов по продаже права на заключение договора о закреплении долей квот добычи (вылова) водных биологических ресурсов и (или) договора пользования водными биологическими ресурсами, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 12 августа 2008 г. № 602, утвержденной приказом Минсельхоза России от 8 сентября 2015 г. № 402, признан не противоречащим федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 16 июня 2016 г. № АКПИ16-310, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 1 сентября 2016 г. № АПЛ16-353
17. Абзац 3 п. 33 Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, утвержденного постановлением Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47, признан не противоречащим федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 13 июля 2016 г. № АКПИ16-394, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 13 октября 2016 г. № АПЛ16-408

**Суд кассационной инстанции
не вправе отказать в рассмотрении жалобы
защитника осужденного и прекратить
кассационное производство на том основании,
что ранее приговор суда первой инстанции
был обжалован стороной обвинения**

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 16 сентября 2015 г. № 69-УД15-21*

(Извлечение)

По приговору Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 17 февраля 2014 г. Н. осужден за совершение трех преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 116 УК РФ, а также за совершение преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 33, п. “а” ч. 2 ст. 131, ч. 5 ст. 33, п. “а” ч. 2 ст. 132 и ч. 1 ст. 131 УК РФ.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 21 мая 2014 г. приговор оставлен без изменения.

Постановлением президиума суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 17 апреля 2015 г. кассационное производство по кассационной жалобе адвоката в отношении осужденного Н. прекращено.

В кассационной жалобе адвокат осужденного просил отменить постановление от 17 апреля 2015 г., поскольку отказ в удовлетворении представления прокурора об отмене приговора в связи с мягкостью назначенного осужденному наказания не может лишать сторону защиты подачи жалобы об отмене приговора за отсутствием в действиях Н. состава преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 16 сентября 2015 г. отменила постановление суда кассационной инстанции по следующим основаниям.

Как усматривается из материалов дела, после вступления приговора в законную силу прокурор обратился в суд с кассационным представлением, где ставил вопрос об отмене приговора в связи с мягкостью назначенного осужденному Н. наказания, в передаче которого для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции было отказано 20 июня 2014 г. постановлением судьи.

10 марта 2015 г. в суд Ханты-Мансийского автономного округа — Югры поступила кассационная жалоба адвоката в защиту интересов осужденного Н., в которой адвокат просил отменить приговор в части указания на осуждение Н. по ч. 5 ст. 33, п. “а” ч. 2 ст. 131, ч. 5 ст. 33, п. “а” ч. 2 ст. 132 и ч. 1 ст. 131 УК РФ и прекратить произ-

водство по делу в этой части за отсутствием состава преступления.

Указанная жалоба защитника осужденного была рассмотрена судьей, и 24 марта 2015 г. им принято решение о передаче кассационной жалобы адвоката в защиту интересов осужденного Н. для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Однако постановлением президиума суда от 17 апреля 2015 г. кассационное производство по жалобе адвоката в защиту осужденного Н. было прекращено.

Президиум мотивировал свое решение тем, что в соответствии со ст. 401¹⁷ УПК РФ не допускается внесение повторных или новых кассационных жалоб, представления по тем же или иным правовым основаниям, теми же или иными лицами в тот же суд кассационной инстанции, если ранее эти жалобы или представление в отношении одного и того же лица рассматривались этим судом в судебном заседании либо были оставлены без удовлетворения постановлением судьи.

По мнению президиума, поскольку постановлением судьи от 20 июня 2014 г. оставлено без удовлетворения кассационное представление прокурора, то у суда кассационной инстанции отсутствуют правовые основания для рассмотрения данного уголовного дела по кассационной жалобе адвоката на вышеуказанный приговор.

Между тем президиумом не было принято во внимание, что в соответствии со ст. 401¹² УПК РФ защитник осужденного имеет наряду с прокурором, представляющим сторону обвинения, право на обращение в суд кассационной инстанции.

Кроме того, по смыслу закона уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон, где стороны обвинения и защиты равны перед судом.

При таких обстоятельствах, учитывая, что адвокат выступает на стороне защиты осужденного, которой не было реализовано право на обращение в суд кассационной инстанции, отказ суда кассационной инстанции в рассмотрении жалобы защитника осужденного и прекращение кассационного производства в связи с ранее состоявшимся обжалованием приговора стороной обвинения нарушают закрепленный уголовно-процессуальным законом принцип равноправия сторон.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила постановление президиума от 17 апреля 2015 г. Кассационная жалоба адвоката с уголовным делом в отношении Н. передана на рассмотрение президиума суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 3 (2016)¹

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

1. Установление Министром обороны Российской Федерации различных периодов аттестации военнослужащих, относящихся к разным составам, не свидетельствует о дискриминационном характере такого решения.

Приказом Министра обороны РФ от 29 февраля 2012 г. № 444 утвержден Порядок организации и проведения аттестации военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации (далее — Порядок).

В силу абз. 2 п. 1 Порядка военнослужащие, проходящие военную службу по контракту на должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами, ежегодно, а офицеры не реже чем через каждые пять лет прохождения военной службы, но не менее чем за четыре месяца до истечения срока военной службы, а также по окончании военных образовательных учреждений профессионального образования, адъюнктуры, военной докторантуры аттестуются с составлением соответствующих аттестационных листов.

В. обратился в Верховный Суд РФ с административным иском заявлением, в котором просил признать недействующим абз. 2 п. 1 Порядка как предусматривающий различную периодичность проведения аттестации: ежегодно — для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту на должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами, и не реже чем через каждые пять лет прохождения военной службы — для офицеров.

Рассмотрев административное дело, Верховный Суд РФ в удовлетворении административного искового заявления отказал по следующим основаниям.

В соответствии с п. 13 ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ “Об обороне” Президент Российской Федерации утверждает положение о порядке прохождения военной службы.

Согласно пп. 3, 4, 5 ст. 26 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, порядок организации и проведения аттестации определяется руководителем соответствующего федерального органа исполнительной власти, в котором проводится аттестация.

Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, аттестуются не менее чем за четыре месяца до истечения срока военной службы, но не реже чем через каждые пять лет прохождения военной службы, а также по окончании военно-учебного заведения, адъюнктуры, военной докторантуры. В случае необходимости руководитель федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба, вправе назначить время и порядок проведения аттестации всех военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, или отдельных их категорий.

Во исполнение указанных выше полномочий Министр обороны РФ утвердил оспариваемый

административным истцом Порядок, которым установил ежегодное прохождение аттестации военнослужащими, проходящими военную службу по контракту на должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами.

Вопреки доводам административного истца абз. 2 п. 1 Порядка соответствует требованиям ст. 26 Положения о порядке прохождения военной службы (далее — Положение) о проведении аттестации не реже чем через каждые пять лет, поскольку названная норма Положения устанавливает лишь максимальный период времени, в течение которого может не проводиться аттестация военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, однако она не определяет ее минимальную периодичность и не содержит запрета на проведение аттестации ежегодно.

Ввиду этого оспариваемое положение Порядка, устанавливающее ежегодное проведение аттестации в отношении военнослужащих, проходящих военную службу по контракту на должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами, не вступает в противоречие с указанными требованиями ст. 26 Положения.

Не нарушает оспариваемая норма также принципа равенства прав и свобод человека и гражданина.

Пунктом 1 ст. 10 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих” установлено, что право на труд реализуется военнослужащими посредством прохождения ими военной службы.

Согласно п. 2 ст. 1 Положения прохождение военной службы включает в себя назначение на воинскую должность, присвоение воинского звания, аттестацию, увольнение с военной службы, а также другие обстоятельства (события), которыми в соответствии с законодательством определяется служебно-правовое положение военнослужащих.

В силу п. 1 ст. 26 Положения аттестация проводится в целях всесторонней и объективной оценки военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, определения их соответствия занимаемой воинской должности и перспектив дальнейшего служебного использования, а также определения предназначения граждан, пребывающих в запасе.

При этом принцип равенства, закрепленный в ст. 19 Конституции Российской Федерации, не препятствует законодателю при осуществлении правового регулирования в сфере военной службы устанавливать различные правила прохождения военной службы военнослужащими, принадлежащими к разным по условиям и роду службы категориям, если эти различия являются объективно оправданными, обоснованными и соответствуют конституционно значимым целям. Такие различия не могут считаться дискриминационными.

В соответствии со ст. 46 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ “О воинской обязанности и военной службе” в Вооруженных Силах России, других войсках, воинских формированиях и органах военнослужащие разделены на составы: солдаты, матросы, сержанты и старшины; прапорщики и мичманы; офицеры.

¹Окончание. Начало см. в № 5, 2017 г.

Разделение на составы военнослужащих является объективно оправданным и обоснованным, поскольку связано с особенностями предъявляемых квалификационных требований, с характером выполняемых обязанностей военной службы и с другими обстоятельствами, определяющими служебно-правовое положение при прохождении военной службы и увольнении с нее.

С учетом изложенного установление Порядком различных периодов аттестации военнослужащих, относящихся к разным составам, не свидетельствует о дискриминационном характере оспариваемой нормы, как не может быть признано противоречащим требованиям разумности ее положение о проведении ежегодной аттестации военнослужащих, проходящих военную службу на должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами.

Таким образом, оспариваемый абз. 2 п. 1 Порядка, предусматривающий различную периодичность прохождения аттестации военнослужащими разных составов, соответствует требованиям законодательства и прав административного истца не нарушает.

Апелляционной коллегией Верховного Суда РФ данное решение оставлено без изменения, а апелляционная жалоба — без удовлетворения.

Решение № ВКАПИ16-6

2. Военнослужащий, допустивший нарушения условий контракта, в пределах срока давности привлечения к дисциплинарной ответственности может быть уволен с военной службы по этому основанию независимо от того, когда были допущены данные нарушения — до или после заключения нового контракта, поскольку военная служба носит непрерывный характер.

Решением Вологодского гарнизонного военного суда от 24 февраля 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Ленинградского окружного военного суда от 18 июня 2015 г., удовлетворено заявление Ш., в котором он просил признать незаконным приказ командующего Северным флотом от 2 октября 2014 г. в части увольнения с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

В кассационной жалобе представитель должностного лица просил судебные постановления отменить и принять по делу новое решение — об отказе в удовлетворении требований Ш., указав в обоснование на прекращение в отношении заявителя уголовного дела в связи с деятельным раскаянием и наличие у него неснятых дисциплинарных взысканий, что свидетельствует о наличии оснований для его увольнения с военной службы вне зависимости от истечения срока действия ранее заключенного контракта о прохождении военной службы и заключения нового контракта.

Рассмотрев материалы дела, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ нашла, что судами при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права.

По делу установлено, что Ш., проходивший военную службу по контракту, заключенному до 22 июня 2014 г., на должности командира роты, на момент истечения срока контракта не достиг предельного возраста пребывания на военной службе и не приобрел права на пенсию за выслугу лет.

За период с 2013 по 2014 год Ш. имел пять дисциплинарных взысканий за различные нарушения воинской дисциплины.

19 февраля 2014 г. в отношении его возбуждено уголовное дело, которое до истечения срока контракта прекращено в связи с деятельным раскаянием, т.е. по реабилитирующему основанию.

Аттестационная комиссия воинской части на заседании 17 июня 2014 г. пришла к заключению, что Ш. целесообразно уволить с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта.

23 июня 2014 г., т.е. на следующий день после истечения срока контракта, на основании волеизъявления Ш. с ним заключен новый контракт до наступления предельного возраста пребывания на военной службе с изданием командующим Северным флотом 3 августа 2014 г. соответствующего приказа.

12 августа 2014 г. Ш. представлен к увольнению с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

Приказом командующего Северным флотом от 2 октября 2014 г. он уволен с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

Удовлетворяя требования Ш. и признавая незаконным приказ о его увольнении с военной службы, суды исходили из того, что после принятия командованием решения о заключении с Ш. нового контракта у командующего Северным флотом не имелось оснований для его увольнения с военной службы по подп. “в” п. 2 ст. 51 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе”, поскольку условия нового контракта Ш. не нарушались, а действие предыдущего прекращено.

С такими выводами согласиться нельзя.

В соответствии со ст. 6 Федерального закона “О системе государственной службы Российской Федерации” военная служба — вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на воинских должностях или не на воинских должностях в случаях и на условиях, предусмотренных федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, в Вооруженных Силах России, других войсках, воинских (специальных) формированиях и органах, осуществляющих функции по обеспечению обороны и безопасности государства.

Военнослужащими, к категории которых относится заявитель, профессиональная служебная деятельность осуществляется путем прохождения военной службы по контракту.

Согласно п. 5 ст. 32 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе” заключение контракта о прохождении военной службы, прекращение его действия, а также иные отношения, связанные с ним, регулируются данным Законом, Положением о порядке прохождения военной службы, а также законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, определяющими порядок прохождения военной службы и статус военнослужащих.

По смыслу абз. 1 п. 1 ст. 23 Федерального закона “О статусе военнослужащих”, п. 5 ст. 34 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе” и как разъяснено в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 8 “О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих”, военнослужащим не может быть отказано в заключении нового контракта о прохождении военной служ-

бы, если они не достигли предельного возраста пребывания на военной службе, не приобрели права на пенсию за выслугу лет и отсутствуют основания для их досрочного увольнения с военной службы, установленные Федеральным законом “О воинской обязанности и военной службе”, и обстоятельства, когда с такими военнослужащими в силу закона не может быть заключен новый контракт.

На момент принятия решения о заключении нового контракта с Щ. действовала норма Положения о порядке прохождения военной службы, которая предусматривала, что контракт о прохождении военной службы не может быть заключен с гражданами, в отношении которых вынесен обвинительный приговор и назначено наказание или ведется дознание либо предварительное следствие, или уголовное дело в отношении их передано в суд, с гражданами, имеющими неснятую или непогашенную судимость за совершение преступления, отбывавшими наказание в виде лишения свободы. Указом Президента Российской Федерации от 2 января 2015 г. № 3 эта норма дополнена указанием о том, что контракт не может быть заключен также и с гражданами, лишенными на определенный срок вступившим в законную силу приговором суда права занимать воинские должности в течение указанного срока (п. 3 ст. 4 Положения).

Исходя из изложенного, при отсутствии указанных обстоятельств заключение нового контракта с военнослужащими, которые не достигли предельного возраста пребывания на военной службе, не приобрели права на пенсию за выслугу лет и изъявили желание продолжить военную службу, является обязанностью командования, что обеспечивает непрерывность военной службы и реализацию права военнослужащего на труд.

По делу не установлено предусмотренных законодательством обстоятельств, препятствующих заключению с Щ. нового контракта, в связи с чем его волеизъявление о продолжении прохождения военной службы в силу закона являлось обязательным для командования.

При этом заключение нового контракта с военнослужащим не аннулирует правовые последствия, связанные с его поведением при прохождении военной службы и с оценкой этого поведения командованием в период действия предыдущего контракта.

В интересах военной службы, выражающихся в поддержании боевой готовности воинских подразделений, эффективном выполнении стоящих перед ними задач, недобросовестное отношение военнослужащего к своим обязанностям может послужить основанием для постановки вопроса о его соответствии требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу, с точки зрения деловых и личных качеств.

В соответствии с подп. “в” п. 2 ст. 51 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе” военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта.

Согласно п. 2² ст. 51 данного Закона военнослужащий увольняется в связи с невыполнением им условий контракта только по заключению аттестационной комиссии, вынесенному по результатам аттестации военнослужащего, за исключением случаев, когда увольнение по указанному основанию осуществляется в порядке ис-

полнения дисциплинарного взыскания. Если же военнослужащий имеет судимость или подвергнут судом административному наказанию либо имеет неснятые дисциплинарные взыскания, то такой военнослужащий может быть уволен с военной службы по указанному основанию только до погашения либо снятия судимости или до истечения срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, либо до истечения срока, в течение которого военнослужащий считается имеющим дисциплинарное взыскание.

Нарушений требований п. 2² ст. 51 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе” в части срока реализации командованием решения об увольнении Щ. с военной службы по делу не установлено. На момент действия обжалуемого приказа заявитель имел неснятые дисциплинарные взыскания. Аттестация Щ. проведена с соблюдением требований ст.ст. 26, 27 Положения о порядке прохождения военной службы.

Процедура увольнения Щ. с военной службы в связи с невыполнением условий контракта была инициирована в период действия его предыдущего контракта о прохождении военной службы, и оснований для прекращения процедуры увольнения после заключения нового контракта не имелось.

Таким образом, заключение нового контракта о прохождении военной службы с Щ. не являлось препятствием для реализации командованием права оценивать его соответствие требованиям, предъявляемым законом к военнослужащим, и принятия решения о его увольнении с военной службы в связи с невыполнением условий контракта при наличии для этого достаточных оснований, подтвержденных заключением аттестационной комиссии. Вывод судов первой и апелляционной инстанций об обратном не основан на законе.

Допущенные нарушения в применении норм материального права повлияли на исход дела, и без их устранения невозможна защита охраняемых законом публичных интересов. Это явилось основанием для отмены Судебной коллегией в кассационном порядке состоявшихся по делу судебных постановлений и принятия по делу нового решения — об отказе в удовлетворении требований Щ.

Определение № 202-КГ16-2

3. Суд должен учесть все редакции закона на момент принятия итогового судебного решения на соответствующей стадии судопроизводства.

По приговору Одинцовского гарнизонного военного суда от 2 июня 2011 г. с учетом последующих изменений Д. признан виновным в том числе в совершении в период с февраля 2007 г. по апрель 2008 г. развратных действий без применения насилия в отношении лица, заведомо не достигшего шестнадцатилетнего возраста, и осужден по ст. 135 УК РФ (в ред. Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ) сроком на один год.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденного и его защитника, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ приговор и последующие судебные решения в отношении Д. изменила, указав в обоснование следующее.

Санкция ст. 135 УК РФ (в ред. Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ) предусматривала за совершение указанного преступления наказания в виде штрафа, ограничения свободы и в

качестве наиболее строгого наказания — лишение свободы на срок до трех лет.

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в ч. 2 ст. 15 и ч. 1 ст. 56 УК РФ внесены изменения, согласно которым преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное Кодексом, не превышает трех лет лишения свободы. Наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, или только если соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания.

Д. ранее судим не был, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 135 УК РФ, совершил впервые, обстоятельство, отягчающих наказание, судом не установлено.

Таким образом, с учетом внесенных в ч. 2 ст. 15 и ч. 1 ст. 56 УК РФ изменений Д. считается совершившим преступление, предусмотренное ст. 135 УК РФ (в ред. Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ), относящееся к категории небольшой тяжести, за которое ему не может быть назначено наказание в виде лишения свободы.

В соответствии с п. “а” ч. 1 ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности, если после совершения преступления небольшой тяжести прошло два года.

С момента совершения Д. преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, и до момента постановления обвинительного приговора прошло более двух лет.

Московский окружной военный суд, рассматривая 19 марта 2014 г. приговор Одинцовского гарнизонного военного суда от 2 июня 2011 г. в кассационном порядке, признал назначенное Д. наказание, в том числе за совершенное им преступление, предусмотренное ст. 135 УК РФ, соответствующим требованиям уголовного закона. Между тем такое судебное решение является ошибочным.

В соответствии со ст. 10 УК РФ уголовный закон, устранивший преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, т.е. распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость. Если новый уголовный закон смягчает наказание за деяние, которое отбывается лицом, то это наказание подлежит сокращению в пределах, предусмотренных новым уголовным законом.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 20 апреля 2006 г. № 4-П, по буквальному смыслу ч. 1 ст. 10 УК РФ закон, улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу и подлежит применению в конкретном деле независимо от стадии судопроизводства, в которой должен решаться вопрос о применении этого закона, и независимо от того, в чем выражается такое улучшение — в отмене квалифицирующего признака преступления, снижении нижнего и (или) верхнего пределов санкции соответствующей статьи Особенной части Уголов-

ного кодекса РФ, изменении в благоприятную для осужденного сторону правил его Общей части, касающихся назначения наказания, или в чем-либо ином.

Таким образом, правильное применение уголовного закона является обязанностью суда, который должен учесть все редакции закона на момент принятия итогового судебного решения на соответствующей стадии судопроизводства. Вследствие этого конституционно-правовое толкование ст. 10 УК РФ, предполагающее необходимость учета при отправлении правосудия всех изменений закона, распространяется на все стадии уголовного судопроизводства, включая кассационное (надзорное) рассмотрение.

Исходя из изложенного, при вынесении постановления от 19 марта 2014 г. президиум Московского окружного военного суда обязан был учесть внесенные в уголовный закон изменения, улучшающие положение осужденного, освободить Д. от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ (в ред. Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ), на основании п. “а” ч. 1 ст. 78 УК РФ и привести приговор Одинцовского гарнизонного военного суда от 2 июня 2011 г. в соответствие с законом в порядке ст.ст. 396, 397 УПК РФ. Однако этого сделано не было.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия на основании ст. 10 и п. “а” ч. 1 ст. 78 УК РФ в связи с изданием уголовного закона, имеющего обратную силу, а также истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности освободила Д. от наказания, назначенного по ст. 135 УК РФ (в ред. Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ).

Определение № 201-УД16-3

4. Признав наличие у подсудимых смягчающего наказания обстоятельства в виде активного способствования расследованию преступлений и отсутствие отягчающих обстоятельств, суд с учетом рассмотрения уголовного дела в порядке главы 40 УПК РФ должен был применить совокупность правил смягчения наказания, предусмотренных как ч. 5 ст. 62 УК РФ, так и ч. 1 той же статьи Уголовного кодекса РФ.

По приговору Московского окружного военного суда от 28 декабря 2015 г. А. и Х. признаны виновными и осуждены за финансирование терроризма и участие в террористическом сообществе.

Обвинительный приговор в отношении А. и Х. постановлен в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемых с предъявленным им обвинением (глава 40 УПК РФ).

При назначении подсудимым наказания суд в качестве смягчающих наказание обстоятельств признал в том числе активное способствование их расследованию преступлений. Отягчающих наказание обстоятельств судом не установлено.

Рассмотрев дело по апелляционному представлению государственного обвинителя и апелляционным жалобам защитников осужденных, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ приговор изменила в части назначенного А. и Х. наказания.

Признав наличие у А. и Х. смягчающего наказания обстоятельства в виде активного способствования расследованию преступлений, т.е. предусмотренного п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствие отягчающих обстоятельств, суд с учетом рассмотрения уголовного дела в порядке главы 40 УПК РФ должен был применить совокупность правил смягчения наказания, предусмотренных

как ч. 5 ст. 62 УК РФ, так и ч. 1 той же статьи Кодекса.

Таким образом, максимально возможное наказание А. и Х. за совершенные ими преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 205⁴ и ч. 1 ст. 205¹ УК РФ, не должно превышать две трети от двух третей максимального срока наказания, назначенного за совершение указанных деяний, т.е. должно составлять 4 года 5 месяцев 10 дней.

С учетом изложенного Судебная коллегия смягчила назначенное А. и Х. судом первой инстанции наказание за каждое из совершенных ими преступлений и по их совокупности.

Определение № 201-АПУ16-7С

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

Несвоевременное изготовление мотивированных судебных актов, искажение при этом сведений информационных ресурсов (проставление даты принятия определений и решений, не соответствующей действительности) повлекло досрочное прекращение полномочий судьи.

Квалификационная коллегия судей Пермского края досрочно прекратила полномочия судьи Арбитражного суда Пермского края Щ. с лишением ее второго квалификационного класса судьи за совершение дисциплинарного проступка.

Решением Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ в удовлетворении жалобы Щ. на решение квалификационной коллегии судей отказано.

Дисциплинарная коллегия отметила, что квалификационная коллегия судей в решении правильно указала на то, что судья Щ. систематически допускала нарушения прав участников арбитражного процесса, что способствовало формированию негативного отношения общества к суду и умаляло авторитет судебной власти.

Так, в январе 2015 г. судьей из 41 рассмотренного дела по 8 делам нарушен срок изготовления мотивированных судебных актов, в феврале 2015 г. из 56 дел в 19 случаях имело место нарушение сроков изготовления судебных актов, в марте 2015 г. срок нарушен по 12 делам из 59 рассмотренных судьей, в апреле 2015 г. аналогичные нарушения выявлены по 17 делам из 37 рассмотренных, в мае 2015 г. из 53 рассмотренных судьей дел с нарушением сроков изготовлены судебные акты по 35 делам, в июне 2015 г. нарушены сроки по 12 делам из 31 рассмотренного дела.

По состоянию на 15 октября 2015 г. судьей Щ. не были изготовлены итоговые судебные акты по 25 делам, причем со значительным пропуском пятидневного процессуального срока, предусмотренного ч. 2 ст. 176 АПК РФ. В частности, по 2 делам резолютивные части были объявлены в мае 2015 г., по 4 делам — в июне 2015 г., по 12 делам — в июле 2015 г., по 7 делам — в августе 2015 г.

Несоблюдение сроков изготовления мотивированных судебных решений непосредственно затрагивает права сторон споров на обжалование судебных актов, своевременное их исполнение.

В 2015 году от участвующих в делах лиц поступило 5 обоснованных жалоб на судью Щ.

Доводы административного истца о том, что просрочки в изготовлении судебных актов обусловлены высокой нагрузкой и стремлением подготовить тексты судебных решений качественно, Дисциплинарная коллегия отклонила.

Коллегия в решении указала, что из материалов дисциплинарного производства следует, что

за девять месяцев 2015 года нагрузка на судью Щ. составляла 88,2 дела в месяц, что не превышало средний показатель по гражданской коллегии Арбитражного суда Пермского края (89,1 дела в месяц). Вместе с тем показатели, характеризующие качество работы судьи (количество отмененных, измененных вышестоящими инстанциями судебных актов), в 2015 году у судьи Щ. были ниже средних показателей по гражданской коллегии суда. Количество же дел, рассмотренных судьей Щ. с нарушением процессуальных сроков, значительно превышало средние показатели по гражданской коллегии и суду в целом.

В соответствии с Инструкцией по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций), утвержденной постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 2013 г. № 100, проекты судебных актов изготавливаются с использованием шаблонов судебных актов, внесенных в системы автоматизации судопроизводства. Подписание судебного акта в этих системах осуществляется исключительно судьей самостоятельно, передача полномочий по подписанию судебных актов в системе автоматизации судопроизводства не допускается. При подписании судебного акта в системах автоматизации документу присваивается уникальный идентификационный номер. Судья подписывает оригинал судебного акта на бумажном носителе только в случае наличия на нем уникального идентификационного номера, совпадающего с номером данного судебного акта в системах автоматизации судопроизводства (пп. 9.3 и 9.4 названной Инструкции).

Согласно пп. 7 и 8 Инструкции данные систем автоматизации судопроизводства и систем автоматизации делопроизводства считаются первичными, а сведения, содержащиеся в журнально-карточных системах учета арбитражных судов, носят лишь вспомогательный характер. Автоматизация делопроизводства, осуществляемая на основе использования названных систем, обеспечивает регистрацию, учет и контроль движения документов, расчет статистических и иных данных, в том числе ведение статистических карт судебных дел, выведение на бумажный носитель информации в виде журналов, реестров, карт и форм.

В ходе проверки было установлено, что судебные акты изготавливались судьей Щ. без использования шаблонов систем автоматизации. По 103 делам дата принятия судебного решения (его изготовления в полном объеме) была поставлена в информационных системах в соответствии с требованиями процессуального закона, тогда как фактически тексты судебных актов размещались позднее — после истечения процессуальных сроков.

При таких обстоятельствах квалификационная коллегия судей Пермского края обоснованно указала, что, по сути, судьей вносились недостоверные сведения о сроках рассмотрения дел, искажались статистические данные, предпринимались попытки искусственного улучшения показателей работы, что не соотносится со стандартами честности.

Оценив объем допущенных нарушений, сопоставив сведения о работе судьи со средними показателями работы других судей Арбитражного суда Пермского края, учитывая документально подтвержденный факт внесения судьей Щ. недостоверных сведений в информационные систе-

мы, квалификационная коллегия обоснованно признала нарушения существенными и обратила внимание на то, что в данном случае несоблюдение процессуальных сроков по делам свидетельствовало о грубом пренебрежении судьей судебными обязанностями и судейской этикой.

Доводы Ш. о низкой квалификации ее помощника Дисциплинарная коллегия отклонила как несостоятельные. Давая объяснения в судебном заседании, Ш. не оспаривала тот факт, что работала с помощником на протяжении шести лет, не представив при этом доказательств того, что в течение столь продолжительного периода она обращалась к руководству суда с письменными жалобами на помощника, пыталась решить вопрос о его замене.

Коллегия отметила также, что именно на судье лежит обязанность по организации труда помощника, повышению его профессионального уровня, в том числе путем исправления проектов судебных актов, подготовленных помощником.

С учетом изложенного дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи Ш. признано соразмерным тяжести допущенных ею нарушений.

Решение № ДК15-78

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Вопрос 1. В каком размере подлежит взысканию с заказчика законная неустойка (пеня) за просрочку исполнения государственного (муниципального) контракта, заключенного в целях удовлетворения государственных (муниципальных) нужд в энергоснабжении?

Ответ. В силу ч. 5 ст. 34 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд” (далее — Закон о контрактной системе) в случае просрочки исполнения заказчиком обязательств, предусмотренных контрактом, с него может быть взыскана пеня за каждый день просрочки в размере одной трехсотой действующей на дату уплаты пеней ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации от не уплаченной в срок суммы.

Вместе с тем с 5 декабря 2015 г. вступил в силу Федеральный закон от 3 ноября 2015 г. № 307-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с укреплением платежной дисциплины потребителей энергетических ресурсов”, в соответствии с которым в Федеральный закон от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ “О газоснабжении в Российской Федерации” (далее — Закон о газоснабжении), в Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ “Об электроэнергетике” (далее — Закон об электроэнергетике), в Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ “О теплоснабжении” (далее — Закон о теплоснабжении), в Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 416-ФЗ “О водоснабжении и водоотведении” (далее — Закон о водоснабжении и водоотведении) внесены изменения в части установления законной неустойки за просрочку исполнения потребителем обязательства по оплате потребленной энергии в размере одной сотринадцатой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на дату уплаты пеней, от не выплаченной в срок суммы.

Исключение установлено лишь для отдельных групп потребителей (товариществ собственников жилья, жилищных, жилищно-строительных и иных специализированных кооперативов, созданных в целях

удовлетворения потребностей граждан в жилье, управляющих организаций, приобретающих энергию для целей предоставления коммунальных услуг), с которых неустойка может быть взыскана в более низком размере — в размере одной трехсотой действующей на дату уплаты пеней ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации от не уплаченной в срок суммы. К их числу органы государственной власти и местного самоуправления, государственные и муниципальные предприятия и учреждения не отнесены.

В пояснительной записке, прилагаемой к Федеральному закону от 3 ноября 2015 г. № 307-ФЗ в стадии проекта, указано, что его принятие направлено на стимулирование потребителей надлежащим образом исполнять обязательства в сфере энергетики и на предотвращение ситуаций фактического кредитования потребителей за счет гарантирующих поставщиков, энергосбытовых и сетевых компаний.

При этом положения Закона о газоснабжении, Закона об электроэнергетике, Закона о теплоснабжении и Закона о водоснабжении и водоотведении в редакции Федерального закона от 3 ноября 2015 г. № 307-ФЗ носят специальный характер по отношению к Закону о контрактной системе, поскольку последний устанавливает общие особенности участия органов государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений и предприятий в гражданско-правовых отношениях именно в целях повышения эффективности осуществления закупок, обеспечения гласности и прозрачности размещения заказов, добросовестной конкуренции, предотвращения коррупции и других злоупотреблений. В Законе о контрактной системе не учитывается специфика отношений в сфере энергоснабжения, конкретные особенности исполнения договоров в данной сфере.

Следовательно, при расчете неустойки, подлежащей взысканию с заказчика по государственному (муниципальному) контракту, заключенному в целях удовлетворения государственных (муниципальных) нужд в энергоснабжении, необходимо руководствоваться положениями Закона о газоснабжении, Закона об электроэнергетике, Закона о теплоснабжении и Закона о водоснабжении и водоотведении в редакции Федерального закона от 3 ноября 2015 г. № 307-ФЗ.

Таким образом, заказчик должен уплатить за каждый день просрочки исполнения государственного (муниципального) контракта, заключенного в целях удовлетворения государственных (муниципальных) нужд в энергоснабжении, неустойку в размере одной сотринадцатой ставки рефинансирования Банка России, действующей на дату уплаты пеней, от не выплаченной в срок суммы.

Вопрос 2. Подлежат ли применению повышающие коэффициенты, установленные п. 17 Правил поставки газа в Российской Федерации, в случаях, когда без предварительного согласования с поставщиком, газотранспортной или газораспределительной организацией ресурсоснабжающая организация осуществила перерасход газа, соответствующие объемы которого были потреблены при выработке иного вида ресурса, реализуемого населению для удовлетворения коммунально-бытовых нужд?

Ответ. В силу п. 17 Правил поставки газа в Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 5 февраля 1998 г. № 162 (далее — Правила), при перерасходе газа без предварительного согласования с поставщиком, газотранспортной или газораспределительной организацией (далее — уполномоченное лицо) покупатель оплачивает дополнительно объем отобранного им газа сверх установленного договором и стоимость его транспортировки за каждые сутки с применением коэффициента: с 15 апреля

по 15 сентября — 1,1; с 16 сентября по 14 апреля — 1,5. Это правило не применяется к объемам газа, израсходованным населением, а также приравненными к населению коммунально-бытовыми потребителями.

В круг лиц, к которым правило п. 17 Правил не применяется, не вошли ресурсоснабжающие организации, преобразующие газ в иные коммунальные ресурсы (например, в тепловую энергию), которые в том числе поставляются населению.

При этом в иных случаях Правила прямо различают поставку газа для коммунально-бытовых нужд (например, поставку исполнителю коммунальных услуг для использования в крышной котельной) и поставку газа преобразующим его в иной вид коммунального ресурса ресурсоснабжающим организациям. Например, согласно п. 14 Правил допускается неравномерность поставки газа по месяцам, в том числе для коммунально-бытовых нужд и для котельных и тепловых электростанций в объемах, обеспечивающих потребности в тепловой энергии коммунально-бытовых организаций и населения.

В связи с этим по смыслу Правил в понятие коммунально-бытовых нужд (нужд коммунально-бытовых потребителей) не включается потребление газа ресурсоснабжающими организациями, использующими его для обеспечения населения иными коммунальными ресурсами.

Этот вывод также подтверждается п. 2 Основных положений формирования и государственного регулирования цен на газ, тарифов на услуги по его транспортировке и платы за технологическое присоединение газоиспользующего оборудования к газораспределительным сетям на территории Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2000 г. № 1021, согласно которому к категории “население” отнесены лица, приобретающие газ, в том числе исполнители коммунальных услуг, для его использования в котельных всех типов и (или) ином оборудовании для производства электрической и (или) тепловой энергии в целях удовлетворения бытовых нужд жильцов многоквартирных домов, находящихся в общей долевой собственности собственников помещений в указанных многоквартирных домах.

Ресурсоснабжающие организации, использующие свое оборудование и потребляющие газ при производстве иного коммунального ресурса как для населения, так и для иных лиц, не отнесены к указанной категории потребителей.

Таким образом, штрафные повышающие коэффициенты, установленные п. 17 Правил, подлежат применению при определении стоимости газа и его транспортировки в случае перерасхода газа ресурсоснабжающей организацией без предварительного согласования с уполномоченным лицом, в том числе в отношении объемов газа, потребленного при производстве иного вида ресурса, реализуемого населению для удовлетворения коммунально-бытовых нужд.

Вопрос 3. На какой момент определяется размер ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации для расчета подлежащей взысканию на основании судебного решения законной неустойки за просрочку исполнения обязательств по оплате потребления энергетических ресурсов?

Ответ. Статьей 25 Федерального закона от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ “О газоснабжении в Российской Федерации”, ст. 26 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ “Об электроэнергетике”, ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ “О теплоснабжении”, ст. 13 Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 416-ФЗ “О водоснабжении и водоотведении” и ст. 155 ЖК РФ установлена законная неустойка за просрочку исполнения обязательства по оплате потребления соответствующих энергетических ресурсов.

Согласно указанным нормам размер неустойки определяется в зависимости от ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации (далее — ставка), действующей на дату уплаты пеней на не выплаченную в срок сумму.

Следовательно, при добровольной уплате названной неустойки ее размер по общему правилу подлежит исчислению по ставке, действующей на дату фактического платежа.

При этом закон не содержит прямого указания на применимую ставку в случае взыскания неустойки в судебном порядке.

Вместе с тем по смыслу данной нормы, закрепляющей механизм возмещения возникших у кредитора убытков в связи с просрочкой исполнения обязательств по оплате потребленных энергетических ресурсов, при взыскании суммы неустоек (пеней) в судебном порядке за период до принятия решения суда подлежит применению ставка на день его вынесения.

Данный механизм расчета неустойки позволит обеспечить правовую определенность в отношениях сторон на момент разрешения спора в суде.

При присуждении неустойки по день фактического исполнения обязательства расчет суммы неустойки, начисляемой после вынесения решения, по смыслу п. 65 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств” осуществляется в процессе исполнения судебного акта судебным приставом-исполнителем, а в случаях, установленных законом, — иными органами, организациями, в том числе органами казначейства, банками и иными кредитными организациями, должностными лицами и гражданами (ч. 1 ст. 7, ст. 8, п. 16 ч. 1 ст. 64 и ч. 2 ст. 70 Закона об исполнительном производстве), по ставке, действующей на дату исполнения судебного решения.

Процессуальные вопросы

Вопрос 4. Какому суду подведомственны дела об оспаривании юридическим лицом постановления, действий (бездействия) должностного лица службы судебных приставов, связанных с исполнением постановления органа, должностного лица о привлечении к административной ответственности, если дела об оспаривании таких постановлений органа подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции?

Ответ. В соответствии с подп. 6 п. 1 ст. 12 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве” судебные акты, акты других органов и должностных лиц о привлечении к административной ответственности являются исполнительными документами.

По общему правилу, исходя из содержания ч. 2 ст. 27, п. 2 ч. 1 ст. 29 и ч. 1 ст. 197 АПК РФ, если вынесенные в отношении организации акты органов государственной власти, иных органов и должностных лиц, в том числе судебных приставов, затрагивают ее права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, то такие акты подлежат оспариванию в арбитражном суде.

Если объективная сторона административного правонарушения, совершенного юридическим лицом или лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, выражается в действиях (бездействиях), направленных на нарушение или невыполнение норм действующего законодательства в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения, в области охраны окружающей среды и природопользования, безопасности дорожного движения, пожарной безопасности, законодательства о труде и охране труда, жалобы на поста-

новления административных органов о привлечении к административной ответственности, исходя из положений, закрепленных в ч. 3 ст. 30.1 КоАП РФ и п. 3 ч. 1 ст. 29 АПК РФ, в любом случае подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции (п. 33 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 “О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях”, Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2014), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 24 декабря 2014 г.).

Таким образом, учитывая, что постановление органа, должностного лица о привлечении к административной ответственности, вынесенное в указанных сферах законодательства, одновременно является и предметом оспаривания в суде общей юрисдикции, и исполнителем документом, дела об оспаривании постановлений, действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя, принятые, совершенные им в рамках возбужденного исполнительного производства по данному исполнительному документу, также подлежат рассмотрению в суде общей юрисдикции.

Вопрос 5. Подлежат ли рассмотрению в порядке административного судопроизводства заявления об оспаривании решения руководителя структурного подразделения рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, принятого по результатам рассмотрения жалобы, адресованной Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации?

Ответ. В силу ч. 1 ст. 218 КАС РФ к решениям, действиям (бездействию) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных или муниципальных служащих, оспариваемым в порядке административного судопроизводства, относятся решения и действия (бездействие), в результате которых были нарушены или оспорены права, свободы и законные интересы гражданина, организации; созданы препятствия к осуществлению гражданином, организацией их прав, свобод и реализации законных интересов; на гражданина, организацию незаконно возложены какие-либо обязанности.

Правовой статус Уполномоченного по правам человека определен Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ “Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации” (далее — Закон).

Как следует из положений Закона, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (далее — Уполномоченный) и его рабочий аппарат являются государственным органом, учрежденным в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами. Уполномоченный при осуществлении своих полномочий независим и неподотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам.

К одному из направлений деятельности Уполномоченного относится рассмотрение жалоб на нарушение прав и свобод человека и гражданина.

Согласно ст. 20 Закона при реализации функции по рассмотрению жалоб Уполномоченный вправе разъяснить заявителю средства, которые тот вправе использовать для защиты своих прав и свобод; передать жалобу государственному органу, органу местного самоуправления или должностному лицу, к компетенции которых относится разрешение жалобы по существу; отказать в принятии жалобы к рассмотрению. От-

каз в принятии жалобы к рассмотрению должен быть мотивирован и не подлежит обжалованию.

В силу ст. 37 Закона для обеспечения деятельности Уполномоченного по защите, восстановлению прав и свобод человека, контролю и надзору за их обеспечением, в том числе при рассмотрении жалоб, создается рабочий аппарат. По вопросам, связанным с руководством рабочим аппаратом, Уполномоченный утверждает структуру рабочего аппарата, положение о нем и его структурных подразделениях, в которых вправе, в частности, определять конкретных должностных лиц, уполномоченных рассматривать адресованные ему жалобы (ст. 39 Закона).

Из анализа приведенных норм следует, что решения Уполномоченного по результатам рассмотрения адресованных ему жалоб, в том числе отказ в принятии жалоб, не могут нарушать какие-либо права обратившихся к нему лиц, поскольку не создают препятствий к осуществлению гражданами их прав, свобод и реализации законных интересов, включая право на судебную защиту, а также не возлагают на них какие-либо обязанности. Учитывая это, такие решения Уполномоченного не могут быть оспорены в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 218 КАС РФ.

Соответственно не подлежат оспариванию в указанном порядке и принятые по результатам рассмотрения адресованных Уполномоченному жалоб решения должностных лиц рабочего аппарата Уполномоченного, наделенных в соответствии со ст. 39 Закона правом рассматривать эти жалобы.

На основании изложенного судья отказывает в принятии заявления об оспаривании решения должностного лица рабочего аппарата Уполномоченного на основании п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ.

Вопрос 6. Должен ли судья привлекать к участию в деле, рассматриваемом в порядке гражданского судопроизводства, в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации?

Ответ. Порядок привлечения к участию в деле третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, установлен ч. 1 ст. 43 ГПК РФ.

Исходя из данной нормы названные лица могут вступить в дело по своей инициативе, а также участвовать в судебном заседании путем их привлечения по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по инициативе суда только тогда, когда судебный акт может повлиять на их права или обязанности (материальные или процессуальные) по отношению к одной из сторон.

Статус, цель деятельности, функции Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (далее — Уполномоченный) определены Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ “Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации”.

Согласно ст. 15 названного Закона уполномоченный в пределах своей компетенции рассматривает жалобы граждан Российской Федерации и находящихся на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства. По результатам рассмотрения жалоб Уполномоченный, в частности, вправе обратиться в суд или прокуратуру с ходатайством о проверке вступившего в законную силу решения, приговора суда, определения или постановления суда либо постановления судьи; изложить свои доводы должностному лицу, которое вправе вносить протесты, а также присутствовать при судебном рассмотрении дела в порядке надзора (подп. 3, 4 п. 1 ст. 29 Закона).

В силу п. 1 ст. 2, ст. 3 Закона при осуществлении возложенных на него полномочий он действует независимо, дополняя существующие средства защиты прав и свобод граждан, и при этом неподотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам.

С учетом компетенции Уполномоченного привлечение его к участию в деле, рассматриваемом в порядке гражданского судопроизводства, в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, не допускается ни по ходатайству лиц, участвующих в деле, ни по инициативе суда.

Вопросы применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Вопрос 7. Вправе ли судья вернуть протокол об административном правонарушении, предусмотренном ст. 18.8 КоАП РФ, и другие материалы дела в орган, должностному лицу, которые составили протокол, в случае отсутствия в материалах дела копии документа, удостоверяющего личность иностранного гражданина или лица без гражданства, совершившего такое правонарушение?

Ответ. Нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации в соответствии со ст. 18.8 КоАП РФ влечет наложение административного штрафа с административным выдворением за пределы Российской Федерации или без такового.

Установление лица, совершившего противоправное действие (бездействие), за которое названным Кодексом предусмотрена административная ответственность, в соответствии с п. 2 ст. 26.1 КоАП РФ входит в предмет доказывания и относится к обстоятельствам, подлежащим выяснению по делу об административном правонарушении. При этом сведения о лице, в отношении которого ведется производство по делу, указываются как в протоколе (ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ), так и в постановлении по делу об административном правонарушении (п. 3 ч. 1 ст. 29.10 КоАП РФ).

В силу п. 1 ст. 10 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” документами, удостоверяющими личность иностранного гражданина в Российской Федерации, являются паспорт иностранного гражданина либо иной документ, установленный федеральным законом или признаваемый в соответствии с международным договором Российской Федерации в качестве документа, удостоверяющего личность иностранного гражданина.

В частности, согласно ст. 10¹ указанного Федерального закона личность иностранного гражданина или лица без гражданства, незаконно находящегося на территории Российской Федерации и не имеющего действительного документа, удостоверяющего личность, может быть подтверждена заключением об установлении личности иностранного гражданина или лица без гражданства, выданным территориальным органом федерального органа исполнительной власти в сфере миграции. Такое заключение составляется по форме, утвержденной приказом ФМС России от 8 ноября 2013 г. № 473 “Об утверждении форм бланков заявления об установлении личности иностранного гражданина или лица без гражданства, справки о приеме заявления об установлении личности иностранного гражданина или лица без гражданства к рассмотрению, протокола опроса свидетеля при установлении личности иностранного гражданина или лица без гражданства, протокола опознания иностранного гражданина

или лица без гражданства, протокола опознания иностранного гражданина или лица без гражданства по фотографии, заключения об установлении личности иностранного гражданина или лица без гражданства”, и содержит сведения о фамилии, имени, отчестве (при наличии) иностранного гражданина или лица без гражданства, месте его жительства (месте пребывания, фактического проживания), краткие биографические и иные сведения, фотографию.

Административное наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации не может быть исполнено в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, личность которого не установлена, в связи с чем в протоколе об административном правонарушении, предусмотренном ст. 18.8 КоАП РФ, совершенном иностранным гражданином или лицом без гражданства, должны быть указаны сведения, позволяющие его идентифицировать, в том числе фамилия, имя, отчество — при наличии (написанные буквами русского алфавита в транскрипции), дата и место рождения, пол, гражданство. При этом к протоколу об административном правонарушении должна быть приложена копия документа, удостоверяющего его личность, оформленного в соответствии с требованиями нормативных правовых актов (например, заключения об установлении личности иностранного гражданина или лица без гражданства).

В случае отсутствия в материалах дела указанных сведений судья, руководствуясь п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ, возвращает протокол об административном правонарушении, предусмотренном ст. 18.8 КоАП РФ, совершенном иностранным гражданином или лицом без гражданства, и другие материалы дела в орган, должностному лицу, которые составили данный протокол.

Вопрос 8. В каком порядке осуществляется исполнение административных наказаний за нарушение правил дорожного движения в случае невозможности их исполнения на территории Российской Федерации?

Ответ. Согласно ч. 2 ст. 1.1, ст. 31.11 КоАП РФ административное наказание, назначенное судом Российской Федерации, в случае невозможности его исполнения в пределах юрисдикции Российской Федерации, может быть исполнено иностранным государством, если такая возможность предусматривается международным договором Российской Федерации, участником которого является это иностранное государство.

Российская Федерация, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Таджикистан и Кыргызская Республика являются участниками Конвенции о взаимном признании и исполнении решений по делам об административных нарушениях правил дорожного движения от 28 марта 1997 г. (далее — Конвенция), п. 1 ст. 2 которой предусматривает, что Договаривающиеся Стороны признают решения компетентных органов, вынесенные за нарушения правил дорожного движения в отношении лиц, проживающих на территории одной из Договаривающихся Сторон.

Перечень нарушений правил дорожного движения, в отношении которых распространяется действие Конвенции, указан в приложении к ней: нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшие причинение легких телесных повреждений; нарушение водителем транспортного средства обязанности оставаться на месте дорожно-транспортного происшествия; управление транспортным средством в состоянии опьянения или под воздействием наркотических, а равно иных веществ, оказывающих подобное воздействие; невыполнение законного требования работника милиции (полицейского) об остановке транспортного средства; уклоне-

ние от прохождения в соответствии с установленным порядком освидетельствования на состояние опьянения; передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения.

Согласно п. 3 ст. 2 Конвенции при наложении взыскания за нарушение правил дорожного движения компетентные органы государства, на территории которого нарушены правила дорожного движения, в случае невозможности его исполнения, направляют государству места проживания лица, совершившего нарушение, запрос об исполнении наложенного взыскания.

Запрос направляется в течение 15 дней компетентным органом государства, на территории которого нарушены правила дорожного движения, в соответствующие органы государства места проживания лица, совершившего правонарушение.

При этом компетентным органом государства, на территории которого нарушены правила дорожного движения, в Российской Федерации в соответствии с п. 2 ст. 8 Конвенции и Федеральным законом от 22 июля 2008 г. № 134-ФЗ “О ратификации Конвенции о взаимном признании и исполнении решений по делам об административных нарушениях правил дорожного движения” является федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в области внутренних дел.

Федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, Указом Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 248 “Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации” определено МВД России.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1998 г. № 711 “О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения” федеральный государственный надзор и специальные разрешительные функции в области безопасности дорожного движения осуществляет Государственная инспекция безопасности дорожного движения МВД России и ее территориальные подразделения.

С учетом этого вынесенное судьей постановление о назначении административного наказания за нарушение правил дорожного движения направляется в подразделение Госавтоинспекции территориального органа МВД России, должностное лицо которого составило протокол об административном правонарушении.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

Из Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2012 года (раздел II “Практика рассмотрения дел по спорам, возникающим из социальных, трудовых и пенсионных правоотношений”) отзывается пример номер 8 (определение № 6-КГ12-3).

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 “О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации” “толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 3—33). Согласно пункту “b” части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контек-

стом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования”.

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные указанными договорными органами.

В сфере административных правоотношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам человека¹

Сообщение: *Т.В. и А.Г. против Республики Узбекистан.* Сообщение № 2044/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 11 марта 2016 г.

Тема сообщения: незаконные и произвольные госпитализация и содержание под стражей; право на судебный пересмотр.

Вопросы существа: незаконное и произвольное содержание под стражей; право на судебный пересмотр.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает о том, что заключение под стражу и лечение в психиатрическом учреждении против воли пациента представляет собой одну из форм лишения свободы и подпадает под сферу действия положений ст. 9 Пакта². Он также напоминает предписание п. 1 ст. 9 Пакта о том, что лишение свободы не должно быть произвольным и должно осуществляться при уважении верховенства права. Второе предложение в п. 1 запрещает произвольный арест или содержание под стражей, третье — незаконное лишение свободы, т.е. лишение свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом. Эти два запрета пересекаются в том плане, что арест и содержание под стражей могут быть как произвольными, так и незаконными³. Комитет напоминает, что понятие произвольности не равнозначно понятию противоправности, однако должно истолковываться расширительно и включать элементы неуместности, несправедливости, отсутствия предсказуемости и надлежащих процессуальных гарантий⁴ (п. 7.3 Соображений).

¹Комитет по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее — Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства — продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

²См., например, сообщения № 754/1997, *А. против Новой Зеландии*, Соображения, принятые 15 июля 1999 г., п. 7.2, и № 1061/2002, *Фиалковска против Польши*, Соображения, принятые 26 июля 2005 г., п. 8.2.

³См. Замечание общего порядка № 35 (2014 год) по ст. 19 (свобода и личная неприкосновенность), пп. 10 и 11.

⁴Там же, п. 12. См., например, сообщение № 1875/2009, *М.Дж.К. против Дании*, Соображения, принятые 26 марта 2015 г., п. 11.5.

Признавая тот факт, что психическое здоровье того или иного лица может быть нарушено настолько, что для того, чтобы избежать причинения ущерба, нельзя избежать принятия судебного распоряжения о принудительной госпитализации¹, Комитет считает, что принудительная госпитализация должна применяться лишь в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого необходимого периода времени, при этом должны обеспечиваться надлежащие процессуальные и материальные гарантии, установленные законом². Процедуры должны обеспечивать уважение мнения личности, а также обеспечивать, чтобы любой представитель действительно представлял и защищал чаяния и интересы личности³ (п. 7.3 Соображений).

Хотя право на личную свободу не абсолютно⁴, а задержание лица является столь серьезной мерой, что эта мера оправдана только тогда, когда другие, менее жесткие меры были рассмотрены и признаны недостаточными для защиты личных или общественных интересов, для чего может потребоваться содержание под стражей соответствующего лица (п. 7.8 Соображений).

Согласно п. 4 ст. 9 Пакта каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно⁵. Это право распространяется на любое содержание под стражей на основании официального решения или с официальной санкции, включая содержание под стражей в связи с принудительной госпитализацией. Право на возбуждение разбирательства в принципе действует с момента задержания, и никакие значительные отсрочки предоставления задержанному возможности обратиться с первой жалобой на заключение под стражу не допускаются⁶ (п. 7.9 Соображений).

Хотя принудительная госпитализация может применяться в качестве крайней меры и в ряде случаев может быть оправдана, чтобы защитить жизнь и здоровье людей, незаконное и произвольное помещение в стационар может стать причиной психических и физических страданий и, таким образом, представлять собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение или наказание по смыслу ст. 7 Пакта. Примениение недобровольной госпитализации или принудительного лечения в целях наказания или запугивания противоречит ст. 7 Пакта (п. 7.10 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждения авторов о том, что они были задержаны и принудительно госпитализированы в течение девяти дней в нарушение национального законодательства и без решения суда, что не было незамедлительно проведено медицинского освидетельствования, по итогам которого затем могло

быть принято решение о том, что их госпитализация является оправданной, и что им не был предоставлен защитник и не было разрешено связаться с родственниками. После подачи жалоб авторами Омбудсмен провел расследование и 25 апреля 2007 г. направил жалобы авторов в Самаркандский городской суд, заявив, что его расследование подтвердило факт незаконных действий в отношении авторов... Омбудсмен квалифицировал действия указанных трех должностных лиц как злоупотребление властными полномочиями и нарушение положений Закона о психиатрической помощи (п. 7.5 Соображений).

Комитет отмечает заявления авторов о том, что 14 октября 2006 г. главврач Центра психического здоровья отдал приказ о создании экспертной комиссии врачей-психиатров в целях оценки состояния психического здоровья авторов и что это решение было принято через четыре дня после принудительной госпитализации авторов. Согласно распоряжению главврача Центра психического здоровья это решение было принято в связи с тем, что с 2002 года авторы постоянно жаловались в различные инстанции. Кроме того, 17 мая 2007 г. Самаркандский городской суд постановил, что супруги своими многочисленными жалобами “мешали работе” председателя махалинского комитета Ш. и что последний был вынужден запросить проведение их психологического обследования, чтобы защитить интересы остальных жителей. Комитет принимает к сведению ответ государства-участника о том, что авторы были доставлены в психиатрический центр для обследования состояния их психического здоровья; что по результатам медицинского обследования было сделано заключение о том, что второй автор получил черепно-мозговую травму в результате дорожно-транспортного происшествия, медленно теряет память и страдает посттравматической энцефалопатией, и что у первого автора были диагностированы болезнь Бехтерева и “пограничные психические отклонения на фоне соматического заболевания” (п. 7.6 Соображений).

Комитет отмечает, что государство-участник не представило никаких убедительных объяснений или аргументов, подтверждающих, что недобровольная госпитализация была необходима и служила цели защиты авторов от серьезного вреда или недопущения причинения вреда другим. Кроме того, государство-участник не отреагировало на заключение Омбудсмана, который подтвердил факт злоупотребления властными полномочиями и нарушения предусмотренной национальным законодательством процедуры, когда авторов задержали и принудительно поместили в стационар закрытого типа. Даже если бы диагноз государства-участника в отношении авторов был принят, наличие умственных или психических расстройств само по себе не может служить оправданием для лишения свободы, напротив, любое лишение свободы должно быть необходимым и соразмерным для целей защиты соответствующего лица от серьезного вреда и недопущения причинения вреда другим⁷ (п. 7.7 Соображений).

Информация, представленная Сторонами, не содержит указаний на то, что авторы были не в состоянии ухаживать за собой или страдали от психического расстройства, которое могло бы привести к существенному вреду для их здоровья.

¹См. *Фиалковска против Польши*, п. 8.3.

²См. Замечание общего порядка № 35 (2014 год), п. 19. См. также *Фиалковска против Польши*, п. 8.3.

³См. Замечание общего порядка № 35 (2014 год), п. 19. См. также ССРР/С/СЗЕ/СО/2, п. 14; см. также Комитет по правам ребенка, Замечание общего порядка № 9 (2006 год) о правах детей-инвалидов, CRC/С/ГС/9, п. 48.

⁴См. Замечание общего порядка № 35 (2014 год) по ст. 9, п. 10.

⁵Там же, п. 39.

⁶Там же, пп. 40–42.

⁷См. *Фиалковска против Польши*, п. 8.3; и сообщение № 1629/2007, *Фардон против Австралии*, Соображения, принятые 18 марта 2010 г., п. 7.3. См. также ССРР/С/РУС/СО/6, п. 19; и Конвенцию о правах инвалидов, ст. 14, п. 1 б).

Комитет считает, что особое беспокойство вызывает тот факт, что авторы были приняты в психиатрическую лечебницу, даже несмотря на то, что они не представляли никакой опасности ни для самих себя, ни для окружающих, и что оба супруга были принудительно госпитализированы одновременно (п. 7.8 Соображений).

Авторы были помещены в психиатрическую больницу без какого-либо судебного постановления, им не была вручена копия решения, касающегося оснований для их принудительной госпитализации после задержания 10 октября 2006 г. Вследствие этого авторы были проинформированы о возможности подать апелляцию и фактически подали ее лишь после своего освобождения. По мнению Комитета, авторы сообщения были лишены права оспорить решение о лишении их свободы, поскольку государство-участник не вынесло решения о помещении их в психиатрическое учреждение перед их задержанием или в течение первоначального периода их содержания под стражей¹. Поэтому с учетом обстоятельств данного дела Комитет приходит к выводу о нарушении п. 4 ст. 9 Пакта (п. 7.9 Соображений).

Комитет принимает к сведению представление государства-участника в данном деле и постановление Самаркандского городского суда о том, что помещение авторов в психиатрический стационар закрытого типа стало результатом их “неадекватного поведения”, поскольку своими многочисленными жалобами они “мешали работе” председателя махалли. Комитет повторяет свой вывод о том, что помещение авторов в психиатрический стационар стало результатом произвольного и незаконного решения и не имело надлежащего медицинского обоснования. На основе имеющихся данных Комитет приходит к выводу о том, что решение о помещении авторов в психиатрический стационар, как представляется, было мотивировано стремлением наказать или унижить авторов за осуществление ими своего права на подачу жалоб и высказывание своих мнений в отношении работы г-на Ш. (п. 7.11 Соображений).

Вследствие этого Комитет считает, что в данном случае недобровольное помещение авторов в стационар на девять дней за то, что они якобы мешали работе председателя квартального комитета своими многочисленными жалобами, равносильно бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию по смыслу ст. 7 Пакта (п. 7.12 Соображений).

Вывод Комитета. Комитет по правам человека полагает, что государство-участник нарушило положения пп. 1 и 4 ст. 9 и ст. 7 Пакта, рассматриваемой отдельно и в совокупности с п. 3 ст. 2 Пакта (п. 8 Соображений)².

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека (далее — также Европейский Суд, Суд) по делу “Андрей Лавров против России”, жалоба № 66252/14 (вынесено и вступило в силу 1 марта 2016 г.).

Заявитель жаловался на то, что власти не провели соответствующего медицинского обследования для того, чтобы ответить на три поставленных Европейским Судом вопроса, и, тем самым, нарушили указа-

ние Европейского Суда о применении обеспечительной меры в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, нарушив право заявителя на подачу индивидуальной жалобы.

Европейский Суд отметил, что согласно ст. 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — также Конвенция) “...Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от любого действия или бездействия, которые могут препятствовать осуществлению права на подачу индивидуальной жалобы, и данное положение неоднократно заявлялось как основополагающее в конвенционной системе” (п. 31 постановления).

Суд подчеркнул, что “...несоблюдение государством-ответчиком обеспечительной меры влечет за собой нарушение права на подачу индивидуальной жалобы” (п. 32 постановления).

Европейский Суд отметил, что “...цель проведения двух медицинских освидетельствований, результаты которых были изложены в указанных отчетах³, заключалась в том, чтобы сравнить заболевание заявителя с исчерпывающим перечнем заболеваний, установленных Постановлением Правительства⁴, и чтобы можно было гарантировать его освобождение. Ни разу во время обследований врачи тюремной больницы не оценили состояние здоровья заявителя независимо от указанного перечня и не определили, требовало ли его заболевание, учитывая текущее проявление, характер и продолжительность болезни, перевода заявителя в специализированную больницу. Эксперты также не уделили внимания вопросу качества медицинской помощи, оказываемой заявителю во время его нахождения в исправительном учреждении, или оценке условий его содержания” (п. 38 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “...государство не выполнило обеспечительную меру, указанную Судом в настоящем деле в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, в нарушение обязательства в соответствии со статьей 34 Конвенции” (п. 40 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что во время отбывания наказания он был лишен возможности получить эффективную медицинскую помощь, что поставило его жизнь под угрозу и стало причиной сильных физических и моральных страданий в нарушение гарантий, предусмотренных ст. 3 Конвенции.

Суд отметил, что “...минимальная степень жестокого обращения подразумевает причинение реальных телесных повреждений или интенсивных физических и нравственных страданий. Тем не менее, даже при их отсутствии, в тех случаях, когда обращение унижает или оскорбляет человека, обнаруживая неуважение к его или ее человеческому достоинству или его принижение, либо вызывает у человека чувство страха, тоски или неполноценности, способные сломить моральное и физическое сопротивление лица, оно может быть охарактеризовано как унижающее достоинство и подпадающее под запрет, предусмотренный статьей 3 Конвенции” (п. 51 постановления).

Европейский Суд подчеркнул: “...государство должно гарантировать, что лицо содержится под стражей в условиях, совместимых с его человеческим достоинством, и что метод и способы исполнения меры лишения свободы не подвергают лицо страданиям и тяготам такой степени, что они превышают неизбежную степень страданий, присущих содержанию под стражей, и что охрана здоровья и благополучия лица надлежащим образом обеспечивается” (п. 52 постановления).

³Медицинские отчеты, предоставленные властями.

⁴Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2004 г. № 54 “О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью”.

¹См. *Фиалковска против Польши*, п. 8.4.

²В тексте Соображений были также предусмотрены меры индивидуального и общего характера, подлежащие принятию государством-ответчиком.

Суд также отметил, что "...Власти должны обеспечить своевременность и правильность постановки диагноза и назначения лечения, а также, если это обусловлено характером заболевания, регулярный и систематический контроль, включающий комплексную терапию, направленную на адекватное лечение заболеваний заключенного или предотвращение осложнений" (п. 53 постановления).

Суд пришел к выводу, что "...заявителю не была предоставлена жизненно необходимая с учетом его заболеваний медицинская помощь. Он не проходил курс лечения от рака, а предоставляемое ему медицинское наблюдение было недостаточным для поддержания его здоровья. Тщательная оценка его состояния не проводилась. Медперсонал тюремной больницы не предпринял никаких шагов, связанных с быстрым прогрессированием заболевания заявителя. Суд выражает свою обеспокоенность в связи с выводами суда первой инстанции, который, несмотря на явное доказательство обратного, включая справки, выданные лечащим тюремным врачом, пришел к заключению, что заявителю была предоставлена надлежащая медицинская помощь... [О]тсутствие полноценного и надлежащего медицинского лечения подвергло заявителя длительным психологическим и физическим страданиям и представляло собой оскорбление его человеческого достоинства. Непредоставление Властями необходимой медицинской помощи заявителю, таким образом, представляло собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в целях статьи 3 Конвенции" (пп. 61—62 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по делу "Ивко против России", жалоба № 30575/08 (вынесено 15 декабря 2015 г., вступило в силу 2 мая 2016 г.).

Заявитель жаловался на то, что власти не приняли никаких мер для защиты его здоровья и благополучия и не предоставили ему надлежащую медицинскую помощь в нарушение ст. 3 Конвенции.

Интересы заявителя были представлены его гражданской женой. Европейский Суд отметил, что "[в] рассматриваемом деле представленные доказательства однозначно свидетельствуют о наличии близких отношений между заявителем и [гражданской женой], которые могут быть приравнены к "семейным отношениям" (п. 69 постановления).

Суд установил, что "...заявитель заразился гепатитом С и лечился от туберкулеза задолго до своего задержания в октябре 2007 года. Это свидетельствует о том, что заявитель принадлежал к категории заключенных, которым необходима особая медицинская помощь для предотвращения повторного заболевания туберкулезом. В 2009 году у заявителя произошел рецидив туберкулеза..., а спустя несколько лет он умер от туберкулеза во время отбывания наказания. Все эти обстоятельства, в своей совокупности, свидетельствуют о наличии достаточно серьезных доказательств непредоставления ему надлежащей медицинской помощи. Тот факт, что в соответствующий период времени заявитель находился под контролем власти и, следовательно, был особенно уязвим, позволяет переложить бремя доказывания на власти государства-ответчика. И государство-ответчик должно было доказать, что власти приняли все необходимые меры для защиты здоровья и благополучия заявителя путем оказания ему надлежащей медицинской помощи" (п. 102 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что "[во] время лишения свободы заявитель не получал полноценного, эффективного и понятного лечения имеющихся у него заболеваний, и с учетом непредоставления ему надлежащей медицинской помощи Суд приходит к выводу о причинении заявителю длительных нравствен-

ных и физических страданий, унижающих его человеческое достоинство. Непредоставление властями необходимой медицинской помощи заявителю представляло собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в значении статьи 3 Конвенции" (п. 111 постановления).

Заявитель также утверждал, что в его распоряжении не было эффективного средства правовой защиты в отношении нарушения его прав на защиту от жестокого обращения с ним в соответствии со ст. 13 Конвенции.

Европейский Суд установил, что "представленные заявителем документы... свидетельствуют о его обращениях с жалобами в прокуратуру..., а также о рассмотрении его жалоб Управлением Федеральной службы исполнения наказаний... Соответственно, заявитель пытался привлечь внимание властей к состоянию своего здоровья. Этого факта самого по себе во многих случаях достаточно, чтобы Суд отклонил возражение властей о неисчерпании внутрисударственных средств правовой защиты" (п. 85 постановления).

Суд пришел к выводу, что "...предложенное властями средство правовой защиты не являлось эффективным средством правовой защиты, которое могло бы быть использовано для предотвращения предполагаемых нарушений или их прекращения с предоставленным заявителю надлежащего и достаточного возмещения в связи с его жалобами в соответствии со статьей 3 Конвенции... [Б]ыло допущено нарушение статьи 13 Конвенции" (пп. 87—88 постановления).

В сфере социальных правоотношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам¹

Сообщение: Мигель Анхел Лопес Родригес против Испании. Сообщение № 1/2013.

Тема сообщения: доступ лица, лишённого свободы и находящегося в пенитенциарном центре, к не предусматриваемому отчислений пособию по инвалидности.

Вопросы существа: осуществление предусмотренных Пактом прав без дискриминации; право на социальное обеспечение.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что право на социальное обеспечение имеет ключевое значение для гарантирования человеческого достоинства всех людей, когда они сталкиваются с обстоятельствами, лишаящими их возможности в полной мере осуществлять свои права, предусмотренные Пактом. Это право играет важную роль в деле предотвращения социальной изоляции и содействия социальной интеграции. Право на социальное обеспечение включает в себя право на получение социальных пособий как в денежном, так и в натуральном выра-

¹ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам (далее — Комитет) действует с целью контроля за обеспечением выполнения государствами-участниками их обязательств по Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. (далее — Пакт). Российская Федерация является участником указанного международного договора в качестве государства — продолжателя Союза ССР.

Комитет вправе принимать индивидуальные сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Пакта на основании Факультативного протокола к Пакту от 10 декабря 2008 г. По состоянию на 1 сентября 2016 г. Российская Федерация не является участником этого Протокола.

жении, без какой-либо дискриминации¹ (п. 10.1 Соображения).

Пособия, будь то в денежном или в натуральном выражении, должны быть адекватными по размерам и продолжительности, с тем чтобы каждый мог осуществить свои права на защиту и поддержку семьи, на достаточный жизненный уровень и доступ к медицинским услугам. Кроме того, государства-участники должны полностью соблюдать содержащийся в преамбуле Пакта принцип недискриминации во избежание любого негативного воздействия на размеры пособий и форму, в которой они предоставляются² (п. 10.2 Соображения).

Осуществление права на социальное обеспечение имеет значительные финансовые последствия для государств-участников, которые обязаны обеспечивать удовлетворение, по крайней мере, минимальных базовых уровней этого права, закрепленного в Пакте³. В частности, они должны обеспечивать доступ к системе социального обеспечения, которая гарантирует минимально допустимый уровень льгот всем лицам и семьям, позволяющий им пользоваться хотя бы основными медицинскими услугами, иметь элементарный кров и жилье, водоснабжение и санитарные условия, продукты питания и самое элементарное образование⁴ (п. 10.3 Соображения).

Государства-участники обязаны также предоставлять право на социальное обеспечение в случаях, когда отдельные лица или группа лиц не в состоянии по причинам, обоснованно признанным независимыми от их воли, осуществить это право самим в рамках действующей системы социального обеспечения с помощью средств, находящихся в их распоряжении. В этих целях государствам-участникам необходимо разрабатывать программы социального обеспечения, не требующие предварительных взносов, или принимать другие меры социальной помощи с целью оказания поддержки этим лицам и группам, не способным платить достаточные взносы для обеспечения своей собственной защиты⁵ (п. 10.4 Соображения).

Для инвалидов, которые в силу своего состояния или факторов, связанных с инвалидностью, временно потеряли или столкнулись с сокращением своих доходов, которым было отказано в устройстве на работу или которые имеют пожизненную инвалидность, программы социального обеспечения и поддержания доходов имеют особое значение⁶ и позволяют им иметь достаточный уровень жизни, жить самостоятельно и быть достойным образом вовлеченными в местное сообщество⁷. Оказываемая помощь, по мере

возможности, должна также охватывать членов семьи или других лиц, участвующих в уходе за инвалидом⁸ (п. 10.5 Соображения).

Пакт запрещает любую дискриминацию, будь то на уровне закона или де-факто, прямую или косвенную, целью или следствием которой является уничтожение или подрыв равенства в пользовании правом на социальное обеспечение или осуществление этого права⁹. В соответствии с п. 1 ст. 2 Пакта государства-участники должны принимать в максимальных пределах имеющихся ресурсов эффективные меры и, если это необходимо, пересматривать их, с тем чтобы обеспечить полное осуществление права всех граждан на социальное обеспечение без какой-либо дискриминации¹⁰ (п. 10.5 Соображения).

Лишенные свободы лица, находящиеся в пенитенциарных учреждениях, пользуются без какой-либо дискриминации экономическими, социальными и культурными правами, предусмотренными Пактом, за исключением ограничений, связанных непосредственно с фактом лишения свободы¹¹. Хотя каждый человек имеет право на социальное обеспечение, государствам-участникам следует уделять особое внимание тем лицам и группам, которые традиционно сталкиваются с трудностями в осуществлении этого права, например заключенным и лицам, содержащимся под стражей¹² (п. 11.1 Соображения).

Право на социальное обеспечение включает в себя право не быть объектом произвольных и необоснованных ограничений на пользование существующей системой социального обеспечения, будь она государственной или частной, а также право на равное пользование адекватной защитой в случае социальных рисков и чрезвычайных ситуаций¹³. Условия, дающие право на получение льгот, должны быть разумными, соразмерными и транспарентными. Отмена, сокращение размера или приостановление выплаты пособий должны носить ограниченный характер, осуществляться на разумных основаниях и предусматриваться национальным законодательством¹⁴ (п. 11.2 Соображения).

Выплата не предусматривающего отчислений пособия не может, как правило, быть отменена, сокращена или приостановлена в результате лишения свободы бенефициара, за исключением случаев, когда такая мера предусматривается законодательством, является разумной и пропорциональной и когда гарантируется по крайней мере минимально допустимый уровень льгот. Разумность и пропорциональность такой меры должны определяться в соответствии с обстоятельствами каждого дела с учетом личного положения бенефициара. Таким образом, в случае лиц, лишенных свободы, сокращение размера не предусматривающего отчислений пособия может быть совместимо с Пактом, если оно предусмотрено законодательством, а лишенным свободы лицам гарантируется такой же уровень помощи за счет услуг, предоставляемых в пенитенциарных учреждениях (п. 11.3 Соображения).

¹См. Замечание общего порядка Комитета № 19 (2008 год) о праве на социальное обеспечение (ст. 9 Пакта), пп. 1 и 3.

²Там же, п. 22.

³Там же, п. 41. См. также заявление Комитета по вопросу об оценке обязательства по принятию мер "в максимальных пределах имеющихся ресурсов" в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту (Е/С.12/2007/1), п. 4.

⁴См. Замечание общего порядка № 19 (2008 год), п. 59. См. также заявление Комитета о минимальных уровнях социальной защиты как о важнейшей составляющей права на социальное обеспечение и целей в области устойчивого развития (Е/С.12/2015/1), пп. 7 и 8.

⁵См. Замечание общего порядка № 19 (2008 год), п. 50.

⁶См. Замечание общего порядка Комитета № 5 (1994 год) в отношении инвалидов, п. 28.

⁷Там же, п. 16. См. также Конвенцию о правах инвалидов, вступившую в силу для государства-участника 3 мая 2008 г., в частности ст. 28.

⁸См. Замечания общего порядка № 5 (1994 год), п. 28, и № 19 (2008 год), п. 20.

⁹См. Замечание общего порядка № 19 (2008 год), п. 29.

¹⁰Там же, п. 4.

¹¹См. также Основные принципы обращения с заключенными (резолюция 45/111 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 г., приложение), принцип 5.

¹²См. Замечание общего порядка № 19 (2008 год), п. 31.

¹³Там же, п. 9.

¹⁴Там же, п. 24.

Сокращение размера не предусматривающего отчислений пособия согласуется с обязательствами по Пакту при условии, что такая мера предусмотрена законодательством и является пропорциональной (см. пп. 11.2 и 11.3 выше) (п. 13.2 Соображения).

Решение о замене выплаты пособия наличными средствами на другой вид помощи не может быть оставлено всецело на усмотрение государства-участника. В некоторых обстоятельствах сама по себе такая замена или то, насколько сокращается размер льготы, могут представлять собой нарушение права на социальное обеспечение, если они оказывают несоразмерное воздействие на личность. Совместимость этой меры с обязательствами по Пакту должна оцениваться отдельно в каждом конкретном случае (п. 13.4 Соображения).

Не всякое различие в обращении является дискриминацией при условии, что критерии такого различия являются разумными и объективными, а его задача состоит в том, чтобы достичь цели, совместимой с Пактом¹ (п. 14.1 Соображения).

Комитет напоминает, что его работа по рассмотрению сообщения ограничивается анализом того, представляют ли собой факты, описанные в сообщении, нарушение государством-участником экономических, социальных и культурных прав, закрепленных в Пакте. Комитет считает, что в каждом конкретном случае ответственность за оценку фактов и доказательств, а также за применение соответствующего законодательства, лежит прежде всего на судах государств-участников, а Комитет лишь высказывает свое мнение относительно того, носят ли оценка соответствующих доказательств или применение внутреннего права явно произвольный характер или равносильны отказу в правосудии, что предполагает нарушение признанного в Пакте права² (п. 12 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению аргументы государства-участника относительно того, что поскольку речь идет о пособии, не предусматривающем отчислений и выплачиваемом за счет государства, то в случае одновременного получения другого вида выплачиваемого из государственной казны пособия сумма одного из них вычитается из суммы другого; и что сокращение размера пособия автора было осуществлено в соответствии с законодательством (п. 13.1 Соображения).

Что касается дела автора, то в соответствии со ст. 144 и следующими за ней статьями Общего закона о социальном обеспечении (далее — ОЗСО) сокращение размера его не требующего отчислений пособия по инвалидности объясняется тем, что часть его основных потребностей, а именно в жилье и питании, на удовлетворение которых и было направлено пособие, напрямую и безвозмездно удовлетворялись пенитенциарным учреждением, уполномоченным на то вышеупомянутыми статьями согласно толкованию Верховного суда Испании. Таким образом, это сокращение было осуществлено законным образом (п. 13.2 Соображения).

Кроме того, оно является разумной мерой для достижения цели, совместимой с Пактом, а

именно для защиты государственных ресурсов, необходимых для осуществления прав личности. В конкретном случае с не предусматривающими отчислений пособиями, которые выплачиваются исключительно из государственного бюджета и не зависят от предварительных взносов бенефициара, государства-участники обладают определенной свободой при распределении бюджетных ресурсов наиболее приемлемым образом, с тем чтобы гарантировать полную эффективность при осуществлении прав, предусмотренных Пактом, и обеспечить, в числе прочего, всем лицам и семьям минимально допустимый уровень льгот в рамках системы социального обеспечения. Таким образом, Комитет считает разумным сокращение размера не предусматривающего отчислений пособия в целях наиболее эффективного распределения государственных ресурсов в том случае, если произошли изменения в потребностях бенефициара, которые послужили основой для предоставления ему пособия. В данном случае потребности автора изменились в связи с тем, что его содержание оплачивалось пенитенциарным учреждением из государственного бюджета (п. 13.3 Соображения).

Комитет отмечает, что после того, как эта мера была принята, автор продолжил получать не предусматривающее отчислений пособие в размере 147,71 евро, а также содержание в пенитенциарном учреждении, где он отбывает наказание. Государство-участник, таким образом, заменило выплату наличных средств автору, которая производилась, когда он находился на свободе, на помощь в натуральном выражении в виде оплаты его содержания во время лишения свободы. Комитет полагает, что нет никаких доказательств того, что замена части не предусматривающего отчислений пособия по инвалидности с выплаты наличными на оплату содержания в пенитенциарном учреждении имела какие-либо серьезные негативные последствия для автора. В сущности, автор не представил никакой информации или документов, свидетельствующих о том, что оспариваемая мера являлась несоразмерной, так как послужила препятствием для удовлетворения основных потребностей его или его семьи, которые не предусматривающее отчислений пособие было призвано покрыть, или о том, что принятие этой меры оказывает на него особое воздействие в связи с его инвалидностью. Комитет считает, что утверждение автора и представленная им информация не позволяют сделать вывод о том, что сокращение размера его не предусматривающего отчислений пособия само по себе является нарушением ст. 9 Пакта (п. 13.4 Соображения).

Комитет принимает к сведению тот факт, что автор является инвалидом и содержится под стражей, из-за чего он подвергается более серьезному риску дискриминации, чем остальное население в целом... Это означает, что рассмотрение вопроса о возможной дискриминации в его отношении должно быть проведено с особой тщательностью (п. 14.1 Соображения).

Комитет приходит к выводу, что предложенное автором сравнение³ представляется уместным, так как в рамках рассматриваемого дела эти лица находятся примерно в таком же положении, что и автор. Следует признать, что судебные постановления и документы, представленные автором, по всей видимости, свидетельствуют о том,

¹См. Замечание общего порядка № 20 (2009 год) о недискриминации и экономических, социальных и культурных правах (п. 2 ст. 2 Пакта), п. 13.

²См. сообщение № 2/2014, *И.Д.Г. против Испании*, Соображения, принятые 17 июня 2015 г., п. 13.1.

³Автор утверждал, что с ним обращались иначе, чем с другими заключенными, размер не предусматривающих отчислений пособий которых сокращен не был.

что в определенный момент были вынесены судебные решения, противоречащие толкованию и осуществлению ст. 144 и следующих за ней статей ОЗСО о критерии подсчета размера не предусматривающих отчислений пособий в отношении лиц, лишенных свободы. Автор, однако, не доказал, например, сославшись на правовые нормы или их применение, что с ним действительно обращались иначе, чем с лицами, лишенными свободы и получающими не предусматривающие отчислений пособия в других автономных сообществах, при подсчете размера его пособия. Кроме того, в соответствии с постановлением Верховного суда от 29 сентября 2010 г. было выработано единое толкование закона в этой связи согласно его решениям от 20 декабря 2000 г. и 15 июля 2008 г., разрешившим сокращение размера пособий на сумму, эквивалентную стоимости содержания отдельных лиц. Автор не смог подтвердить, что после принятия этих решений Верховным судом в разных автономных сообществах действительно имели место различия в обращении. В этой связи Комитет не считает необходимым рассматривать вопрос о том, являются ли в данном случае предполагаемые различия в обращении в разных автономных сообществах нарушением Пакта или нет. Комитет приходит к выводу, что нет никаких доказательств того, что постановление Консультативной комиссии о сокращении размера пособия автора представляет собой неравное обращение по сравнению с другими лицами, лишенными свободы и содержащимися в пенитенциарных учреждениях, расположенных в других автономных сообществах (п. 14.2 Соображения).

Комитет далее рассмотрел утверждения автора о том, что с ним обращались иначе, чем с другими лишенными свободы лицами, которые не получают не предусматривающих отчислений пособий и содержатся в пенитенциарных учреждениях бесплатно. По мнению Комитета, дискриминация имела бы место, если бы автору пришлось платить за свое содержание, в то время как другие заключенные не обязаны были это делать (п. 14.3 Соображения).

Комитет считает, что в этой связи автор опирается на ложное предположение, которое приводит его к неправильным сравнениям. Автор полагает, что не предусматривающая отчислений финансовая помощь является его доходом и частью его собственного капитала, в связи с чем сокращение размера пособия для покрытия расходов, связанных с его содержанием, автор расценивает как «оплату» этого содержания. Это не так, поскольку его денежное пособие не предусматривает отчислений и обладает характеристиками..., в связи с чем оно не может расцениваться как доход автора, являющийся частью его сбережений, как в случае с пособиями, начисляемыми на основе взносов. Оно же было предоставлено ему как лицу, которое не может удовлетворить свои потребности за счет других доходов и денежных поступлений. Поэтому размер пособия автора может быть сокращен до минимума, необходимого ему для удовлетворения этих самых потребностей. Таким образом, утверждение о том, что автор вынужден оплачивать свое содержание в пенитенциарном учреждении в то время, как остальные заключенные за него не платят, является неверным, так как в его случае сумма, эквивалентная стоимости его содержания под стражей, принимается к сведению в качестве денежного поступления или дохода при подсчете раз-

мера его не предусматривающего отчислений пособия. Положение автора отличается от положения других заключенных, не получающих не предусматривающих отчислений пособий (п. 14.4 Соображения).

Комитет рассмотрел утверждение автора относительно того, что обращение с ним было дискриминационным по сравнению с другими лицами, находящимися на свободе и содержащимися в финансируемых за счет государства учреждениях, где они получают бесплатное питание и, в некоторых случаях, бесплатно проживают. Речь идет, например, о больницах, приютах и наркологических центрах. При этом не предусматривающие отчислений пособия таких лиц по линии социального обеспечения не подвергаются сокращению. Комитет считает, что автор не представил соответствующую информацию и документы, указывающие на то, что подобное различие в обращении имеет место на практике; и что, даже если ситуации, о которых говорит автор, реальны, он лично дискриминационному обращению не подвергался (п. 14.5 Соображения).

Действительно, имеется определенное сходство между положением автора и лиц, получающих не предусматривающие отчислений пособия и питание и бесплатно размещаемых в государственных учреждениях, например в больницах. В обоих случаях речь идет о лицах, получающих не подразумевающие отчислений денежные пособия наряду с другим видом государственной помощи в натуральной форме, из чего можно сделать вывод, что в обеих ситуациях государству следует обращаться с ними одинаково, а именно — сохранять неизменным размер денежного пособия для обеих категорий лиц или пропорционально сокращать их. Комитет, однако, считает, что несмотря на эти сходства, между двумя описанными ситуациями имеются существенные различия, которые объясняют возможную разницу в обращении со стороны государства, не представляющую собой акт дискриминации. Комитет полагает, что положение лица, лишенного свободы на основании вынесенного в отношении него приговора, отличается от положения других лиц, упоминаемых автором (например, больных, находящихся на лечении в больницах или лиц, получающих питание в приютах) по меньшей мере в двух аспектах (п. 14.6 Соображения).

Во-первых, лицо приговаривается к лишению свободы для того, чтобы отбыть наказание, назначенное ему судебным органом на определенное время, как правило, на несколько месяцев или лет. Это лицо, таким образом, имеет определенный правовой статус. Кроме того, достаточно легко подсчитать стоимость его содержания и установить, покрываются ли в достаточной степени его потребности, или некоторые из них, на удовлетворение которых было изначально направлено не предусматривающее отчислений пособие, предлагаемой пенитенциарным учреждением суммой содержания или нет, а также рассчитать, на какое время ее хватит. Положение же лиц, находящихся на свободе и пользующихся услугами упомянутых автором государственных учреждений, например больниц или центров по уходу, значительно отличается от положения лица, лишенного свободы за совершение преступления, так как первые прибегают к этим услугам добровольно и дают согласие оставаться в названных выше учреждениях для удовлетворения своих основных прав на неопределенный период времени, который тем не менее является обычно

непродолжительным. В таких случаях куда сложнее обеспечить, чтобы сокращение размера пособия не повлияло на удовлетворение потребностей, на которые оно изначально было направлено. Кроме того, в связи с неопределенным и временным характером предоставляемых услуг весьма вероятно, что такое сокращение произойдет уже после того, как лицо покинет больницу или центр по уходу, услугами которых оно пользовалось (п. 14.7 Соображения).

Во-вторых, несмотря на то, что лица, находящиеся в таких учреждениях, получают содержание и питание, это рассматривается не как дополнительная или отдельная услуга, а как составная и неотъемлемая часть предоставляемой государством помощи по решению проблемы уязвимости таких лиц, как правило, носящей временный характер, которая необходима для того, чтобы гарантировать защиту их основных прав, как, например, право на здоровье или на питание (п. 14.8 Соображения).

Комитет считает, что между положением автора и положением лиц, находящихся на свободе, с которыми автор себя сравнивает, существует определенное сходство. Тем не менее в связи со значительными различиями, отмеченными в предыдущих пунктах, государство-участник не обязано одинаково обращаться с получающими не предусматривающие отчислений пособия лицами, лишенными свободы, и получающими такие же пособия лицами, находящимися на свободе и прибегающими к услугам больниц, центров по уходу или приютов (п. 14.9 Соображения).

Выводы Комитета. Комитет считает, что сокращение размера не предусматривающего отчислений пособия автора по инвалидности не представляет собой нарушения его прав по ст.ст. 2 и 9 Пакта (п. 15 Соображения).

В сфере семейных правоотношений

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин¹

Сообщение: *М.В. против Дании.* Сообщение № 46/2012. Мнения приняты Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее — Комитет) 22 февраля 2016 г.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что он не подменяет собой государственные органы власти при рассмотрении фактов и доказательств, если только такое рассмотрение не было явно произвольным или равносильным отказу в правосудии² (п. 5.3 Мнений).

В соответствии с пп. 6 и 9 его Общей рекомендации № 19 (1992) о насилии в отношении женщин определение дискриминации в ст. 1 Конвенции включает понятие насилия, обуслов-

ленного половой принадлежностью, и, кроме того, государства могут также быть ответственны за деяния, совершаемые частными лицами, в том случае, если эти государства не проявляют должной заботы для предотвращения нарушений прав или же расследования и наказания актов насилия³ (п. 5.4 Мнений).

Комитет напоминает об обязательстве государств-участников не проявлять дискриминацию в отношении женщин посредством действий или бездействия, а также об их обязательстве активно реагировать на проявления дискриминации в отношении женщин независимо от того, совершаются ли такие действия или бездействие государством или частными лицами. Подобным же образом государства-участники обязаны обеспечивать защиту женщин от дискриминации со стороны судебной системы и государственных органов. Комитет напоминает, что дискриминация в отношении женщин по признаку половой принадлежности и гендерной идентичности неразрывно связана с другими факторами, влияющими на женщин, такими как национальность, и что государства-участники обязаны юридически признать все взаимосвязанные формы дискриминации и их общее негативное воздействие на пострадавших женщин и наложить на них запрет (п. 5.8 Мнений).

Согласно п. “а” ст. 5 Конвенции государства-участники обязаны изменять социальные и культурные шаблоны поведения мужчин и женщин, с тем чтобы в числе прочего добиться устранения предрассудков и действий, основанных на идеях неполноценности или превосходства на основании половой принадлежности или стереотипных ролей мужчин и женщин. Согласно подп. d п. 1 ст. 16 Конвенции государства-участники обязаны принимать все надлежащие меры по ликвидации дискриминации в отношении женщин во всем, что касается семейных взаимоотношений, и гарантировать мужчинам и женщинам одинаковые родительские права и обязанности в том, что касается их детей, учитывая, что во всех случаях первостепенное значение имеют интересы детей (п. 5.9 Мнений).

Комитет полагает, что слово “первостепенный”⁴, упоминаемое в Конвенции, означает, что наилучшие интересы ребенка не могут рассматриваться на равных основаниях с другими соображениями. Комитет также полагает, что, для того чтобы продемонстрировать соблюдение права ребенка на оценку и придание основного/первостепенного значения его наилучшим интересам, любое решение, касающееся ребенка, должно быть взвешенно, обоснованно и разъяснено (п. 5.13 Мнений).

³См. также сообщение № 6/2005, Венский центр защиты от бытового насилия и Ассоциация за предоставление женщинам доступа к средствам правовой защиты от имени *Бану Акбак, Гюлен Хан и Мелиссы Езде*, Мнения, принятые 6 августа 2007 г., п. 12.1.1.

⁴В силу ст. 5 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. государства-участники принимают все соответствующие меры с целью: а) изменить социальные и культурные модели поведения мужчин и женщин с целью достижения искоренения предрассудков и упразднения обычаев и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин; б) обеспечить, чтобы семейное воспитание включало в себя правильное понимание материнства как социальной функции и признание общей ответственности мужчин и женщин за воспитание и развитие своих детей при условии, что во всех случаях интересы детей являются преобладающими.

¹Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее — Комитет) действует на основании Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. Российская Федерация является участником данного Протокола и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее — Конвенция), а также признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

²См., например, сообщения № 37/2012, *Т.Н. против Дании*, Решение о неприемлемости от 3 ноября 2014 г., п. 12.7, и № 34/2011, *Р.П.Б. против Филиппин*, Мнения, принятые 21 февраля 2014 г., п. 7.5.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает, что жалобы автора в соответствии со ст. 1 и п. d) ст. 2 Конвенции основаны на заявленных актах насилия, обусловленного половой принадлежностью, совершенных С. по отношению к ней и ее сыну, предвзятых судебных разбирательствах, проводимых датскими органами власти и судами, дискриминации в отношении автора по половой принадлежности и иностранному гражданству, а также на непринятии государством-участником надлежащих и безотлагательных мер по защите ее самой и ее сына О.В. и по прекращению заявленной дискриминации по отношению к ним (п. 5.2 Мнений).

Комитет отмечает подробные жалобы автора на то, что в ходе совместного проживания с С., после их разлучения и даже после ее переезда в Австрию она подвергалась вербальному и физическому насилию, притеснению и преследованию со стороны С., а О.В. был жестоко похищен в Австрии. Комитет обращает внимание на заявление автора о том, что правоохранительные органы не только не были способны защитить ее от угроз, преследований, притеснений и физического насилия со стороны С., но и проявили дискриминацию по отношению к ней как иностранке; например, когда она сообщила о вторжении С. к ней в дом 6 сентября 2010 г. полиции, полиция проигнорировала ее версию событий, арестовав ее и неправомерно заключив под стражу без надлежащего разбирательства за якобы незаконный вывоз О.В. из страны, хотя она имела право единоличной опеки, и когда полиция отказалась провести расследование по ее заявлению о посягательстве С. на ее собственность и угрозах с его стороны в ее доме. Комитет также принимает к сведению подробную информацию, представленную автором о бесчеловечном и унижающем достоинство обращении, с которым она столкнулась при задержании 6 сентября 2010 г., например, принудительное обнажение и полный осмотр тела, выполненный надзирательницей тюрьмы, а также отказ в праве на консультацию со своим адвокатом. Комитет надлежащим образом рассмотрел действия датских органов власти, такие как принятие полицией Северной Зеландии только версии С. и предъявление автору обвинений согласно разделу 215 Уголовного кодекса, требование прокурора о ее задержании 7 сентября 2010 г. в ходе слушания в Окружном суде Хельсингера, а также тот факт, что, хотя Окружной суд не нашел оснований для ее задержания и она была освобождена, позднее полиция Северной Зеландии трижды требовала заочного (*in absentia*) задержания автора в целях выдачи европейского ордера на арест (п. 5.5 Мнений).

Учитывая насильственное похищение О.В. в Австрии, пристрастность датских органов власти, включая их судебную систему, и отсутствие эффективной реакции на похищение О.В., Комитет принимает к сведению заявление автора о том, что датские органы власти полностью игнорируют международный ордер на арест С., выданный австрийскими органами власти, согласно которому он обвиняется в тяжком нападении и похищении О.В., на ее требования по предоставлению ей доступа к ребенку и по обеспечению безопасности О.В. после его похищения и на то, что в ходе дела они причинили вред ранее абсолютно здоровому и хорошо развитому ребенку, чтобы скрыть тот факт, что они нарушили международные нормы и датское законодательство, лишив ее права опеки над ребенком и предоставив это пра-

во С. в 2010 г... Комитет принимает к сведению, что, хотя 16 апреля 2012 г. Национальный социальный апелляционный совет действительно потребовал от суда первой инстанции Хельсингера рассмотреть запрос автора о передаче ей О.В. в Австрии, последний 21 сентября 2012 г. издал постановление, в котором запрос автора о передаче ей О.В. был отклонен, указанное постановление было оставлено в силе при рассмотрении апелляции в Высоком суде Восточной Дании, а последующие заявления автора в адрес Совета по проверке апелляции об обжаловании принятого решения Верховным судом систематически отклонялись (п. 5.6 Мнений).

Комитет отмечает утверждения государства-участника о том, что жалобы автора в отношении жестокого поведения С. по отношению к ней необоснованны, поскольку она не предоставила доказательств или документов, подтверждающих ее заявление о том, что С. жестоко обращался с ней, угрожал ей, запугивал и преследовал ее и О.В. Комитет отмечает, что автору было сложно представить такие документы, находясь в Австрии, особенно после того как все ее запросы на получение документов от датских органов власти были проигнорированы и/или отклонены. Кроме того, Комитет отмечает, что государство-участник не представило подробную информацию и документы о действиях и бездействии полиции, в частности незаконного ареста и взятия автора под стражу с 6 по 7 сентября 2010 г., а также неспособности правоохранительных органов предпринять действия против посягательства С. на ее собственность и его угрожающего поведения. Комитет полагает, что при сложившихся обстоятельствах датские органы власти, особенно полиция, прокурор и суды, не только оказались неспособными обеспечить эффективную защиту автора и О.В., законное право на опеку которого имелось у автора, но и совершили ряд противоправных деяний, а именно: передача (пусть даже временно) права опеки над О.В. от автора к С. в результате судопроизводства при наличии одной стороны, в ходе которого районная государственная администрация опиралась только на версию событий, представленную С.; передача С. прав на опеку Окружным судом Хельсингера 22 декабря 2010 г. опять-таки на основании заявления С., которое содержало такие ложные факты, как утверждение, что С. брал на себя основную часть обязанностей по уходу за О.В., а также очевидная неспособность со стороны обоих органов власти принять во внимание наилучшие интересы О.В.; незаконный арест и взятие автора под стражу в сентябре 2010 г. и привлечение ее к ответственности согласно разделу 215 (2) Уголовного кодекса Дании, а также снятие с нее обвинений два года спустя 20 декабря 2012 г., в результате чего она не могла присутствовать на разбирательствах об опеке, опасаясь задержания, и, таким образом, не имела возможности доступа к правосудию. Что касается похищения О.В. со стороны С. в Австрии, Комитет также принимает к сведению отсутствие сотрудничества с австрийским Центральным управлением со стороны государства-участника, а также его отказ выдать С. австрийским органам власти в соответствии с международным ордером на арест, выданным 3 апреля 2012 г. Комитет напоминает, что в соответствии с Гаагской конвенцией центральные управления обязаны сотрудничать друг с другом и обеспечивать скорейшее возвращение неправомерно вывезенных детей, а также гарантировать эффек-

тивное соблюдение прав на опеку и доступ согласно законодательству одного договаривающегося государства на территории другого договаривающегося государства. Комитет также выражает беспокойство недостаточным обоснованием, представленным Министерством юстиции, выступающим в качестве датского Центрального управления, в отношении его отказа выдать С. Австрии после выдачи австрийскими органами власти ордера на арест 3 апреля 2012 г. в связи с похищением О.В. со стороны С. на том основании, что, во-первых, поскольку О.В. находился под опекой С. в Дании, правонарушение, в связи с которым был выдан ордер на арест, было частично совершено в Дании, а, во-вторых, в Дании соответствующее деяние не считается уголовным правонарушением, потому что согласно датскому законодательству С. имеет право опеки над О.В. (п. 5.7 Мнений).

В такой ситуации на основании вышеизложенной информации Комитет делает вывод, что государство-участник не проявило должной заботы для предотвращения, расследования и наказания актов насилия, а также для защиты автора и О.В. до и после похищения (п. 5.8 Мнений).

Комитет принимает к сведению жалобы автора в соответствии с пп. а) и б) ст. 5 и подп. d п. 1 ст. 16 Конвенции о том, что государство-участник не уклало наилучшие интересы О.В. при передаче С. права опеки и проявило дискриминацию в отношении автора как иностранной матери в ходе разбирательства в отношении прав опеки и посещения (п. 5.9 Мнений).

Комитет отмечает утверждения автора о том, что, лишив ее права опеку над О.В. и передав это право С., датские органы власти, действующие посредством районной государственной администрации и Окружного суда Хельсингера, не уделили первостепенное значение наилучшим интересам О.В. и не приняли во внимание законные права автора как полноправного опекуна, таким образом проявив дискриминацию в отношении нее как женщины и иностранной матери. В частности, Комитет отмечает жалобы автора на противоправные деяния со стороны датских органов власти, которые не рассмотрели надлежащим образом следующие факты: О.В. имеет только австрийское гражданство, С. даже не признал О.В. после его рождения; несмотря на признание С. ребенка 22 мая 2007 г., это не повлекло за собой смену гражданства О.В.; автор, будучи незамужней матерью, имеет право единоличной опеки над О.В. в соответствии как с датским, так и с австрийским законодательством; автор и С. никогда не достигали каких-либо соглашений в отношении права С. на посещение; автор и О.В. никогда не подавали заявление на получение датского гражданства. Комитет также принимает к сведению заявления автора о том, что, хотя С. и отозвал свое заявление в адрес районной государственной администрации об оформлении совместной опеки 19 июля 2010 г., а 22 июля 2010 г. подал новое заявление о предоставлении ему права единоличной опеки, датские органы власти не приняли во внимание тот факт, что государственная администрация не обладала юрисдикцией в отношении австрийского ребенка, рожденного австрийской матерью, которая имеет право единоличной опеки над ним. Что еще более важно, Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что районная государственная администрация и Окружной суд Хельсингера не учли наилучшие интересы О.В. и опирались только на

необъективную версию событий, представленную С., а также о том, что решение Окружного суда Хельсингера основывалось на принципе контакта ребенка с обоими родителями, но было откровенно предвзятым по отношению к автору как к иностранке настолько, что, поскольку она не встречалась и не беседовала с младшим помощником судьи, проводившим разбирательство дела, последний обвинил ее в том, что она думает только о себе и не способна сопереживать, и в результате даже не предоставил ей права видеться с О.В. Комитет также принимает к сведению утверждение автора о том, что с 1 октября 2014 г. районная государственная администрация лишила ее всех материнских прав, руководствуясь заявлением С. согласно разделу 23 Закона Дании о родительских обязанностях (п. 5.10 Мнений).

Комитет принимает к сведению информацию, предоставленную государством-участником, о соблюдении им Закона о родительских обязанностях, его международных обязательств, в том числе обязательств, изложенных в Конвенции и Конвенции о правах ребенка, а также его утверждение о том, что в данном деле районная государственная администрация постановила, что в ходе судебного разбирательства в наилучших интересах О.В. следует не менять его статус-кво, чтобы он оставался в своей привычной среде и ходил в школу в Дании (п. 5.11 Мнений).

Комитет обращает внимание на копию решения, представленную государством-участником, в котором районная государственная администрация отметила, что не производила оценки на тот счет, что отвечало бы наилучшим интересам О.В. в долгосрочной перспективе. Принимая во внимание Закон о родительских обязанностях, Комитет отмечает, что, наряду с тем, что все решения основаны на первоочередном принципе соблюдения наилучших интересов ребенка, датское законодательство также основывается на том принципе, что ребенок должен общаться с обоими родителями, и это соображение имело большой вес в решении, вынесенном Окружным судом Хельсингера, который заключил, что, поскольку действия автора привели к тому, что О.В. более четырех месяцев не мог видеться с отцом, в наилучших интересах О.В. будет предоставить полное опеку над С. с целью обеспечить постоянный контакт О.В. с обоими родителями. Комитет полагает, что в обоих решениях суды не уделили первостепенное значение наилучшим интересам О.В. и не смогли найти взвешанный подход, что привело к дискриминирующему обращению с автором. Комитет отмечает, что Окружной суд Хельсингера в своем решении ссылается на необходимость постоянного контакта с обоими родителями, хотя отдает себе полный отчет в том, что автор проживает в Австрии, но при этом он даже не предоставил ей прав на посещение. Комитет напоминает об осуществлении временных мер 9 июля 2013 г. и 4 апреля 2014 г., в рамках которых он просил государство-участника предоставить автору разумный доступ к О.В. в Дании и обеспечить, чтобы все соответствующие органы власти облегчали реализацию такого доступа, и с беспокойством отмечает, что государство-участник не выполнило эту просьбу якобы на том основании, что автор должна была подать заявление о праве на посещение в районную государственную администрацию, которая, согласно датскому законодательству, является единственным органом, имеющим право принимать решения в отношении доступа, из чего вытекает, что автор

не имела контактов со своим ребенком с 13 февраля 2013 г. Комитет также обеспокоен тем, что с 1 октября 2014 г. положение автора еще больше ухудшилось в связи с решением районной государственной администрации, действовавшей на основании очередного заявления С., согласно которому автор больше не имела права получать информацию о своем сыне О.В., несмотря на то, что согласно разделу 23 Закона о родительских обязанностях родитель, не принимающий участия в совместной опеке, имеет право требовать и получать информацию о ребенке из школ, детских садов и яслей, учреждений социального сектора и сектора здравоохранения, частных больниц, врачей общей практики и дантистов (п. 5.12 Мнений).

Комитет принимает к сведению замечания государства-участника о том, что в ходе разбирательства, касающихся прав опеки, автор имела полную возможность представить свою версию событий, но не смогла этого сделать, а также о том, что автор не подверглась бы аресту, если бы явилась на судебные слушания в Дании, поскольку государственный прокурор прекратил требовать задержания автора после того, как Восточный Высокий суд вынес постановление от 23 декабря 2011 г. Комитет принимает к сведению обстоятельства, при которых в сентябре 2010 г. автор была без достаточных оснований арестована и заключена под стражу, а также бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, с которым она столкнулась при задержании, и полагает, что у автора были все основания не возвращаться в Данию на разбирательства, касающиеся прав опеки, поскольку она потеряла веру в беспристрастность и справедливость органов государства-участника. Комитет напоминает о письме от 18 апреля 2011 г., направленном в австрийское Центральное управление Департаментом по делам семьи при Министерстве юстиции (датским Центральным управлением), подтверждающем, что ожидается уголовное разбирательство против автора, что похищение ребенка является уголовным правонарушением, максимальный срок наказания за которое составляет 4 года лишения свободы, что автор рискует быть арестованной, если приедет в Данию, и что в ближайшее время на автора может быть выдан европейский ордер на арест. Комитет также принял во внимание неоспоримое утверждение автора о том, что по отношению к ней применялась тактика запугивания, в частности в форме нескольких телефонных звонков в австрийский Департамент по делам семьи, сделанных социальным работником из датского Центрального управления/Департамента по делам семьи с угрозами в адрес автора и требованием отозвать ее запрос о возвращении О.В. в Австрию. Комитет полагает, что все эти обстоятельства в совокупности не только объясняют нежелание автора возвращаться в Данию на разбирательства, но и являются препятствием к доступу автора к правосудию (п. 5.14 Мнений).

Кроме того, Комитет глубоко обеспокоен систематическими отклонениями заявления автора в Совет по проверке апелляции, что также представляет собой препятствие к доступу автора к правосудию. Применяя “правило всеобщей общественной важности”, органы власти государства-участника должны были уделить надлежащее внимание характеру дела, в частности вопросу опеки над несовершеннолетним малолетним ребенком, международным масштабам дела и

противоположным решениям, вынесенным двумя разными системами правосудия, а также серьезным и всеобъемлющим последствиям данного вопроса; должны были полностью изучить все аспекты дела при подаче апелляции, которые выйдут за рамки судебных интересов автора, О.В. и С., принимая во внимание многократные утверждения автора о том, что она подвергалась дискриминации по половому признаку и иностранному гражданству, и тот факт, что в подобной ситуации находится множество иностранных граждан и существует множество жалоб, касающихся иностранных родителей, оказавшихся в такой же ситуации, что и автор (п. 5.15 Мнений).

Выводы Комитета. Комитет приходит к заключению, что датские органы власти не проявили к автору равноправного отношения в деле, касающемся ее сына. В свете вышеизложенного Комитет считает, что государство-участник нарушило права автора и О.В. в соответствии с п. d) ст. 2, пп. a) и b) ст. 5 и подп. d) п. 1 ст. 16 Конвенции (п. 5.16 Мнений)¹.

В сфере гражданско-процессуальных отношений

Практика Европейского Суда по правам человека

В ряде постановлений Европейского Суда (жалоба № 18451/04, дело “Долбин против России”, жалоба № 23304/05, дело “Коновалова против России”, жалобы №№ 34248/05, 46745/06 и 28424/07, дело “Шапкин и другие против России”, жалобы №№ 2982/05, 5991/05, 9546/05 и 24130/06, дело “Шурыгина и другие против России”, жалобы №№ 47032/06, 6415/07, 39249/08 и 39251/08, дело “Кулюк и другие против России”, жалобы №№ 22419/05, 26493/06 и 41910/06, дело “Климова и другие против России”, жалобы №№ 36299/03, 14222/04, 15030/04, 36581/04, 1407/05, 2071/05 и 24618/05, дело “Коваленко и другие против России”) было установлено нарушение ст. 6 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с несоблюдением принципа правовой определенности ввиду отмены в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам вынесенных в пользу заявителей и вступивших в законную силу судебных постановлений о перерасчете выплат в возмещение вреда здоровью в связи с ликвидацией последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, о перерасчете пенсии, установлении процента утраты трудоспособности и возмещении вреда в связи с реабилитацией, о взыскании стоимости автомобилей по целевым расчетным чекам, а также о перерасчете трудовых пенсий.

Суд установил, что “решения российских судов были отменены в порядке надзора исключительно на основании неправильного применения положения материального права нижестоящими судами... [Н]есоответствие одной из сторон с оценкой, сделанной судами первой и апелляционной инстанций, в отсутствие грубых нарушений судебного производства не является существенным и веским основанием для отмены вступившего в силу и обязательного для исполнения судебного решения, а также для возобновления разбирательства по иску заявителей” (п. 16 постановления по делу *Коваленко против России*).

Европейский Суд также подчеркнул, что “...ни отмена вступивших в силу и подлежащих исполнению решений национальных судов, ни предполагаемое непредоставление заявителем исполнительных документов в соответствующие органы не является основанием для длительного неисполнения решений” (п. 30 постановления по делу *Коваленко против России*).

¹В тексте Мнений были также предусмотрены меры индивидуального и общего характера, подлежащие принятию государством-ответчиком.

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных правоотношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *Непорожнев В.В. против Российской Федерации*. Сообщение № 1941/2010. Сообщения приняты Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 11 марта 2016 г.

Тема сообщения: обвинение в применении пыток во время содержания в следственном изоляторе, по которому государством-участником не проведено должное расследование, и несправедливое судебное разбирательство.

Вопросы существа: эффективные средства правовой защиты, справедливый суд, пытки — незамедлительное и беспристрастное расследование.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает, что в случае поступления жалобы о жестоким обращении, запрещенном ст. 7 Пакта, государство-участник обязано провести ее безотлагательное и беспристрастное расследование¹ (п. 8.4 Сообщений).

Комитет напоминает, что согласно требованиям п. 3 d) ст. 14 Пакта обвиняемые должны присутствовать на разбирательствах, хотя при некоторых обстоятельствах разбирательство в отсутствие обвиняемого допускается в интересах должного отправления правосудия². Комитет также напоминает, что разбирательство всех уголовных дел должно проводиться устно и быть открытым для публики, за исключением случаев, когда суд принимает решение не допускать всю публику или ее часть по соображениям морали, общественного порядка (*ordre public*) или государственной безопасности³. Даже в тех случаях, когда публика лишена доступа на судебное разбирательство, судебное постановление, включая основные выводы, доказательства и правовую аргументацию, должно быть предано гласности⁴ (п. 8.5 Сообщений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждение автора, согласно которому он был задержан и по пути в отделение полиции избит сотрудниками правоохранительных органов; его продержали в подвале отделения полиции до 8 часов утра следующего дня и на протяжении всей ночи, надев на него наручники, подвергали избиениям и причинили ему переломы челюсти и нескольких ребер; сотрудники полиции сдавливали ему горло ногой и не давали дышать, в результате чего образовались гематомы. Комитет также принимает к сведению представление государства-участника, согласно которому следствие, возбужденное по этому делу на основании жалобы автора, установило, что телесные повреждения автору нанесли неустановленные лица и что никто из сотрудников полиции к этому не причастен. В то же время Комитет отмечает, что согласно показаниям, данным представителями больницы на суде,

¹См. Замечание общего порядка № 20 (1992) о запрете пыток и других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, п. 14, и, например, сообщение № 1304/2004, *Хорошенко против Российской Федерации*, Сообщения, принятые 29 марта 2011 г., п. 9.5.

²См. Замечание общего порядка № 32 (2007) Комитета о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое разбирательство, п. 36.

³Там же, п. 29.

⁴Там же, п. 29.

13 сентября 2006 г., когда автор уже находился под стражей в отделении полиции, для оказания ему неотложной медицинской помощи была вызвана машина “Скорой помощи”, и сотрудники службы диагностировали переломы ребер и челюсти и гематомы. Комитет также указывает, что изначально следствие было закрыто, не выявив виновных в нанесении автору телесных повреждений, и что, несмотря на заявление государства-участника о возобновлении следствия 2 марта 2011 г., сведений о полученных в процессе возобновленного расследования результатах нет (п. 8.2 Сообщений).

Комитет отмечает, что расследования, судя по всему, оказались безрезультатными и что в заявлениях государства-участника и в выступлениях на суде автора и представителей больницы и отделения скорой помощи содержатся противоречивые сведения о сопутствовавших задержанию автора событиях и о том, как он получил тяжкие телесные повреждения. Комитет отмечает, что согласно постановлению районного суда затребованные им медицинские документы прокуратура так и не представила (п. 8.3 Сообщений).

Принимая во внимание противоречивую информацию и отсутствие официальных выводов начато 26 сентября 2006 г. следствия по факту применения пыток в отношении автора, Комитет считает, что с учетом обстоятельств данного дела государство-участник не продемонстрировало, что его власти должным и эффективным образом отреагировали на своевременно и обоснованно выдвинутые автором обвинения в применении пыток как в рамках внутреннего уголовного производства, так и в контексте настоящего сообщения. Соответственно, утверждения автора следует придать должное значение. На этом основании Комитет заключает, что находящиеся на его рассмотрении факты свидетельствуют о нарушении прав автора по ст. 7 Пакта⁵ (п. 8.4 Сообщений).

Комитет отмечает заявления автора, касающиеся пп. 1 и 3 d) ст. 14 Пакта, согласно которым его периодически удаляли из зала заседаний суда во время слушания его дела и он не имел возможности дать показания в свою защиту, а приговор не был провозглашен публично. Комитет обращает внимание на то, что государство-участник не оспорило заявление автора, согласно которому его периодически удаляли из зала заседаний суда, а приговор не был провозглашен публично, и, значит, не обосновало, каким образом эти действия способствовали должному отправлению правосудия. С учетом этих обстоятельств следует придать должное значение обвинениям автора, и Комитет заключает, что находящиеся на его рассмотрении факты свидетельствуют о нарушении прав автора по пп. 1 и 3 d) ст. 14 Пакта (п. 8.5 Сообщений).

Выводы Комитета. Комитет по правам человека считает, что государство-участник нарушило права автора, закрепленные в ст. 7 Пакта, рассматриваемой отдельно и в совокупности с п. 3 ст. 2 Пакта, а также пп. 1 и 3 d) ст. 14 Пакта (п. 9 Сообщений).

В соответствии с п. 3 а) ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство правовой защиты. Это подразу-

⁵См., например, сообщение № 889/1999, *Жейков против Российской Федерации*, Сообщения, принятые 17 марта 2006 г., п. 7.2, и *Хорошенко против Российской Федерации*, п. 9.5.

мевают полноценное возмещение причиненного вреда лицам, чьи предусмотренные в Пакте права были нарушены. Соответственно, государство-участник обязано в том числе: а) провести тщательное и эффективное расследование утверждений автора, касающихся применения пыток в процессе его досудебного содержания под стражей; б) предоставить автору подробную информацию о результатах расследования; в) обеспечить преследование, судебное разбирательство и в случае признания виновности наказание всех виновных в совершении нарушений; г) предоставить автору достаточную компенсацию за вред, причиненный ему нарушениями. Государство-участник также обязано принять меры для предотвращения подобных нарушений в будущем (п. 10 Соображений).

Сообщение: *Польских Ф.М. против Российской Федерации*. Сообщение № 2099/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 11 марта 2016 г.

Тема сообщения: арест автора сообщения по подозрению в убийстве и принуждение его к даче признательных показаний под пытками.

Вопросы существа: эффективное средство правовой защиты; принуждение к даче признательных показаний; произвольные арест и задержание; справедливое разбирательство.

Правовые позиции Комитета. При поступлении жалобы на жестокое обращение в нарушение ст. 7 Пакта государство-участник должно незамедлительно провести беспристрастное расследование¹ (п. 9.3 Соображений).

Государство-участник несет ответственность за обеспечение безопасности всех лиц в местах содержания под стражей, а в тех случаях, когда то или иное лицо получает телесные повреждения в заключении, государство-участник обязано представить доказательства, опровергающие утверждения об ответственности за это должностных лиц государства-участника² и подтверждающие проявление должной осмотрительности при защите лица, содержащегося под стражей (п. 9.4 Соображений).

Гарантию, изложенную в п. 3 г) ст. 14 Пакта, следует понимать как отсутствие любого прямого или косвенного физического или неоправданного психологического давления со стороны следственных органов на обвиняемых с целью добиться признания теми своей вины³. Информация, полученная в результате пыток, не должна рассматриваться в качестве доказательств⁴ (п. 9.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает утверждения автора со-

общения о том, что он был избит и подвергнут пыткам сотрудниками милиции сразу же после его ареста 30 июля 2002 г. и в последующие дни. Автор сообщения утверждает, что его били резиновым шлангом, неоднократно подхватывали за ноги и бросали на пол, а также надевали на него противогаз с закрытым клапаном, в результате чего он потерял сознание. Комитет также отмечает, что автор сообщения представил копию справки, выданной больницей, о том, что в период с 31 июля по 21 августа 2002 г. у автора сообщения были диагностированы многочисленные травмы, в том числе перелом ребер и сотрясение мозга. Автор сообщения представил подробную информацию о жестоком обращении с ним и утверждает, что поданные в этой связи жалобы были проигнорированы обвинением и судами (п. 9.2 Соображений).

Хотя в решении от 29 января 2003 г. областного суда упоминаются утверждения автора сообщения о пытках, суд отклонил их, безапелляционно заявив, что показания по данному делу подтверждают вину обвиняемого. Комитет отмечает, что согласно информации государства-участника прокуратура неоднократно принимала решения об отказе в возбуждении дела по заявлениям автора сообщения о пытках и что эти решения были в конечном итоге подтверждены судами. Комитет также отмечает информацию государства-участника от 28 марта 2013 г., в соответствии с которой в неуказанный день в 2013 году межрайонная прокуратура отменила решение от 21 декабря 2012 г. и решение от 2 декабря 2002 г. и распорядилась о проведении новой проверки утверждений автора сообщения. Комитет, однако, отмечает, что в результате проведенного расследования в апреле 2013 г. было вновь отказано в возбуждении уголовного дела в связи с утверждениями автора сообщения о пытках. В то же время Комитет отмечает, что ни в приговоре, ни в постановлениях прокуратуры, ни в представлениях государства-участника в рамках текущего разбирательства не приводится никаких подробных сведений о конкретных мерах, принятых властями по расследованию заявлений автора сообщения. В частности, Комитет отмечает, что государство-участник не представило никаких объяснений относительно многочисленных и документально подтвержденных телесных повреждений, полученных автором сообщения сразу же после его ареста (п. 9.3 Соображений).

Комитет считает, что при данных конкретных обстоятельствах по текущему делу государство-участник не представило доказательств того, что его власти оперативно и надлежащим образом проверили утверждение автора сообщения по поводу пыток как в контексте внутреннего уголовного производства, так и в контексте настоящего сообщения. Соответственно, к заявлениям автора сообщения следует отнестись со всей серьезностью. Поэтому Комитет приходит к выводу о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора сообщения по ст. 7 Пакта, рассматриваемой как отдельно, так и в сочетании с п. 3 ст. 2 Пакта⁵. С учетом недостаточного и не позволяющего сделать окончательный вывод расследования властями государства-участника утверждений автора сообщения о применении к нему пыток с целью получения признательных показаний Комитет приходит к выводу о том, что представленные

¹См. Замечание общего порядка № 20 (1992) о ст. 7: запрет на пытки или другие виды жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, п. 14, и, например, сообщение № 1304/2004, *Хорошенко против Российской Федерации*, Соображения, принятые 29 марта 2011 г., п. 9.5.

²См. сообщения № 907/2000, *Сирагев против Узбекистана*, Соображения, принятые 1 ноября 2005 г., п. 6.2; № 889/1999, *Жейков против Российской Федерации*, Соображения, принятые 17 марта 2006 г., п. 7.2; *Жумбаева против Кыргызстана*, п. 8.9.

³См., например, Замечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и на справедливый суд, п. 41, и сообщения № 330/1988, *Берри против Ямайки*, Соображения, принятые 7 апреля 1994 г., п. 11.7; № 1033/2001, *Синграса против Шри-Ланки*, Соображения, принятые 21 июля 2004 г., п. 7.4; и № 1769/2008, *Исмаилов против Узбекистана*, Соображения, принятые 25 марта 2011 г., п. 7.6.

⁴См. Замечание общего порядка № 32, п. 41.

⁵См., например, *Жейков против Российской Федерации*, п. 7.2, и *Хорошенко против Российской Федерации*, п. 9.5.

ему факты свидетельствуют об отдельном нарушении прав автора сообщения, предусмотренных п. 3 г) ст. 14 Пакта (п. 9.4 Соображений).

Комитет далее отмечает утверждения автора сообщения о том, что он подвергался пыткам и был поэтому вынужден признать свою вину в совершении ряда преступлений и что это признание было использовано судами в качестве доказательства его вины, несмотря на просьбы автора сообщения не приобщать такие показания к делу (п. 9.5 Соображений).

Выводы Комитета. Комитет считает, что государство-участник нарушило права автора сообщения по ст. 7 Пакта, рассматриваемой как отдельно, так и в сочетании с п. 3 ст. 2 и п. 3 г) ст. 14 Пакта (п. 10 Соображений).

В соответствии с п. 3 а) ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору сообщения эффективное средство правовой защиты. Для этого оно должно обеспечить полное возмещение ущерба лицам, права которых, признаваемые в Пакте, были нарушены. Соответственно, государство-участник, в частности, обязано: а) провести тщательное и эффективное расследование утверждений автора сообщения о применении к нему пыток во время его содержания в следственном изоляторе; б) предоставить ему подробную информацию о результатах расследования; в) обеспечить судебное преследование и, в случае подтверждения вины, наказание лиц, ответственных за совершенные нарушения; г) обеспечить автору сообщения повторное судебное разбирательство с соблюдением всех гарантий, предусмотренных в Пакте; и е) обеспечить автору сообщения адекватную компенсацию за нарушения, от которых он пострадал. Государство-участник также обязано принять меры по недопущению аналогичных нарушений в будущем (п. 11 Соображений).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по делу “Роман Захаров против России”, жалоба № 47143/06 (вынесено и вступило в силу 4 декабря 2015 г.).

Заявитель жаловался, что система тайного прослушивания мобильных телефонных разговоров в России не соответствовала требованиям ст. 8 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что “...заявитель в настоящем деле заявлял, что имело место вмешательство в его права в результате скорее лишь существования законодательства, допускающего тайное прослушивание разговоров по мобильному телефону, и риска быть подвергнутым мерам контроля, чем в результате применения какой-либо конкретной меры прослушивания в отношении него” (п. 163 постановления).

Суд также установил, что “...оспариваемое законодательство ввело в действие систему тайного наблюдения, при которой разговоры по мобильному телефону любого лица, пользующегося услугами российских операторов мобильной телефонной связи, могут быть прослушаны даже без уведомления о наблюдении. В этом смысле рассматриваемое законодательство напрямую затрагивает всех пользователей услуг мобильной телефонной связи” (п. 175 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что “...ссылка на “предсказуемость” в контексте прослушивания коммуникаций не может нести тот же смысл, что и во многих других областях. Предсказуемость в особом контексте мер тайного наблюдения, таких как прослушивание разговоров, не может означать, что гражданин должен уметь предвидеть, когда власти, скорее всего, прослушают его переговоры, чтобы он смог соответ-

ствующим образом скорректировать свое поведение. Однако именно тогда, когда полномочия, которыми наделяется исполнительная власть, осуществляются втайне, риск произвола становится очевидным. Поэтому чрезвычайно важно существование четких, подробных правил прослушивания телефонных разговоров, особенно когда используемые технологии все более совершенствуются. Национальное законодательство должно достаточно четко указывать гражданам на обстоятельства и условия, при которых государственные власти имеют право прибегнуть к какой-либо из таких мер” (п. 229 постановления).

Суд отметил, что “...так как осуществление на практике мер тайного наблюдения за переговорами не подлежит контролю со стороны заинтересованных лиц или широкой общественности, предоставление исполнительной власти или судье неограниченных дискреционных полномочий противоречило бы принципу верховенства права. Поэтому закон должен достаточно четко определять пределы и способы осуществления любых дискреционных полномочий, предоставленных компетентным органам для обеспечения человеку надлежащей защиты от произвола властей” (п. 230 постановления).

Суд установил, что “...надзор и контроль над мерами тайного наблюдения может возникать на трех стадиях: когда было вынесено постановление об осуществлении наблюдения, когда оно осуществлялось, или после того, как оно прекратилось” (п. 233 постановления).

Европейский Суд отметил, что “...приложения к Приказу № 70 [Министерства связи]¹, главным образом, описывают технические требования к оборудованию для прослушивания, которое должно быть установлено операторами связи. В то же время, требуя, чтобы рассматриваемое оборудование обеспечивало прямой доступ правоохранительных органов ко всем разговорам пользователей по мобильному телефону, и что правоохранительные органы не должны были регистрировать или записывать информацию о начатых ими прослушиваниях... [п]риложения к Приказу № 70 могут затронуть права пользователей на уважение частной жизни и корреспонденции. Поэтому Суд считает, что они должны быть доступны общественности” (п. 241 постановления).

Суд подчеркнул: “...и ФЗ об ОРД², и УПК РФ предусматривают, что телефонные и другие переговоры могут прослушиваться в связи с правонарушением средней тяжести, тяжким правонарушением или особо тяжким уголовным преступлением — то есть правонарушением, за которое Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает максимальное наказание в виде тюремного заключения сроком более трех лет, — которое было уже совершено, продолжается или задумано... Суд считает, что достаточно ясен характер правонарушений, которые могут привести к вынесению санкции о прослушивании. В то же время он с озабоченностью отмечает, что российское законодательство разрешает прослушивание переговоров в отношении очень широкого круга уголовных преступлений, включая, например... карманные кражи” (п. 244 постановления).

Европейский Суд отметил “...отсутствие каких-либо разъяснений в российском законодательстве или

¹Приказ № 70 “О технических требованиях к системе технических средств для обеспечения функций оперативно-розыскных мероприятий на сетях электросвязи Российской Федерации”, изданный Государственным комитетом Российской Федерации по связи и информатизации 20 апреля 1999 г., предусматривает, что оборудование, установленное операторами связи, должно соответствовать техническим требованиям, которые описаны в приложениях к Приказу.

²Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ “Об оперативно-розыскной деятельности”.

установившейся судебной практике в отношении того, каким образом термины “лицо, которое может располагать сведениями об уголовном преступлении” и “лицо, которое может располагать сведениями, имеющими отношение к уголовному преступлению” должны применяться на практике” (п. 245 постановления).

Суд также отметил, что “...в дополнение к прослушиванию в целях предотвращения или выявления уголовных преступлений, ФЗ об ОРД также предусматривает, что телефонные или иные переговоры могут быть прослушаны вследствие получения информации о событиях или деятельности, угрожающей национальной, военной, экономической или экологической безопасности России... Но нигде в российском законодательстве не определено, какие именно события или деятельность могут считаться угрожающими таким видам безопасности” (п. 246 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что “...ФЗ об ОРД не дает никаких указаний на обстоятельства, при которых переговоры гражданина могут быть прослушаны ввиду событий или деятельности, угрожающих национальной, военной, экономической или экологической безопасности России. Он предоставляет властям практически неограниченные дискреционные полномочия при определении, какие события или действия представляют угрозу или являются достаточно серьезными для оправдания негласного наблюдения, тем самым создавая возможности для злоупотреблений” (п. 248 постановления).

Европейский Суд учел тот факт, что “...в России требуется получение предварительного судебного постановления, санкционирующего прослушивание. Такое судебное постановление может служить ограничением дискреционных полномочий правоохранительных органов в толковании общих терминов “лицо, которое может располагать сведениями об уголовном преступлении”, “лицо, которое может располагать сведениями, имеющими отношение к уголовному преступлению”, и “события или деятельность, угрожающие национальной, военной, экономической или экологической безопасности России”, посредством соблюдения установленной судебной интерпретации терминов или установленной практики, чтобы удостовериться в наличии достаточных причин для прослушивания конкретных переговоров гражданина в каждом случае. Суд признает, что требование о вынесении предварительного судебного постановления является важной гарантией от произвола” (п. 249 постановления).

Суд установил, что “...что вполне резонно оставить общую продолжительность прослушивания на усмотрение соответствующих национальных властей, отвечающих за вынесение и продление судебных постановлений, санкционирующих прослушивание, при условии наличия достаточных гарантий, таких как четкое указание в национальном законодательстве периода времени, после которого истекает срок действия постановления о прослушивании, условий, при которых такое постановление можно продлить, и обстоятельств, при которых оно должно быть отменено” (п. 250 постановления).

Суд подчеркнул, что “...в то время как российское законодательство содержит четкие правила о длительности и продлении прослушивания, предоставляя достаточные гарантии против злоупотреблений, положения ФЗ об ОРД в отношении прекращения мер по наблюдению не предоставляют надлежащих гарантий против произвольного вмешательства” (п. 252 постановления).

Суд отметил, что “...суд, выдавший разрешение на прослушивание, не уполномочен наблюдать за его реализацией. Он не уведомляется о результатах прослушивания и не имеет полномочий по контролю над соблюдением требований постановления о разрешении

на прослушивание. Также российские суды не имеют полномочий для осуществления общего надзора над прослушиванием. Судебный надзор сводится к начальной стадии выдачи разрешения. Последующее наблюдение доверено Президенту Российской Федерации, Парламенту, Властям, Генеральному прокурору Российской Федерации, и уполномоченному прокурору более низкого уровня” (п. 274 постановления).

Европейский Суд также подчеркнул, что “...в России лица, сообщения которых прослушивались, не уведомляются о данном факте ни в какой момент времени и ни при каких обстоятельствах. Следовательно, если в отношении субъекта прослушивания не будет возбуждено уголовное производство, и прослушанные данные не будут использованы в качестве доказательства, или если не произойдет утечка информации, рассматриваемое лицо никогда не узнает о том, что его разговоры прослушивались” (п. 289 постановления).

Суд пришел к выводу, что “...российские законоположения, регулирующие прослушивание разговоров, не предоставляют надлежащих и достаточных гарантий от произвола и риска злоупотребления, который присущ системе негласного наблюдения, и который особенно высок в системе, где службы безопасности и полиция имеют прямой доступ, за счет технических средств, ко всем разговорам по мобильным телефонам. В частности, обстоятельства, при которых органы государственной власти имеют право прибегнуть к мерам негласного наблюдения, не определены достаточно четко. Положения о прекращении негласного наблюдения не предоставляют достаточных гарантий от произвольного вмешательства. Национальное законодательство разрешает автоматическое сохранение явно не имеющей отношения к делу информации и не является достаточно четким в отношении обстоятельств, при которых материалы перехвата можно хранить и уничтожать после окончания судебного процесса. Порядок получения разрешения не способен гарантировать, что приказ о применении мер негласного наблюдения будет отдан только в случае “необходимости в демократическом обществе”. Надзор за прослушиванием, как он организован на настоящий момент, не соответствует требованиям к независимости, полномочиям и компетенции, достаточным для осуществления эффективного и непрерывного контроля общественности и эффективности на практике. Эффективность средств правовой защиты подорвана отсутствием уведомления в любой момент прослушивания или достаточного доступа к документам, имеющим отношение к прослушиванию... Соответственно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции” (пп. 302, 305 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по делу “Лькова против России”, жалоба № 68736/11 (вынесено 22 декабря 2015 г., вступило в силу 2 мая 2016 г.).

Заявитель жаловалась, ссылаясь на ст. 5 Конвенции, на то, что ее сын был лишен свободы в нарушение действующего национального законодательства.

Европейский Суд подчеркнул, что “...неприменение в отношении лица мер принуждения для обеспечения его явки не является однозначным критерием, позволяющим установить наличие или отсутствие факта лишения свободы” (п. 78 постановления).

Суд установил, что “...Власти не предоставили доказательств того, что [сын заявителя] покинул отдел милиции в какой-либо момент времени, а также что мог сделать это по своему усмотрению... Таким образом, Суд считает, что заявитель был лишен свободы по смыслу ст. 5 Конвенции” (п. 78 постановления).

При этом Суд также указал на то, что “...Властям так и не удалось четко пояснить, какое именно предпо-

лагаемое обязательство¹ было нарушено [сыном заявителя] до его задержания. В связи с тем, что иных оснований для лишения [сына заявителя] свободы Суду не было представлено, Суд полагает, что [сын заявителя] подвергся произвольному лишению свободы, поскольку его задержание не подпадало ни под один из случаев, перечисленных в пункте 1 статьи 5 Конвенции” (п. 81 постановления).

Далее заявитель жаловалась на то, что в ходе пребывания в отделе ее сын подвергся избиению со стороны сотрудников правоохранительных органов, при этом действия последних были направлены на получение от ее сына признательных показаний и в конечном итоге стали причиной его смерти. Заявитель также указывала на то, что по данному делу не было проведено какого-либо эффективного расследования.

Европейский Суд установил, что “...проведенные сотрудниками следственного отдела следственные действия были главным образом направлены на установление вредных привычек и связей [сына заявителя], а также его вымышленных суицидальных наклонностей... [Д]аже после возбуждения дела основной оставалась версия о внезапном самоубийстве [сына заявителя], в то время как иные варианты развития событий даже не рассматривались. В связи с этим, проведенное расследование не может рассматриваться как соответствующее критерию тщательности” (п. 107 постановления).

Суд также отметил, что “...несмотря на создание в Центральном федеральном округе нового специального отдела Следственного комитета Российской Федерации, цель деятельности которого заключается именно в расследовании преступлений, совершенных должностными лицами правоохранительных органов, поданное заявителем требование о передаче расследования в производство такого отдела было необоснованно отклонено” (п. 108 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что “...уголовное дело, возбужденное по факту гибели [сына заявителя] и по жалобе на жестокое обращение с ним, не удовлетворяло обязательному критерию “эффективности”. Следовательно, имело место нарушение статей 2 и 3 Конвенции в их процессуальном аспекте” (п. 109 постановления).

Суд также заключил, что “...жестокое действие, совершенные в отношении [сына заявителя], рассмотренные в совокупности, причинили боль и “сильные” страдания и представляют собой особо тяжкие и жестокие действия. Следовательно, такие действия должны рассматриваться как пытки согласно статье 3 Конвенции... [О]бращение, которому подвергся потерпевший... являлось нарушением статьи 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте” (пп. 126—127 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по делу “Таджибаев против России”, жалоба № 17724/14 (вынесено 1 декабря 2015 г., вступило в силу 2 мая 2016 г.).

Заявитель утверждал, что в случае экстрадиции в Кыргызстан он мог быть подвергнут жестокому обращению из-за своей национальной принадлежности². Он также жаловался на то, что российские власти отказались серьезно и тщательно рассматривать его доводы относительно риска жестокого обращения в запрашиваемой стране.

¹Власти ссылались на подп. “b” п. 1 ст. 5 Конвенции, в силу которого никто не может быть лишен свободы иначе как в случае законного задержания или заключения под стражу (ареста) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом.

²Заявитель является этническим узбеком.

Европейский Суд установил, что “...в 2012 году ситуация на юге [Кыргызстана] была отмечена применением пыток и других жестоких видов обращения в отношении этнических узбеков со стороны правоохранительных органов, и после событий в июне 2010 года случаи применения пыток и других жестоких видов обращения участились, причем теперь они отягощались безнаказанностью правоохранительных органов... [П]роблему необходимо было рассматривать на фоне развития этнического национализма в политике Кыргызстана, в особенности на юге, роста межэтнического напряжения между киргизами и узбеками, длительной дискриминации узбеков на государственном уровне и подавляющего меньшинства узбеков, среди прочего, в правоохранительных и судебных органах” (п. 42 постановления).

Суд подчеркнул, что “...если заявитель заявляет о своей принадлежности к группе лиц, в отношении которых систематически применяется жестокое обращение, то в случае представления заявителем серьезных оснований, позволяющих убедиться в наличии такой практики и его принадлежности к такой группе (на основании, в случае необходимости, сведений, изложенных в последних докладах независимых международных правозащитных или неправительственных организаций), заявитель подпадает под защиту статьи 3 [Конвенции]” (п. 43 постановления).

Европейский Суд отметил, что “...заявление заявителя о предоставлении ему статуса беженца было отклонено, как неприемлемое, миграционными органами, которые пришли к выводу — и их вывод был впоследствии подтвержден российскими судами — что заявителю не может быть предоставлен статус беженца, поскольку не имелось доказательств, что его преследовали на основании его этнической принадлежности... [Д]оводы заявителя относительно риска жестокого обращения не получили должной оценки на национальном уровне” (п. 44 постановления).

Суд пришел к выводу, что “...с учетом доказанного широко распространенного и повседневного применения в отношении членов узбекской диаспоры, к которой принадлежит заявитель, пыток и других жестоких видов обращения со стороны правоохранительных органов на юге Кыргызстана, а также с учетом безнаказанности сотрудников правоохранительных органов и отсутствия достаточной защиты для заявителя в запрашиваемой стране... [обосновано] наличие реальной угрозы применения в отношении заявителя обращения, запрещенного статьей 3, в случае его возвращения в Кыргызстан” (п. 48 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по делу “Набид Абдуллаев против России”, жалоба № 8474/14 (вынесено 15 октября 2015 г., вступило в силу 14 марта 2016 г.).

Заявитель жаловался на то, что в случае его выдачи в Кыргызстан он подвергнется пыткам и бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию, потому что он принадлежит к узбекскому этническому меньшинству.

Европейский Суд отметил, что “...в отличие от других ранее рассмотренных Судом дел против России, касающихся экстрадиции в Кыргызстан, в настоящем деле внутригосударственные органы власти рассмотрели доводы заявителя, подтверждаемые различными источниками ООН³ и докладами НПО⁴, относительно существования распространенной практики пыток и иных форм жестокого обращения с узбеками в Кыргызстане, особенно в контексте уголовного преследования за преступления, связанные с событиями, про-

³Организация Объединенных Наций.

⁴Неправительственная организация.

изошедшими в июне 2010 года. Однако они сочли, что эти обстоятельства сами по себе не могут считаться достаточными для отказа в выдаче заявителя Кыргызстану... [В]нутригосударственные суды придали особое значение дипломатическим заверениям властей Кыргызстана, которых, по их мнению, достаточно для устранения угрозы того, что заявитель будет подвергнут жестокому обращению в случае его выдачи” (п. 64 постановления).

Суд пришел к выводу, что “...с учетом подтвержденного, широко распространенного и повсеместного применения пыток и других видов жестокого обращения правоохранительными органами в южной части Кыргызстана по отношению к представителям узбекского сообщества, к которому принадлежит заявитель, безнаказанности сотрудников правоохранительных органов и отсутствия достаточных гарантий для заявителя в запрашивающем государстве... [обоснованно], что заявитель может столкнуться с реальным риском обращения, запрещенного статьей 3, в случае возвращения в Кыргызстан” (п. 70 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что его жалобы на постановления о заключении под стражу не были рассмотрены безотлагательно, а также на отсутствие эффективной процедуры, в соответствии с которой он мог бы оспорить его содержание под стражей.

Суд установил, что “...время, которое потребовалось... краевому суду для рассмотрения жалобы заявителя на вынесенное судом первой инстанции постановление о заключении под стражу, в настоящем деле можно назвать чрезмерным [краевой суд рассмотрел данную жалобу через сорок восемь дней после ее подачи]. Это не отвечает требованию “безотлагательности”, предусмотренному пунктом 4 статьи 5 Конвенции” (п. 83 постановления).

Что касается предполагаемой невозможности добиться пересмотра вопроса о содержании под стражей, Европейский Суд пришел к выводу, что “...в деле заявителя периодический судебный пересмотр его содержания под стражей проводился через разумные интервалы времени и обеспечил быструю оценку нового фактора, который мог повлиять на законность содержания под стражей... Соответственно, в данном отношении не было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции” (пп. 92—93 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по делу “Мухитдинов против России”, жалоба № 20999/14 (вынесено 21 мая 2015 г., вступило в силу 19 октября 2015 г.).

Заявитель жаловался в соответствии со ст. 3 Конвенции на то, что национальные власти не рассмотрели его заявления о риске жестокого обращения в случае его экстрадиции в Узбекистан и что в случае такой экстрадиции он будет подвержен такому риску.

Суд установил, что заявитель “...был объявлен в розыск узбекскими властями в связи с обвинениями в предполагаемом участии в мусульманской экстремистской организации. Эти обвинения стали основанием для запроса об экстрадиции и постановления об аресте, выданного в отношении заявителя” (п. 53 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что “...несмотря на то, что заявитель выдвинул обоснованное заявление о риске жестокого обращения с ним со стороны узбекских правоохранительных органов... Генеральная прокуратура Российской Федерации разрешила его экстрадицию в Узбекистан без рассмотрения существующих для заявителя рисков и просто сослалась на отсутствие “препятствий” для высылки” (п. 49 постановления).

Суд заключил, что “...внутригосударственные суды также не оценили на должном уровне жалобы заявителя

ля согласно статье 3 Конвенции... [суды] отказали в рассмотрении, в ходе судебных разбирательств по вопросу об экстрадиции, широкого ряда ссылок на прецедентную практику Суда, доклады органов ООН и неправительственных организаций о ситуации в Узбекистане и, по-видимому, придали решающее значение заверениям узбекских органов власти, принимая их как должное, без анализа контекста, в котором они были предоставлены, или осуществляя их подробную оценку в соответствии с требованиями Конвенции” (п. 50 постановления).

Заявитель жаловался на то, что его содержание под стражей привело к нарушению подп. “f” п. 1 ст. 5 Конвенции, а также на тот факт, что он не мог добиться судебного пересмотра содержания под стражей в нарушение п. 4 ст. 5 Конвенции.

Суд отметил, что “...экстрадиция заявителя была разрешена в отношении преступлений, которые классифицируются в качестве преступлений средней тяжести в соответствии с российским законодательством. В таких обстоятельствах максимальный период содержания под стражей установлен законом в качестве шести месяцев, и в случае заявителя он истек 30 декабря 2013 года. Его содержание под стражей после указанной даты перестало являться законным в соответствии с внутригосударственным законодательством [С]ледовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции” (пп. 84—85 постановления).

Европейский Суд также заключил, что “...[о]бластной суд в первую очередь рассмотрел жалобу заявителя по существу и вынес распоряжение о его освобождении только... через семьдесят дней после того, как его содержание под стражей перестало являться законным. Из этого следует, что рамки судебного пересмотра являлись явно ненадлежащими и что соответствующие судебные разбирательства не являлись “безотлагательными” согласно значению пункта 4 статьи 5 Конвенции” (п. 97 постановления).

Кроме того, представители заявителя утверждали, что его исчезновение и возможное незаконное выдворение из России, непринятие российскими властями необходимых защитных мер и отсутствие эффективного расследования по данному вопросу привели к нарушению обеспечительной меры, указанной Судом в соответствии с правилом 39 Регламента Суда.

Вместе с тем Европейский Суд отметил, что “...уголовное расследование возможного похищения заявителя было начато незамедлительно... возбуждение уголовного дела является наилучшей, если не единственной, процедурой в российской системе уголовного права, способной соблюсти требования Конвенции к эффективному расследованию” (п. 66 постановления).

Суд установил, что “...исчезновение заявителя приводит к возникновению опасного положения, в котором он лишен защиты, предоставляемой механизмом Конвенции, и лишен возможности участия в разбирательствах в Суде, и ставит под вопрос исполнение постановления, если оно вступит в силу... Следовательно... Россия проигнорировала обеспечительную меру, указанную Судом в настоящем деле в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, в нарушение обязательства в соответствии со статьей 34 Конвенции” (пп. 95—96 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по делу “Рустам Ходжаев против России”, жалоба № 21049/06 (вынесено 12 ноября 2015 г., вступило в силу 12 февраля 2016 г.)¹.

¹По вопросу нарушения ст. 3 Конвенции в связи с жестоким обращением см. также постановления Европейского Суда по делу “Захарин и другие против России”, жалоба № 22458/04, и по делу “Турбылев против России”, жалоба № 4722/09.

Ссылаясь на ст. 3 Конвенции, заявитель жаловался на жестокое обращение во время его задержания сотрудниками правоохранительных органов, а также на недостатки расследования, касающегося жалоб на жестокое обращение.

Европейский Суд установил, что "...в совокупности медицинские справки, представленные заявителем, а также его показания дают достаточные основания считать, что травмы могли быть получены заявителем от сотрудников милиции" (п. 64 постановления).

Суд отметил, что "...органы власти, ответственные за проведение расследования, не приняли всех необходимых мер для подтверждения или опровержения заявлений о жестоком обращении и установления происхождения телесных повреждений... [Н]есмотря на требование заявителя о проведении допроса свидетелей, присутствовавших непосредственно при задержании, следователи, очевидно, не приняли никаких мер для проверки существования таких свидетелей и, в случае необходимости, для установления их личности и их допроса. Наконец, не было принято мер для сопоставления показаний сотрудников милиции с показаниями заявителя, в частности, путем следственного эксперимента... [С]отрудники правоохранительных органов... давали противоречивые показания, касающиеся проведения задержания, и этот вопрос никогда не был предметом анализа для следователей" (п. 66 постановления).

Европейский Суд пришел к заключению, что "...расследование по жалобам на жестокое обращение

не соответствовало требованиям статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте" (п. 69 постановления).

Заявитель также жаловался, что отсутствие защитника в ходе заседания суда кассационной инстанции повлекло за собой нарушение его прав на справедливое судебное разбирательство и на помощь защитника, предусмотренных ст. 6 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что "...заявитель многократно требовал, чтобы в ходе заседания суда кассационной инстанции его представлял назначенный адвокат, который уже представлял его интересы в суде первой инстанции. Это не оспаривалось сторонами. Кроме того, ни один документ из материалов дела не позволяет установить, что заявитель намеренно отказался от помощи защитника в кассационной инстанции" (п. 85 постановления).

Суд пришел к выводу, что "...отсутствие квалифицированной правовой помощи поставило заявителя в неблагоприятное положение по отношению к обвинению... [В] настоящем деле было допущено нарушение пунктов 1 и 3 статьи 6 Конвенции" (пп. 88—89 постановления).

Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
19 октября 2016 г.)*

СПРАВКА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИЗУЧЕНИЯ ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ О ПОМЕЩЕНИИ ИНОСТРАННОГО ГРАЖДАНИНА, ПОДЛЕЖАЩЕГО ДЕПОРТАЦИИ ИЛИ РЕАДМИССИИ, В СПЕЦИАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ И О ПРОДЛЕНИИ СРОКА ПРЕБЫВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ГРАЖДАНИНА, ПОДЛЕЖАЩЕГО ДЕПОРТАЦИИ ИЛИ РЕАДМИССИИ, В СПЕЦИАЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

В связи с обращением Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Верховным Судом Российской Федерации проведено обобщение практики рассмотрения судами в 2010—2015 годах дел о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение и о продлении срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении (далее — дела о помещении иностранного гражданина в специальное учреждение или о продлении срока пребывания иностранного гражданина в специальном учреждении).

Обеспечение государственной безопасности Российской Федерации как комплекс целенаправленной деятельности государственных институтов и структур по выявлению, предупреждению и противодействию различным угрозам выступает одновременно обязательным и неперемным условием эффективной защиты национальных интересов Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации предусматривает, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации. При этом права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55, ч. 3 ст. 62).

С учетом указанных конституционных положений законодатель в ч. 4 ст. 25¹⁰ Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" (далее — Закон о порядке выезда и въезда) установил, что в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, незаконно находящегося на территории Российской Федерации, либо лица, которому не разрешен въезд в Российскую Федерацию, а также в случае, если пребывание (проживание) иностранного гражданина или лица без гражданства, законно находящегося в Российской Федерации, создает реальную угрозу обороноспособности или безопасности государства, либо общественному порядку, либо здоровью населения, в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов других лиц может быть принято решение о нежелательности пребывания (проживания) данного иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации.

Иностранец или лицо без гражданства, не покинувшие территорию Российской Федерации в установленный срок, подлежат депортации (ч. 5 ст. 25¹⁰ Закона о порядке выезда и въезда).

При этом в силу п. 10 ст. 31 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" (далее — Закон о правовом положении иностранных граждан) иностранные граждане, подлежащие депортации, могут быть переданы Российской Федерацией иностранному государству в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии.

Согласно п. 9 ст. 31 Закона о правовом положении иностранных граждан иностранные граждане, подле-

жащие депортации, содержатся в специальных учреждениях до исполнения решения о депортации.

Если иное не предусмотрено федеральным законом или международным договором Российской Федерации, иностранный гражданин, подлежащий передаче Российской Федерацией иностранному государству в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии, и иностранный гражданин, принятый Российской Федерацией от иностранного государства в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии, но не имеющий законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации, могут содержаться в специальном учреждении. В обязательном порядке в специальное учреждение помещается иностранный гражданин, подлежащий реадмиссии, в случае отсутствия документа, удостоверяющего его личность (п. 2 ст. 32² названного Закона).

Помещение иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение на срок, не превышающий сорока восьми часов, осуществляется федеральным органом исполнительной власти в сфере миграции или его территориальным органом (далее — уполномоченный орган в сфере миграции, уполномоченный орган) на основании решения руководителя указанного федерального органа или его заместителя либо руководителя соответствующего территориального миграционного органа или его заместителя (п. 9³ ст. 31, п. 4 ст. 32² Закона о правовом положении иностранных граждан).

Помещение иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение на срок свыше сорока восьми часов может осуществляться только на основании решения суда (п. 9⁴ ст. 31, п. 5 ст. 32² названного Закона).

До введения в действие Кодекса административно-судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) особенности рассмотрения дел о помещении иностранного гражданина в специальное учреждение или о продлении срока пребывания иностранного гражданина в специальном учреждении устанавливались главой 26¹ ГПК РФ.

С 15 сентября 2015 г. данные дела разрешаются по правилам КАС РФ.

Как показывает обобщение, судами за период с 2010 по 2015 год рассмотрено более 6 тыс. дел указанной категории.

При разрешении данных дел суды руководствовались Гражданским процессуальным кодексом РФ (далее — ГПК РФ), КАС РФ, Законом о правовом положении иностранных граждан, Законом о порядке выезда и въезда, Всеобщей декларацией прав человека от 10 декабря 1948 г., Конвенцией о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., Международным пактом о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.

Кроме того, судами учитывались правовые позиции Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека.

В соответствии со ст. 261¹, чч. 1 и 2 ст. 261² ГПК РФ, чч. 1 и 2 ст. 267 КАС РФ заявление, административное исковое заявление о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение (далее — заявление о помещении иностранного гражданина в специальное учреждение) подается в суд в течение сорока восьми часов с момента помещения иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение по решению руководителя уполномоченного органа в сфере миграции или его заместителя, принятому в соответствии с федеральным законом.

Заявление, административное исковое заявление о продлении срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении (далее — заявление о продлении срока пребывания иностранного гражданина в специальном учреждении) подается в суд не позднее чем за сорок восемь часов до истечения установленного по решению суда срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении.

Обобщение судебной практики показало, что в большинстве случаев нарушений сроков подачи заявления, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 261² ГПК РФ и чч. 1 и 2 ст. 267 КАС РФ, миграционным органом не допускалось.

Вместе с тем в Волгоградской области одно заявление о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации, в специальное учреждение и два заявления о продлении срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации, в специальном учреждении поданы с нарушением установленного законом срока.

С нарушением срока данные заявления также подавались в Республиках Калмыкия, Башкортостан, Карелия, Мордовия, в Ивановской, Кемеровской, Орловской, Рязанской, Ростовской, Костромской, Саратовской областях.

В Костромской и Ростовской областях имело место 4 таких случая, в Республике Башкортостан — 3, в Саратовской области — 6.

В Ивановской области и в Республике Мордовия в связи с нарушением срока подачи заявления в адрес уполномоченного органа вынесено частное определение.

Имелись случаи обращения уполномоченного органа в суд до помещения иностранного гражданина в специальное учреждение. На момент подачи заявления указанные граждане находились в местах лишения свободы (Костромская, Орловская области, Красноярский край, Республика Бурятия, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Чувашская Республика).

В частности, вступившим в законную силу приговором гражданин Республики Армения Н. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 125, ч. 1 ст. 135 УК РФ с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. В связи с этим Министерством юстиции Российской Федерации (далее — Минюст России) вынесено распоряжение о нежелательности пребывания Н. на территории Российской Федерации на срок до 17 июля 2022 г. В свою очередь, территориальный орган Федеральной миграционной службы принял решение о депортации Н. за пределы Российской Федерации.

В силу п. 11 ст. 31 Закона о правовом положении иностранных граждан федеральным органом исполнительной власти, ведающим вопросами юстиции, в отношении иностранного гражданина, находящегося в местах лишения свободы, может быть вынесено решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации. Такое решение в течение трех дней со дня его вынесения направляется в федеральный орган исполнительной власти в сфере миграции, который принимает решение о депортации данного иностранного гражданина. В случае наличия международного договора Российской Федерации о реадмиссии, затрагивающего данного иностранного гражданина, принимается решение о реадмиссии такого иностранного гражданина.

Оценивая представленные доказательства, суд пришел к выводу, что решение о депортации принято уполномоченным органом в соответствии с законом, присутствие Н. на территории Российской Федерации создает реальную угрозу безопасности граждан и госу-

дарства. В связи с этим суд удовлетворил заявление о помещении Н. в специальное учреждение сроком на 3 месяца после отбытия наказания, назначенного по приговору суда.

Следует иметь в виду, что законодателем определен срок подачи заявления о помещении иностранного гражданина в специальное учреждение, который в соответствии с положениями п. 9³ ст. 31, п. 4 ст. 32² Закона о правовом положении иностранных граждан, ч. 1 ст. 261², ч. 1 ст. 267 КАС РФ равен 48 часам, исчисляемым с момента помещения иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение.

При этом указанная норма не исключает возможности подачи такого заявления в отношении лица, находящегося в местах лишения свободы.

Кроме того, учитывая, что пребывание на территории Российской Федерации лиц, в отношении которых принято решение о депортации или реадмиссии, создает угрозу безопасности государства, общественному порядку, правам и законным интересам других лиц, здоровью населения, в принятии указанных административных исковых заявлений не может быть отказано.

Анализ представленных данных позволяет сделать вывод о том, что заявления о помещении иностранного гражданина в специальное учреждение и о продлении срока его пребывания в специальном учреждении, как правило, принимались судами к производству незамедлительно в день их поступления и рассматривались в срок от одного до пяти дней со дня возбуждения дела (ч. 3 ст. 261², ч. 1 ст. 261³ ГПК РФ, ч. 3 ст. 267, ч. 1 ст. 268 КАС РФ). Вместе с тем имелись случаи нарушения судом указанных сроков по уважительным причинам (Волгоградская, Вологодская, Псковская, Ульяновская области, Красноярский, Приморский края, Республики Башкортостан, Коми, Мордовия).

В частности, в одном из районных судов Псковской области срок рассмотрения дела о помещении в специальное учреждение гражданина Социалистической Республики Вьетнам Л., подлежащего реадмиссии, нарушен на 4 дня, поскольку судом было удовлетворено ходатайство уполномоченного органа об отложении судебного разбирательства в связи с болезнью иностранного гражданина.

Следует отметить, что ч. 2 ст. 261⁴ ГПК РФ не содержит требования к определению конкретного срока пребывания иностранного гражданина в специальном учреждении, такой срок в решении суда, как правило, конкретно не определялся и устанавливался до исполнения решения миграционного органа о депортации или реадмиссии.

Поэтому имели место случаи, когда суды первой инстанции не указывали срок, на который иностранный гражданин помещался в специальное учреждение. Например, в Кемеровской области состоялось 29 таких решений, 3 из которых отменены в апелляционном порядке в связи с названным нарушением. При этом суды апелляционной инстанции руководствовались правовыми позициями, сформулированными Конституционным Судом РФ.

Так, апелляционным определением Кемеровского областного суда от 19 октября 2015 г. изменено решение Заводского районного суда г. Кемерово от 7 августа 2015 г., которым П. помещен в специальное учреждение до исполнения решения о депортации без указания срока содержания. Как указал суд апелляционной инстанции, в соответствии с позицией Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 17 февраля 1998 г. № 6-П, задержание на неопределенный срок не может рассматриваться как допустимое ограничение права каждого на свободу и личную неприкосновенность, по сути, являясь умалением данно-

го права, в том числе когда рассматривается вопрос о депортации.

В связи с этим решение суда первой инстанции было изменено с указанием на то, что П. помещен в специальное учреждение до исполнения решения о депортации на срок не более чем до 21 декабря 2015 г.

По другому делу определением судебной коллегии по административным делам Пензенского областного суда от 28 мая 2015 г. изменено решение Городищенского районного суда Пензенской области от 18 марта 2015 г., которым лицо без гражданства С., подлежащее депортации за пределы Российской Федерации, помещено в специальное учреждение временного содержания иностранных граждан без указания соответствующего срока.

При этом судебная коллегия, сославшись на положения ст.ст. 3, 8, 9 Всеобщей декларации прав человека, ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах и принимая во внимание правовые позиции Конституционного Суда РФ, изложенные в Постановлении от 17 февраля 1998 г. № 6-П и Определении от 25 сентября 2014 г. № 1830-О, указала, что, поместив С. в специальное учреждение до исполнения решения о его депортации за пределы Российской Федерации, суд не определил временные пределы данного ограничения прав и свобод указанного лица.

С учетом этого судебная коллегия сочла возможным установить конкретный срок помещения С. в специальное учреждение (2 месяца), указав, что уполномоченный орган в сфере миграции при необходимости вправе обратиться с заявлением о продлении указанного срока.

В практике судов имело место помещение иностранного гражданина в специальное учреждение на срок от 48 часов до нескольких суток при наличии авиабилета на определенную дату для убытия за пределы Российской Федерации (Ивановская область, Республика Калмыкия).

Как правило, при установлении конкретного срока пребывания иностранного гражданина в специальном учреждении данный срок продлевался судами по заявлению уполномоченного органа для завершения процедуры депортации или реадмиссии не более чем на 3 месяца.

В связи с принятием КАС РФ введено новое правовое регулирование, которым предусмотрена обязанность уполномоченного органа в сфере миграции указать в административном исковом заявлении конкретный срок пребывания лица в специальном учреждении, а также привести мотивы целесообразности установления такого срока (ч. 2 ст. 62, п. 3 ч. 3 и ч. 5 ст. 266 Кодекса).

Аналогичная обязанность процессуальным законом возлагается и на суд, который в своем решении должен определить и обосновать конкретный срок нахождения иностранного гражданина в специальном учреждении (ч. 2 ст. 269 КАС РФ). При этом суд не связан доводами, изложенными в административном исковом заявлении, и вправе с учетом обстоятельств дела и личности административного ответчика установить более длительный или более короткий срок либо при отсутствии достаточных доказательств необходимости помещения лица в специальное учреждение или продления срока его содержания в таком учреждении отказать в удовлетворении требований уполномоченного органа (ч. 1 ст. 84, ч. 1 ст. 269 КАС РФ).

Так, в зависимости от конкретных обстоятельств дела срок пребывания лица в специальном учреждении составлял от одного до трех месяцев со дня вынесения судом решения.

Имелся случай, когда суд посчитал достаточным нахождение иностранного гражданина в указанном учреждении в течение 3 дней.

Например, решением Приволжского районного суда Астраханской области удовлетворены требования миграционного органа о помещении иностранного гражданина С. в специальное учреждение временного содержания иностранных граждан сроком на 3 дня. Установление данного срока мотивировано тем, что родственниками С. приобретены авиабилеты на его имя, в связи с чем решение о депортации будет исполнено в указанный срок.

При этом в соответствии с ч. 3 ст. 267 КАС РФ административное исковое заявление было незамедлительно принято к производству суда и рассмотрено в день его поступления.

Таким образом, требование закона об оперативном разрешении названной категории дел способствует повышению эффективности защиты прав иностранного гражданина.

При рассмотрении дел о помещении иностранного гражданина в специальное учреждение или о продлении срока пребывания иностранного гражданина в этом учреждении судами учитывались в том числе и такие обстоятельства, как наличие у лица постоянного места работы, места жительства или пребывания, действительных документов, необходимых для пересечения границы, срок, требуемый для определения гражданства, наличие судимости за совершение преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РФ, состояние здоровья, а также иные заслуживающие внимания обстоятельства.

В частности, УФМС России по Калининградской области обратилось в суд с заявлением о помещении гражданина Республики Таджикистан Г., подлежащего депортации, в специальное учреждение на срок до 180 суток.

Судом установлено, что Г. получил вид на жительство в Российской Федерации, который впоследствии был аннулирован миграционным органом в связи с наличием в отношении Г. решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию (п. 2 ст. 9 Закона о правовом положении иностранных граждан). Г. письменно разъяснена обязанность покинуть территорию Российской Федерации в течение 15 дней со дня получения уведомления либо обжаловать решение в судебном порядке.

Решением суда Г. отказано в удовлетворении заявления об оспаривании решения об аннулировании вида на жительство. Однако в установленный срок Г. не покинул территорию Российской Федерации, в связи с чем в отношении его вынесено решение о депортации.

Удовлетворяя заявленные требования и помещая Г. в специальное учреждение, суд исходил из того, что у Г. отсутствуют законные основания для нахождения на территории Российской Федерации. При определении срока пребывания в специальном учреждении принята во внимание длительность процесса оформления необходимых документов для завершения процедуры депортации.

В другом случае миграционному органу отказано в удовлетворении заявления о помещении в специальное учреждение сроком на 3 месяца гражданина Республики Абхазия Б., в отношении которого Минюстом России вынесено распоряжение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации.

Основанием для принятия судом такого решения послужило наличие у Б. тяжелого заболевания, требующего постоянного медикаментозного лечения и пребывания в изолированном помещении.

При решении вопроса о помещении иностранного гражданина в специальное учреждение судами также принималось во внимание наличие у такого гражданина родственных связей на территории Российской Федерации.

Так, Гвардейским районным судом Калининградской области рассмотрено дело по заявлению миграционного органа о помещении гражданина Республики Азербайджан К., подлежащего депортации, в специальное учреждение.

Судом установлено, что К. оформлено разрешение на временное проживание на территории Калининградской области сроком до 5 мая 2017 г., на этот же срок К. получена регистрация по месту пребывания.

При этом по приговору Гурьевского районного суда Калининградской области от 16 декабря 2014 г. К. осужден за совершение преступлений, предусмотренных п. “а” ч. 2, п. “б” ч. 4 ст. 158 УК РФ, к 1 году лишения свободы, в связи с чем Минюстом России вынесено распоряжение о нежелательности пребывания на территории Российской Федерации данного иностранного гражданина.

Принимая решение об отказе в удовлетворении требований миграционного органа, суд исходил из того, что К. на законных основаниях пребывает на территории Российской Федерации, проживает со своей семьей в Калининградской области. Отец и брат К. являются гражданами Российской Федерации, имеют постоянное место жительства в г. Калининграде, где также вправе проживать К. до разрешения судом его заявления об оспаривании решения о нежелательности его пребывания в Российской Федерации и о депортации. С учетом указанных обстоятельств, а также требований чч. 1 и 2 ст. 269 КАС РФ суд посчитал, что необходимость помещения К. в специальное учреждение отсутствует.

При решении вопроса о продлении срока пребывания иностранного гражданина в специальном учреждении судами также учитывались длительность нахождения в таком учреждении, а также достаточность и эффективность мер, принимаемых уполномоченным органом для осуществления процедуры депортации.

Например, уполномоченный орган в сфере миграции ходатайствовал о продлении срока содержания в специальном учреждении иностранного гражданина на 3 месяца, ссылаясь на проведение процедуры подтверждения принадлежности указанного лица к гражданству названного государства и получения свидетельства на его возвращение.

Разрешая данное дело, суд не согласился со сроком, указанным административным истцом, и продлил срок содержания Г. в специальном учреждении на 2 месяца.

При этом суд учел длительность содержания указанного лица в специальном учреждении и, в частности, то, что Г. решением суда от 14 марта 2015 г. был помещен в специальное учреждение на срок 3 месяца, а затем этот срок решением суда от 11 июня 2015 г. был продлен еще на 3 месяца.

Суд указал, что уполномоченный орган предпринимал недостаточно активные действия для исполнения решения о депортации Г., что также повлияло на определение продолжительности срока.

Кроме того, судом вынесено частное определение в адрес руководителя уполномоченного органа за допущенную волокиту при осуществлении процедуры депортации. По данному делу срок пребывания иностранного гражданина в специальном учреждении в общей сложности составил 11 месяцев.

По другому делу решением суда удовлетворено заявление уполномоченного органа о продлении срока пребывания в специальном учреждении лица без гражданства Х., подлежащего депортации.

Отменяя указанное решение, судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Республики Башкортостан указала, что Х. пребывает в специальном учреждении в течение длительного периода (свыше 11 месяцев). Продление срока при таких об-

стоятельствах противоречит общим принципам и нормам международного права, а также правовым позициям Конституционного Суда РФ.

Следует отметить, что Законом о порядке выезда и въезда не установлен предельный срок нахождения лица в специальном учреждении, в связи с чем у судов возникают затруднения в решении этого вопроса. В большинстве случаев суды считали разумным помещение лица в специальное учреждение на срок не более 3 месяцев.

Анализируя совокупность конкретных обстоятельств дела, суды считали разумным продление указанного срока до 6 месяцев.

В отдельных случаях суды принимали во внимание ч. 3 ст. 109 УПК РФ и исходили из того, что при совершении преступления, имеющего большую общественную опасность, нежели нарушение миграционного законодательства, срок содержания под стражей не должен превышать 12 месяцев, а в исключительной ситуации может быть продлен до 18 месяцев. С учетом этого срок пребывания иностранного гражданина в специальном учреждении не должен превышать срока, установленного названной статьей Кодекса.

При этом в ряде случаев суды отказывали в продлении названных сроков в связи с неэффективностью мер, принимаемых уполномоченным органом для осуществления процедуры депортации.

Как правило, гражданство лиц, в отношении которых решался вопрос о помещении в специальное учреждение или о продлении срока пребывания в специальном учреждении, было установлено.

Вместе с тем в практике судов имелись случаи, когда лицо, в отношении которого решался вопрос о помещении в специальное учреждение или о продлении срока пребывания в таком учреждении, не являлось гражданином иностранного государства либо лицом без гражданства.

В соответствии с ч. 5 ст. 266 КАС РФ административным истцом суду должны быть представлены документы, подтверждающие личность административного ответчика, а при их отсутствии — заключение миграционного органа об установлении его личности, подготовленное в соответствии с федеральным законом.

Уполномоченный орган в сфере миграции при взаимодействии с консульскими учреждениями иностранных государств также имеет возможность установить гражданскую принадлежность лица, в том числе если указанные сведения им скрывались.

Вместе с тем сложности при установлении государственной принадлежности иностранных граждан и лиц без гражданства в ряде случаев приводили к увеличению срока пребывания таких граждан в специальном учреждении на 1 год и более.

Так, в Брянской, Кемеровской, Курской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Псковской, Томской областях, Алтайском крае имело место по одному такому случаю, в Астраханской, Свердловской, Самарской областях, Республике Мордовия — по два, а в Новосибирской, Ростовской областях и Республике Коми — по три таких случая.

Как правило, данная ситуация была обусловлена длительной перепиской и несвоевременным получением ответов из посольств и консульств иностранных государств.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Определении от 25 сентября 2014 г. № 1830-О, действующей системой правового регулирования предусматривается судебный контроль за сроком содержания лица, в отношении которого принято решение о депортации, в специализированном учреждении, и, соответственно, оно не предполагает, что лицо, в отношении которого принято решение о депортации, может быть оставлено в неопреде-

ленности относительно сроков его содержания в специализированном учреждении.

С учетом этого суду надлежит проверять эффективность и достаточность действий уполномоченного органа, предпринимаемых при проведении процедуры депортации.

В частности, необходимо принимать во внимание сроки направления и рассмотрения запросов о реадмиссии компетентными органами запрашивающей и запрашиваемой сторон, установленные соответствующими межправительственными соглашениями.

Например, п. 3 ст. 5 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о реадмиссии установлено, что центральный компетентный орган государства запрашиваемой Стороны в течение 30 календарных дней с даты получения запроса о реадмиссии в отношении граждан государства запрашиваемой Стороны, граждан третьих государств или лиц без гражданства дает согласие на прием или мотивированный отказ в приеме. При наличии обстоятельств юридического или фактического характера, препятствующих своевременному ответу на запрос о реадмиссии, сроки ответа на основании мотивированного обращения запрашиваемой Стороны продлеваются до 60 календарных дней.

Вместе с тем в случае, когда из обстоятельств дела следует, что лицо пребывает в специальном учреждении длительное время, уполномоченный орган не представляет сведений о возможности исполнения решения о депортации в ближайшее время, отсутствуют данные о том, что административный ответчик может скрыться или уклониться от исполнения решения о депортации, представляется, что суд вправе отказать в удовлетворении административного искового заявления о продлении срока пребывания данного лица в специальном учреждении.

Решения судов об удовлетворении заявлений о помещении иностранного гражданина в специальное учреждение являлись основанием для помещения граждан, подлежащих депортации или реадмиссии, в специальное учреждение на необходимый для осуществления их депортации или реадмиссии срок (ч. 2 ст. 261⁴ ГПК РФ, п. 9⁴ ст. 31, п. 5 ст. 32² Закона о правовом положении иностранных граждан).

При рассмотрении апелляционных жалоб на решения по анализируемой категории дел у судов возникали вопросы, связанные с необходимостью обязательного участия административного ответчика в суде апелляционной инстанции.

В силу ч. 3 ст. 268 КАС РФ административное дело о помещении иностранного гражданина в специальное учреждение или о продлении срока пребывания иностранного гражданина в специальном учреждении рассматривается с участием этого иностранного гражданина.

Согласно ч. 1 ст. 307 Кодекса суд апелляционной инстанции рассматривает административное дело в судебном заседании по правилам производства в суде первой инстанции с учетом особенностей, предусмотренных КАС РФ. Однако каких-либо особенностей при рассмотрении данных дел в суде апелляционной инстанции Кодекс не устанавливает.

В связи с этим апелляционная жалоба по делу о помещении иностранного гражданина в специальное учреждение или о продлении срока его пребывания в специальном учреждении может быть рассмотрена в отсутствие административного ответчика.

В отдельных случаях при наличии технической возможности участие иностранного гражданина в судебном заседании суда апелляционной инстанции может быть обеспечено посредством использования систем видеоконференц-связи (ст. 142 КАС РФ).

Следует отметить, что суды в целом правильно применяли законодательство, регулирующее вопросы помещения иностранного гражданина в специальное учреждение, а также продления срока его пребывания в специальном учреждении.

Затруднения, возникавшие при рассмотрении дел данной категории, в основном вызваны длительностью исполнения компетентными органами условий меж-

правительственных соглашений, сложностями при установлении личности иностранных граждан и лиц без гражданства, а также пробелами в правовом регулировании отношений, связанных с депортацией и реадмиссией, в том числе на международном уровне.

*(Справка утверждена Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
30 ноября 2016 г.)*

Поправка

В Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации № 3 за 2016 год на стр. 21 последнее предложение абзаца 7 следует читать: “В числе прав, которые не могут быть реализованы третьими лицами, не заявляющими самостоятельных требований на предмет спора, право на возмещение судебных расходов не поименовано.”

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Борисова Е.Е.**, **Горшков В.В.**, **Давыдов В.А.**, **Журавлева Е.М.**,
Момотов В.В., **Нечаев В.И.**, **Петрова Т.А.**, **Пчелинцева Л.М.**, **Рудаков С.В.**, **Свириденко О.М.**,
Хаменков В.Б., **Харламов А.С.**, **Хомчик В.В.**, **Шилохвост О.Ю.**

**Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации**

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 25.05.2017.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,51. Уч.-изд. л. 8,37. Тираж 8697 экз. Заказ 3173-2017.

Отпечатано в АО “Красная Звезда”.
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, д. 38.
Телефоны: 495-941-28-62, 495-941-34-72, 495-941-31-62.
E-mail: kr_zvezda@mail.ru
<http://www.redstarph.ru>
